

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2409-1030

**ВЫПУСК № 1
2014 г.**

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Ставрополь – 2014

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

Левитская А. А. – ректор СКФУ (председатель); **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя); **Авидзба В. Ш.** – к-т филол. наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор (Саратов); **Гусаренко С. В.** – д-р филолог. наук, профессор; **Дмитриев А. В.** – д-р философ. наук, член-корреспондент РАН (Москва); **Ерохин А. М.** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р истор. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН (Москва); **Саваи Ф.** – д-р истор. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Старилов Ю. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Федотов О. И.** – д-р филолог. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р соц.-полит. наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии,

Редакционная коллегия

Крючков И. В. – д-р ист. наук, профессор (председатель); **Авксентьев В. А.** – д-р филос. наук, профессор; **Амбарцумян К. Р.** – канд. ист. наук (отв. секретарь); **Василенко В. В.** – д-р ист. наук, доцент; **Величко Л. Н.** – канд. ист. наук, доцент, (отв. секретарь); **Галкина Е. В.** – д-р. полит. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Ежова Е. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Иванова С. Ю.** – д-р филос. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Лепилкина О. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Ломтева Т. Н.** – д-р пед. наук, профессор; **Московская Н. Л.** – д-р пед. наук, профессор; **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебряков А. А.** – д-р филол. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Шебзухова Т. А.** – д-р истор. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64

© ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2014
ISSN 2409-1030

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Амбарцумян К. Р. Специфика детства в условиях сельской повседневности Ставрополья и Терека во второй половине XIX – начале XX века	7
Булыгина Т. А., Романов В. В. Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией на Ставрополье и Тереке в 1920-е годы.....	12
Краснова И. А., Величко Л. Н. Борьба политических фракций или файда: истоки возникновения партий гвельфов и гибеллинов во Флоренции	18
Калинина Е. В. Неформальные организации и их участие в региональных выборах на рубеже 1980-х – 1990-х гг.....	25
Клопихина В. С. У истоков отечественной устной истории (опыт работы истпартов Северного Кавказа по формированию корпуса источников личного происхождения)	31
Колосовская Т. А. Идеи и проекты военной администрации в контексте интеграции Северного Кавказа в состав Российского государства (конец XVIII – начало XIX вв.).....	37
Коробкина И. А., Кунаева А. В. Эволюция этапов формирования европейской молодёжной политики.....	42
Крючков И. В. Эрнест Кербер – последняя надежда Империи Габсбургов?	48
Плохотнюк Т. Н. Особенности установления правового статуса подданных и иностранцев в России и в Германии в XIX веке: историко-сравнительный анализ	55
Польская С. А. «От красного цвета – алый, от чёрного – фиолетовый, от зелёного – жёлтый»: хроматическое решение литургии в трактате Джованни Лотарио Конти «О святом таинстве алтаря»	64
Птицын А. Н. Социально-демографические процессы в чешских колониях на Кавказе в дореволюционный период.....	71
Пуховский Н. В. К вопросу о формировании и организационно-структурном становлении Дон ЧК в 1920–1921 гг.	76
Романова Н. В. Власть и художественная культура на Ставрополье и Кубани в 50-60-е гг. XX века	83
Садченко В. Н. Эффективность интеграционных процессов в регионе АТР на примере деятельности АСЕАН	87
Тельменко Е. П. Интерпретация идеи «общего блага» в проповедях Джироламо Савонаролы	93
Ткаченко Д. С. Народы Северного Кавказа в историко-литературных и картографических описаниях конца XVIII – первой половины XIX вв.	99
Трегубов А. Е. Студенческие строительные отряды Ставрополья: особенности возникновения и развития (К 55-летию движения ССО).....	106

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бочкарёва З. В. Методика правового воспитания школьников	111
Вышеслава Т. Ф. Уровни социально-трудовых гарантий в российском и зарубежном образовательном праве	118
Дадабаев В. К., Стрелков А. А. Использование рентгенологического метода спиральной компьютерной томографии в криминалистической и судебно-медицинской практике	124
Заровная Л. В. Государственно-правовая долговая политика России: основные направления реализации	128
Петров Н. В. Фактический и юридический интерес в договоре имущественного страхования	132
Сапунков Р. Ю. Правовое положение юридических лиц и публичных образований как субъектов залоговых правоотношений	138
Тарасов М. В. Некоторые особенности участия несовершеннолетних лиц в гражданско-правовых отношениях в виртуальном пространстве	142
Толстова А. Е. Защита права собственности в Европейском суде по правам человека	146

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бредихин С. Н. Интерпретативные возможности смыслопостроения при переводе (на примере окказиональных стяжений)	151
Золотых Ю. Н. По пути наибольшего сопротивления: святоотеческая литература в контексте литературоведческих исследований XXI века	156
Корнеева М. Д. О функциональном предназначении современной районной прессы (на примере изданий Ставропольского края)	160
Луговой Д. Б. Антропонимическое микрополе Северо-Западного региона Ставропольского края: история и современность	165
Милославская В. В. Мифопоэтика и интертекстуальность как способ расширения художественного пространства сказки братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу»	171

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Перепелицына Ю. Р. Понятие «национальный характер» в трудах русских философов первой половины XX века	175
Попов М. Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: теоретические аспекты	179

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Ambartsumyan K. R. Hildhood in context of family everyday life of villagers in the second half of XIX – the beginning of XX centuries (on Stavropol and Terek sources)	7
Bulygina T. A., Romanov V. V. The extraordinary commission to combat counter-revolution in the Stavropol region and the Terek river in the 1920-ies	12
Krasnova I. A., Velichko L. N. The struggle of political factions or fida: the origins of the parties of the guelfs and the ghibellines in Florence	18
Kalinina E. V. Informal organizations and their participation in regional elections at the turn of the 1980–1990	25
Klopikhina V. S. At the outset of domestic oral history (experience of ispartof the North Caucasus on the formation of the corps of sources of personal origin)	31
Kolosovskaya T. A. The ideas and the projects of the military authorities in the context of the integration of the North Caucasus into the Russian state (at the end XVIII – at the beginning XIX c.)	37
Korobkina I. A., Kunaeva A. V. Evolution stages of the formation european youth policy.	42
Kryuchkov I. V. Ernest Kerber – the last hope of Habsburg Empire?	48
Plohotniuc T. N. Peculiarities of the establishment of the legal status of nationals and foreigners in Russia and in Germany in the nineteenth century: historical-comparative analysis	55
Poliskaya S. A. «From red colors – vermillion, from black – violet, from green – yellow»: chromatic misinterpretation of the liturgy in the treatise Giovanni Lothario Konti «About the holy sacrament of the altar»	64
Ptitsyn A. N. Social and demographic processes of the czech colonies on Caucasus in the pre-revolution period	71
Pukhovsy N. V. To the question of formation and organizational-structural formation don Cheka in 1920–1921	76
Romanova N. V. The power and art culture in Kuban and Stavropol regions in 50-60-th years of XX century	83
Sadchenko V. N. The efficiency of integration processes in the ASIA-PACIFIC REGION on the example of the ASEAN	87
Telmenko E. P. Interpretation of the «common good» idea in Girolamo Savonarola’s sermons	93
Tkachenko D. S. The North Caucasus ethnic groups in historical narrations and cartographical descriptions performed in the last decades of the XVIII – the beginning of the XIX centuries	99
Tregubov A. E. Student construction teams of Stavropol: the peculiarities of appearance and development. (To the 55th anniversary of the movement SCT)	106

JURISPRUDENCE

Bochkareva Z. V. Technique of legal education of schoolchildren	111
Vysheslavova T. F. Level of socio-labor warranty in Russian and foreign educational law.....	118
Dadabaev V. K., Strelkov A. A. Using the radiological methods spiral computed tomography in forensic medicine and forensic practice	124
Zarovnaya L. V. State-legal debt policy of Russia: the main directions of implementation	128
Petrov N. V. Factual and legal interest in the contract of property insurance (North-Caucasian Federal University)	132
Sapunkov R. Y. Legal position of legal entities and public entities as subjects pledge legal relations	138
Tarasov M. V. Some involving minors in civil law relations in virtual space	142
Tolstova A. E. Protection of property rights in the European court of human rights	146

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bredikhin S. N. Interpretative possibilities of sense derivation within translation process (on the occasional shift).....	151
Zolotykh J. N. Along the way, the greatest resistance: patristic literature in the context of literary studies of the XXI century	156
Korneeva M. D. On functional purpose of the modern district of the press (for example publications of the Stavropol territory)	160
Lugovoy D. B. The proper names' microfield of the Northwestern area in Stavropol region: past and present	165
Milovslavskaya V. V. Mythopoetics and intertextuality as a way to extend the artistic space tales of the Strugatsky brothers «Monday begins on saturday».....	171

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Perepelytsina J. R. Concept «national character» in the writings of philosophers of the first russian half of the XX century	175
Popov M. E. Identity-based conflicts in post-traditional Russia: theoretical aspects	179

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(470.6):316.346.3

К. Р. Амбарцумян

ДЕТСТВО В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ
(НА МАТЕРИАЛАХ СТАВРОПОЛЬЯ И ТЕРЕКА)

В статье освещена проблема детства в среде сельских жителей Ставрополя и Терека второй половины XIX – начала XX вв. Отмечается зависимость между внутрисемейной иерархией и взаимоотношениями поколений. Проанализированы воспитательные практики и факторы их обусловив-

шие, среди которых важное значение имела сельская трудовая повседневность, которая влияла на сужение границ детства.

Ключевые слова: детство, границы детства, трудовая повседневность, история семьи.

K. R. Ambartsumyan

CHILDHOOD IN THE CONTEXT OF EVERYDAY FAMILY LIFE OF VILLAGERS
IN THE SECOND HALF OF XIX - THE BEGINNING OF XX CENTURIES
(ON STAVROPOL AND TEREK REGIONS SOURCES)

The author deals with the problem of villagers' childhood in Stavropol and Terek regions in the second half of XIX – the beginning of XX centuries. The correlation between interfamily hierarchy and generations' relationship has been found out by the author. Educational practices

and their factors are analyzed. Ambartsumyan has arrived at a conclusion that labor and rural way of life were the most important factors which limited the borders of childhood.

Key words: childhood, borders of childhood, labor everyday life, family history

Связь поколений в границах семейного микросоциума – один из главных элементов семейной повседневности. Жесткость внутрисемейной иерархии сельской семьи диктовала определенные поведенческие стратегии во взаимоотношениях родителей и детей. Большая сельская семья представляла собой уменьшенную копию общины. В ней воспроизводились патриархальные отношения с присущим им авторитаризмом, общностью имущества и двора. Отношения членов семьи строились на безоговорочном подчинении младших членов семьи старшим, власть хозяина над домочадцами была абсолютной. В жизни неразделенных семей наглядно прослеживалась преемственность поколений, непосредственность в передаче опыта от отцов к детям. Глава двора стре-

мился оградить семейную повседневность от всего, что могло бы нарушить привычный уклад, изменить традиции, ослабить его власть. Поэтому домохозяин в такой семье противился обучению своих детей, неохотно отпускал сыновей в дальний промысел, старался не допустить выдела [3].

Специфика аграрного труда обуславливала форму и содержание межличностных отношений в семье, в том числе между родителями и детьми. Тяжелая трудовая повседневность формировала образ жизни и характер взаимоотношений всех членов семьи. Кроме того, на семейные отношения крестьян и казаков влияла «прозрачность» границ внутрисемейного пространства для всей общины. Немаловажным фактором были традиции и религиозные

нормы, давившие на сознание селян и требовавшие беспрекословного повиновения младших членов семьи старшим, особенно главе семьи.

Почитание Бога и старшего – вот, пожалуй, основное нравственное начало, прививаемое ребенку с детства. В мировоззрении сельского жителя были сильны религиозные христианские доминанты, поэтому дети, еще не умея говорить, уже умели креститься. С самого раннего возраста их приучали читать молитвы и регулярно посещать церковные богослужения [17, с.11]. На раннем этапе основы православного вероучения прививала мать, но, как правило, религиозное воспитание заключалось в привитии ребенку обрядовой стороны православия.

В воспитательных практиках и казаков, и крестьян превалировало трудовое начало. Дети в этом отношении не отделялись от мира взрослых, и с ранних лет принимали участие в хозяйственной жизни. Применительно к детской повседневности станицы Слепцовской Терской области П. Семенов называет возраст четыре года – именно в этот период ребенок начинал вовлекаться в трудовую повседневность [12, с. 203]. Половозрастное разделение труда обуславливало гендерную направленность воспитания. Это значит, что детям с раннего возраста, в среднем с семи лет, прививались навыки трудовых операций, выполняемых в соответствии с половой принадлежностью. Как и в городской семье, социализация ребенка определялась традиционными представлениями о месте мужчины и женщины в семье и обществе.

Если проиллюстрировать гендерную составляющую в формировании личности ребенка, то воспитательный процесс протекал приблизительно следующим образом: «...взрослый мужчина управляет плугом, семилеток сидит на ярме и погоняет быков...» [16, с. 115]. Пожалуй, этот возраст в сельской семье и был верхней границей детства, после которой ребенок постепенно инкорпировался во взрослую часть внутрисемейного пространства. Как отмечают современ-

ники, образ жизни детей мало чем отличался от взрослых [4, с. 228]. Поэтапно они вовлекались в хозяйственную жизнь семьи, и по мере взросления происходил переход от простых к более сложным трудовым операциям. Существовавшее в семье половозрастное разделение труда воспитывало чувство личной ответственности, каждый член семьи в любом возрасте был обязан выполнять свой участок работы [12, с. 203].

Зыбкость границ между миром взрослых и детей объясняется не только тяготами трудовой повседневности, но и жилищными условиями сельских семей [12; с. 19]. Как правило, и у казаков, и у крестьян дома были небольшие: одна, реже две комнаты. Поэтому ребенок непроизвольно впитывал особенности взрослой жизни, которые зачастую были деструктивны для детской психики. С другой стороны, взрослые привыкали к постоянному присутствию детей, и практически не разграничивали поведение на допустимое при детях и возможное в их отсутствие. «В присутствии ребёнка взрослые говорят между собою, не стесняясь, таких речей, которые не могут послужить ребёнку пользой» [12, с. 203]. Подражая взрослым, дети перенимали вредные и даже пагубные привычки, например, употребление алкоголя [8, с. 15].

Пребывание в семье в роли ребенка, таким образом, было непродолжительным. В сельской семье в рассматриваемый нами период положение детей было аналогичным тому, о котором писал Ф. Арьес в контексте европейской истории: «старое традиционное общество плохо представляло себе ребенка и еще хуже подростка или юношу. Продолжительность детства была сведена к самому хрупкому его периоду, когда еще маленький человечек еще не может обходиться без посторонней помощи. Очень рано едва окрепнув физически, ребенок смешивался со взрослыми, разделяя с ними работу и игру» [1, с. 8].

Довольно распространенной практикой в крестьянской и в казачьей среде была отдача детей внаем. Мальчики, как правило, пасли скот, а девочек нанимали в качестве нянек. Не всегда для детей это имело благо-

приятные последствия. Их вынуждали много работать, могли плохо кормить и регулярно подвергать телесным наказаниям. В северокавказской прессе можно встретить сообщения о подобных случаях. В 1866 году пропал, отданный внаем пасти скот сын крестьянина с. Белой Глины [13]. А вот пример из казачьей среды. Казак станицы Воровсколесской отдал внаем свою младшую десятилетнюю дочь Ганну. По договоренности она должна была следить за детьми. Хозяин же заставил её пасти скот и полоть просо одновременно. Девочка упустила волов, и они повредили соседское поле. За этот проступок она была избита наемщиком, а когда вернулась домой, отец прогнал её обратно [9].

Сложности внутрисемейных коллизий напрямую влияли на судьбы детей. Такой тривиальный герой народных сказок, как злая мачеха, имел прообразы в реальной жизни. В одной из заметок газеты «Северный Кавказ» можно прочесть о десятилетнем мальчике из села Баранникова Медвеженского уезда, которого в степи едва не загрызли собаки. Нашедшим его чабанам он рассказал, что по настоянию второбрачной жены отца он был отдан внаем в одну из станиц Кубанской области. Работодатель отправил его на целое лето в степь пасти волов и практически не кормил, поэтому мальчик сбежал домой [9]. Автор этой заметки, красноречиво озаглавленной «Язвы деревни», подводя итоги, отметил распространенность подобных явлений в сельской действительности.

В равной степени, как и городское, так и сельское пространство иногда являло ужасающие картины обращения с детьми в некоторых семьях. Проблема домашнего насилия над детьми была актуальна для сельской местности. Вновь обратившись к периодике можно обнаружить порой жуткие эпизоды из частной жизни селян. В 1911 году за истязание мальчика Ваньки была осуждена на три месяца ареста его мачеха, крестьянка села Безопасного. Это была обыкновенная молодая крестьянка с «отпечатком изнеможности, заботности и слепой покорности судьбе» [11]. Автор заметки, Николай Сербский, в ней увидел не истязательницу, а женщи-

ну-рабу. Он сетовал по поводу частоты подобных случаев. В своем материале автор отразил особенность отношения современного ему социума к проблеме домашнего насилия над детьми: «Если есть общества покровительства животным, почему нет общества защиты детей. Наказавши бабу, ведь мы её ни чему не научили, не перекроили» [11]. По такому же поводу в свое время аналогично высказался и К. Бахутов [2].

Личная родительская власть некоторыми могла трактоваться совершенно извращенно, и иметь самые пагубные последствия для ребенка. В вышеописанной ситуации речь могла идти о сложностях крестьянского быта, о чрезмерности в воспитании женщиной не своего ребенка. Но зачастую в изучаемый период в семье случались инциденты, когда родители становились источником физического насилия, например, такое явление как кровосмешение было нередким в крестьянской среде [19]. Так житель села Кугульта растлевал всех своих несовершеннолетних дочерей, одна даже родила мертвого ребенка, которого похоронила её мать. Для девочек ужас длился около шести лет, пока их четырнадцатилетний брат не сдал отца в полицию [11].

Особая эмоциональность и глубина общения родителей и детей в рассматриваемый период были скорее исключением, чем правилом. Ежедневная занятость всей сельской семьи в разных отраслях домашнего хозяйства этому не способствовала. Кроме того, приоритетным полагалось физическое взращивание ребенка, духовное ограничивалось привитием религиозных ценностей. Забота о телесном благополучии детей тоже носила ограниченный характер. В силу занятости ни мать, ни отец не уделяли должного внимания даже несмышленным детям. Поэтому и без того высокая детская смертность от антисанитарии и отсутствия должного медицинского обслуживания росла за счет несчастных случаев.

В местной печати приходится встречать заметки о гибели маленьких детей из-за отсутствия присмотра. По описаниям современников, маршрут прогулок малень-

кого ребенка, который только недавно научился ходить, никак не контролировался родителями [4, с. 296]. Например, в 1867 году в яме на огороде утонула двухлетняя дочь крестьянина Сухой Буйволы Пятигорского уезда Тита Пиляева [15]. Годом ранее так же погибла дочь крестьянина села Новогеоргиевского Козлитина [14].

В начале XX века в провинциальной прессе стали публиковаться материалы, не просто информирующие о несчастном случае с ребенком, но и признающие отсутствие должного присмотра за детьми [10]. Сложности положения детей в сельской местности, частая детская смертность в деревне стали осознаваться как социальная проблема в масштабах региона. Все эти случаи не означают нелюбовь и полное отсутствие заботы о детях, скорее всего здесь уместно говорить о так называемом «любящем небрежении», которое было распространено в Древней Руси [7, с. 287] и было устойчиво в сельской семье в изучаемый нами период.

Частые случаи детской смертности объясняли относительное спокойствие родителей потерявших ребенка. Это внутрисемейное событие протекало непримечательно для окружающих. Приблизительно так, как описал П. А. Востриков: «...поплачет немного мать, затем сосед возьмет гробик под мышку, отнесет на кладбище, а на могилке поставят небольшой деревянный крестик, чтобы не забыть места могилки. Дома мать устроит небольшие поминки, куда приглашаются дети, и дело с концом» [4, с. 287].

Шокирующее нас чопорное, холодное восприятие детской смерти объясняется влиянием еще одного фактора – религиозного. Если бесплодие считалось большим несчастьем, и характерным было высказывание «Бог не дал» [6], то в отношении смерти ребенка была вполне применима фраза «Бог дал, Бог взял». Православие, поддерживавшее авторитет старшего, учившее покорности и смирению перед властью, прививало смирение и перед ударами судьбы.

В сельском социокультурном пространстве особняком располагались семьи местной интеллигенции, в которых общение

между родителями и детьми носило качественно иной характер. Отсутствие таких доминант, как большая патриархальная семья и тяжелый сельскохозяйственный труд, обуславливало особый тип детства. Ребенок был центром семьи, его благополучие – физическое и духовное – имело решающее значение для родителей, детям старались дать образование. К этой категории принадлежала семья священника села Летницкого Вячеслава Запорожцева. Воспоминания его дочери Марии, ученицы Ольгинской гимназии, отражают её восприятие собственного детства уже в зрелом возрасте [5]. Взаимная эмоциональная привязанность родителей и детей в подобных семьях несомненна. При этом она открыто демонстрировалась как детьми, так и родителями, в том числе и отцом. Поведенческие стратегии отца и дочери в отношении друг друга типичны для семей типа Запорожцевых.

Однако в семье брата Вячеслава Запорожцева, Ивана, тоже священника, женившегося на казачке Матрене, обнаруживаем совершенно иное отношение к ребенку: «Дети были частыми, но плохо ухоженными» [5]. Автор воспоминаний отмечает, что внешне семья была дружной, но по мере взросления дети тяготились жестким контролем и даже деспотизмом со стороны матери, поэтому стремились покинуть родительский дом [5], что в этот период было распространенным явлением в крестьянской и казачьей среде. Эпизод, посвященный семье Ивана и Матрены Запорожцевых, являет пример межкультурной коммуникации во внутрисемейном пространстве. Во взаимоотношениях поколений решающую роль здесь сыграли элементы культуры, носителем которых была женщина.

Таким образом, период детства в контексте повседневности сельской семьи был крайне непродолжительным, при этом граница между миром детей и взрослых была зыбкой. Содержание воспитательные практик как в казачьей, так и крестьянской семье было выработано под влиянием трудовой повседневности, которая способствовала существенному сужению границ детства.

Литература

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. – Екатеринбург, 1999.
2. Бахутов К. Медико-топографическое и санитарное состояние города Ставрополя // Ставропольский текст: описания, очерки, исследования. – Ставрополь, 2006.
3. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX веков). – Тамбов, 2004.
4. Востриков П.А. Станица Наурская, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее – СМОМПК). Вып.33. – Тифлис, 1904.
5. Гимназистка. Воспоминания М.В. Сивовой-Запорожцевой. Рукопись. Н.Чеха.
6. Пивоварова Л.Н. Повседневная семейная жизнь крестьян российской провинции во второй половине XIX века (на материалах Курской губернии). Дис. на соискание учёной степени к-т ист. наук. Старый Оскол, 2006.
7. Пушкарева Н.Л. Мать и материнство на Руси (X – XVII вв) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. – М., 1996.
8. Рябых Н. Село Новогеоргиевское (Терновка) Ставропольской губернии и уезда // СМОМПК. Вып.23. – Тифлис, 1897.
9. Северный Кавказ. –1896. – №60.
10. Северокавказская газета. – 1910. – №88.
11. Северокавказский край. – 1911. – №53.
12. Семенов П. Станица Слепцовская Терской области Владикавказского округа // СМОМПК. Вып.5. – Тифлис, 1886.
13. Ставропольские губернские ведомости. –1866. –№35.
14. Ставропольские губернские ведомости. –1866. – №36.
15. Ставропольские губернские ведомости. –1867. – №21.
16. Терновский П. Село Чернолесское // СМОМПК. Вып.1. –Тифлис, 1881.
17. Урусов С.М. Станица Екатериноградская, Терской области Моздокского отдела // СМОМПК. Вып.33. – Тифлис, 1904.
18. Франгопуло К. Село Прасковья // СМОМПК. Вып.1. – Тифлис, 1881.
19. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГАРСОА) Ф.12. Оп.1. Д.162., Ф.113. Оп.1. Д.40.

УДК 94(47).084:323.273(470.62/.63) «18»

Т. А. Булыгина, В. В. Романов

**ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ
НА СТАВРОПОЛЬЕ И ТЕРЕКЕ В 1920-е ГОДЫ**

Статья посвящена особенностям функционирования ВЧК на Юге России после окончания Гражданской войны.

Ключевые слова: советская власть, местные советы, органы безопасности, гражданская война, ВЧК, политический бандитизм

T. A. Bulygina, V. V. Romanov

**THE EXTRAORDINARY COMMISSION TO COMBAT COUNTER-REVOLUTION
IN THE STAVROPOL AND TEREK REGIONS IN THE 1920-S**

The article is devoted to features of functioning of VChK in the south of Russia after the end of the Civil war.

Key words: soviet power, local councils, security service, the Civil war, VChK, political gangsterism.

Строительство советской политической системы включало в себя разные направления и формы. Одни конструировались умозрительно, исходя из большевистской доктрины, другие диктовались жизнью. Первоначально ленинская доктрина не предполагала создания специальных органов защиты правящего режима, т. к. это будет общенародное государство-коммуна. Однако буквально через пару месяцев практика гражданского противостояния, угроза гибели советской власти от врагов революции вопрос безопасности и защиты нового режима встал очень остро.

Однако эти функции рассматривались большевистским руководством как временные и чрезвычайные, и лишь после гражданской войны стало очевидным, что органы безопасности – обязательный элемент любой государственной системы. В связи с обострением сопротивления контрреволюционных сил Совет Народных Комиссаров (СНК) создал 7(20) декабря 1917 г. в своей структуре Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем, который возглавил Ф.Э. Дзержинский [17, с. 36–37]. В Проекте декрета В. И. Ленин обозначил главные угрозы молодому государству, которые представляют буржуазия, помещики

и «все богатые классы»: «Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов. Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковых чиновников и т. п., саботируют работу». [18, с. 156 – 158]. Поэтому большевистский вождь предлагал экстренные меры борьбы с этими преступлениями.

Создание ВЧК, определение ее принципов работы, структуры и функций были только первым шагом в деятельности ЧК. В такой громадной стране как Россия, эффективность государственной машины определялась деятельностью ее местных звеньев. Поэтому следующим этапом работы ВЧК стали усилия по созданию губернских, областных, уездных органов ЧК. Этот этап был сопряжен с рядом трудностей. Во-первых, удаленность и оторванность ряда регионов от Центра, во-вторых, отсутствие опыта управления государством, в третьих, неприятие дореволюционного опыта государственного строительства, наконец, настроения местного руководства и их самостоятельность. Функции ЧК на местах часто выполняли следственные комиссии и ревтрибуналы при губернских исполкомах. Только к 1919 году, а в некоторых регионах, в связи с Гражданской войной, в начале

1920 года, Всероссийской Чрезвычайной комиссии удалось переломить ситуацию и добиться единообразия в чекистских структурах. В ряде случаев местные власти не хотели терять свои полномочия и саботировали рекомендации центральных директивных органов по созданию губернских ЧК.

После установления советской власти на Ставрополье и Тереке зимой 1918 г. перед новой властью встали проблемы преодоления хозяйственной дезорганизации, сопротивления местной контрреволюции и пресечения действий местного криминала. Согласно декрету «О суде» от 24 ноября 1917 г. для борьбы с уголовной преступностью и контрреволюцией в регионах были учреждены революционные трибуналы, а позже создавались следственные комиссии при местных советах. Такой трибунал решением Ставропольского губернского совнаркома был создан 9 февраля 1918 года, но его следственная комиссия не справлялась со своими обязанностями. В мае 1918 г. некоторые делегаты 3-го губернского съезда советов предложили создать губернскую ЧК, но встретили сопротивление со стороны руководства губисполкома. В то же время размах контрреволюционного подполья на Юге, успешное наступление войск Деникина и Краснова стал толчком к созданию местных органов ЧК. Ставропольский губернский исполком 16 июня 1918 г. принял постановление об организации отдела по борьбе с контрреволюцией [6, с. 2], который проработал до занятия белыми Ставрополя 21 июня 1918 года. Одновременно создавались и уездные ЧК. Первой такой работающей организацией стала Святокрестовская уездная ЧК, которая была создана после вооруженного восстания в апреле 1918 г. жителей села Левокумского, не довольных насильственной конфискацией имущества, земель и разорением ряда крупных хозяйств.

Приближения фронта гражданской войны активизировало работу контрразведки белых. Территория Ставрополя постепенно захватывалась отрядами белогвардейцев, и губернские советские учреждения

были эвакуированы в Благодарненский уезд. В этих условиях встал вопрос о возрождении ЧК для борьбы с контрреволюцией и шпионажем. На объединенном заседании Ставропольского губисполкома, нескольких уездных исполкомов и представителей военной организации 1 сентября 1918 г. был обсужден вопрос «о создании органа, ведающего контрразведкой». В результате была предпринята попытка возродить Ставропольскую Губернскую Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем [4, с. 48].

Необходимо отметить, что гражданская война способствовала укреплению власти ВЧК в системе советских органов власти. Красная армия активно взаимодействовала с местными органами ЧК. После захвата всего Ставрополя белыми губернская ЧК волилась в чрезвычайную комиссию XI Красной Армии. В центре в связи с разворачивающейся гражданской войной также стали уделять больше внимания процессу создания органов ЧК на местах. Так, коллегия ВЧК на одном из своих заседаний в 1918 г. приняла постановление о незамедлительной организации работы ЧК на местах. В регионы было отправлено инструктивное письмо, в котором были регламентированы цели, структура и функции органов на местах, которые, как и некоторые другие органы власти, имели двойное подчинение, игнорируя местные советы и подчиняясь только центру.

Еще одной трудностью при создании местных ЧК был дефицит квалифицированных кадров. Поэтому часто в эти структуры попадали не только работники царского сыска, что противоречило классовому принципу организации советской системы, но и откровенные проходимцы, от чего страдало не только качество работы, но и авторитет ЧК в глазах местного населения. Кроме того, в связи с тяжелой ситуацией на фронте, наиболее боеспособные части ЧК были посланы на театр военных действий, ослабив их силы в тылу. Примером этому было восстание в Ставрополе 9 июля 1918 г., когда восставшие попытались захватить банк,

почту и некоторые армейские казармы. В результате Восстание было подавлено, но ослабший гарнизон не смог противостоять частям Белой армии и 21 июля 1918 г. вынужден был отступить. В январе 1919 г. XI армия отошла с большими потерями на Астрахань. Вплоть до марта 1920 г., когда Ставропольская губерния была занята Красной армией, деятельность губернской и уездных ЧК была прервана.

Несколько иначе происходило становление органов ВЧК на Кавказских Минеральных водах. В Терской области советская власть была установлена в 1918 году. В ее состав с центром во Владикавказе входил Пятигорский отдел Терского казачьего войска. К нему относились Кисловодск, Ессентуки, Железноводск, Минеральные Воды с прилегающими станицами, а также Георгиевский, Курский и Предгорный уезды. Призыв ВЧК создавать чрезвычайные комиссии на местах был с пониманием воспринят советскими органами Пятигорского отдела. В середине апреля 1918 г. была создана Пятигорская ЧК. Однако поскольку 26 апреля 1918 г. был учрежден Ревтрибунал, то чрезвычайная комиссия была передана в его подчинение и преобразована в следственную комиссию. В Пятигорском отделе борьбой со спекуляцией до июля 1918 г. вместо ЧК занималась отдельная комиссия из 10 человек, что было местной самостоятельностью, нарушавшей инструкции ВЧК.

Лето 1918 г. на Тереке было не менее тревожным, чем на Ставрополье. Казачье население региона было враждебно настроено к советской власти. Среди жителей распространялись слухи о скором падении жестокой власти большевиков. Освобожденный из-под ареста под честное слово офицера полковник Шкуро, организовал из зажиточных крестьян и казаков станиц Боргустанской, Бекешевской и Суворовской боевой отряд, который совершил налет на Кисловодск и Ессентуки. Уже в августе 1918 г. Терек оказался втянут в открытую гражданскую войну. Совет Пятигорского отдела объявил его территорию в опасности и ввёл военное положение [15], а 25 дека-

бря 1918 г. учреждения Терской советской республики выехали из Пятигорска. Вот тогда-то чрезвычайная комиссия приобрела полную самостоятельность и организовала борьбу с контрреволюцией, спекуляцией и уголовными элементами [16].

Вторым этапом формирования системы советских органов государственной безопасности стал 1920 г., когда Ставрополье и Терек в результате поражения белой армии вновь стали советскими. В середине февраля 1920 г. Красная армия смогла взять город Святой крест, села Петровское, Благодарное и Константиновское. Ставрополь был освобожден 29 февраля. Только к концу марта 1920 г. красные смогли занять все Ставрополье.

4 марта 1920 г. создал бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе во главе с С. М. Кировым и Г. А. Орджоникидзе. Согласно инструкции политотдела Южного фронта от 29 февраля 1920 г. на собрании политработников было принято решение о создании временного Ставропольского ревкома. Его председателем стал Сергунин а членами – помощник начальника политотдела XI Армии В. Ивановичий, А. Побегушев и Е. Сазонов. Одновременно было создано Ставропольское бюро РКП (б) из 3 коммунистов [21, с. 141].

Следом стали создаваться остальные советские органы власти. Информация о формировании органов ЧК в губернии была помещена в местной газете «Власть Советов». В объявлении говорилось, что Ставропольская губернская ЧК призвана быть глазами и ушами правительства и защищать пролетариат. Еще 20 января 1920 г. коллегией ВЧК были упразднены уездные ЧК, но на местах строительство органов ЧК началось с уездов. В марте этого же года была создана Святокрестовская уездная ЧК. Эта комиссия была утверждена Ставропольским губернским ревкомом 5 апреля 1920 года. Только 1 июля 1920 г., следуя указанию Центра, Ставропольский ревком принял решение о ликвидации уездных ЧК и создании уездных политбюро. [9, 26 об]. Первым заведующим Святокрестовского

политбюро был назначен Б. Н. Лесницкий. Затем были созданы политбюро в Медвеженском, Благодарненском и Александровском уездах, которые в организационном отношении подчинялись уездной милиции, а в оперативном – непосредственно губернскому ЧК. Именно его сотрудники стали руководителями уездных политбюро. Главными их задачами были борьба с бандитизмом, контрреволюцией и духовенством. Права и обязанности политбюро, по сравнению с уездной ЧК были ограничены. К примеру, правом внесудебного рассмотрения следственных дел обладала только губернская чрезвычайная комиссия.

В марте 1920 г. в Пятигорске был создан Революционный трибунал во главе с Сергеевым, а при нем была учреждена следственная комиссия под председательством Савгирова [12, с. 1]. Созданной в Пятигорске ЧК подчинялись 5 политбюро и 63-й батальон ВЧК. Как и на Ставрополье, на Тереке не хватало грамотных кадров, и в ЧК нередко попадали случайные люди. Нехватка профессионалов также приводила к частой смене руководства.

Несмотря на военные победы большевиков, в начале 1920-х гг. усилилось их противостояние с «третьей силой» – крестьянством и казачеством. Люди были недовольны продовольственной разверсткой и политикой реквизиций. Летом 1920 г. обстановка на Тереке и на Ставрополье обострилась, усилилось повстанческое движение против советской власти. Так, в связи с ростом бандитизма и отрядов повстанцев – противников большевистской власти и ростом преступности ЧК приняла решение об ограничении выезда из Ставрополя специальными пропусками. Система пропусков часто менялась. Например, уже в апреле 1920 г. Ставропольская ЧК требовала наклеивать на пропуска фотокарточки, что затрудняло получение разрешения на выезд [5, с. 12]. Бандитизм и повстанческое антисоветское движение на территории Ставропольской и Терской губерний потребовали оперативного формирования вооруженных сил ЧК.

За лето 1920 г. на Ставрополье был зарегистрирован целый ряд вооруженных уголовных и антисоветских формирований, которые инспирировали множество восстаний. Бандитизм и мятежи были связаны с жесткой политикой продразверстки. Этим пользовались противники советской власти, эмигрантская агентура. В начале июня 1920 г. Особый отдел Ставропольской ЧК раскрыл заговор 20 белых офицеров в Ставрополе под руководством помощника коменданта лагеря военнопленных, бывшего поручика Виктора Родочья. Одновременно в районах региона действовали многочисленные банды. Недалеко от села Курсавка действовала банда «Черная Хмара», в которой было 100 сабель и 2 пулемета, в Благодарненском уезде – банда Конаря. В линейном Баталпашинском отделе активизировалась «Армия возрождения России» числом до 2,5 тыс. сабель во главе с генералом М. А. Фостиковым. Бандиты не только чинили зверскую расправу над советским и партийным активом, но и нападали на жителей селений, грабили их и угоняли скот. Несмотря на большие потери, совместными усилиями военных, милиции и отрядов ВЧК восстания удалось подавлять, а банды громить. Например, в ауле Башанта банда Акулова взяла в плен председателя исполкома, которого позже казнили. Бойцы Ставропольского и Медвеженского дивизионов под командованием Д. Г. Гулевского и А. В. Логвиненко окружили и разбили бандитов, а их командира под конвоем отправили в Ставрополь [20].

ЧК Пятигорского округа раскрыла и ликвидировала контрреволюционную организацию, действовавшую в городах Кавказских Минеральных Вод и прилегающих к ним станицах. Члены этой организации планировали организацию крушений поездов, собирали средства для повстанцев в горах, составляли списки коммунистов для их уничтожения. Приговором особой коллегии Пятигорской окружной ЧК к разным видам наказаний были приговорены 20 человек, из них к расстрелу – 10 человек. [19]

Помимо силовых мер в борьбе с бандитизмом и повстанчеством работники мест-

ных ЧК организовывали агитацию не только среди населения, направленную против банд, но и внутри повстанческого движения. В 1921 г. председатель Терской ЧК, старый большевик В.И. Савинов инициировал обращение ко всем повстанцам, подписанное военным и советским руководством губернии «Ко всем находящимся в бело-зеленых бандах». В этом воззвании предлагалось рядовым повстанцам сдать оружие вернуться домой и «жить, как живут все казаки и крестьяне» [14, с. 130]. В 1922 г. чекисты под руководством начальника специальной оперативной части Зиновьева выезжали в леса на переговоры с бандитами, рискуя собственной жизнью. Они склоняли на свою сторону повстанцев, а тех, кто не хотел сдаваться, похищали и привозили их в отдел [13, с. 7]. Кроме того, начиная с 1921 г., чекисты организовали агентурную сеть внутри банд и их сторонников. Внедрялись в банды сотрудники Терской ЧК П. С. Маносов и Я. Е. Гетманов [3].

Однако главной причиной спада повстанческого движения к 1925 г. была не деятельность органов местных ЧК, а изменение курса большевистского правительства весной 1921 г., когда продразверстка была заменена продовольственным налогом.

В функции ЧК входили также борьба с экономическими преступлениями, чистка советского управленческого аппарата, сбор информации о настроениях жителей региона. Например, т. к. Кавминводы были крупным железнодорожным узлом Северокавказской магистрали, заботой Терской ЧК была ликвидация мешочничества. Органы ЧК принимали активное участие в изъятии у населения продразверстки. Специальное положение 12 июля 1920 г. предписывало ЧК организацию заградительных отрядов и постов продовольственных органов [2, 18 об]. Местная ЧК выполняя функциональные обязанности, расследовала преступления должностных лиц. К примеру, работники Ставропольской губчека занимались раскрытием преступной деятельности работников местного уголовного розыска [10, с. 111]. Коллегия Ставропольской ЧК в мар-

те 1921 г. обвинила начальника 3-го района Медвеженской уездной милиции в том, что он организовал заговор среди крестьян села Песчанокопского [10, с. 86].

Летом 1920 г. ВЧК издала приказ о подаче информационных сводок местными органами. В которые входили данные о политическом состоянии региона, о забастовках, спекуляции, о политических партиях и духовенстве, о недостатках работы местных органов – всего 12 позиций [1, с. 89–90]. К примеру, в двухнедельной информационной сводке по Александровскому уезду за 15 августа – 1 сентября 1920 г. содержались сведения милиции о грабежах, убийствах и проч., а также о настроении жителей местных сел. Так, были даны сведения о брожении среди крестьян села Нагуты, недовольных продразверсткой [22, с. 20–21].

Сотрудники местных ЧК принимали активное участие в борьбе с беспризорностью. По рекомендации ЦК партии возглавили эту работу аппарат ВЧК и её местные органы. На Ставрополье из 4500 учтенных беспризорников было 51 % круглых сирот. Только в Ставрополе было 26 детских домов на 3163 детей [11, с. 580–582]. В губернии была создана детская комиссия во главе с председателем губернской ЧК В. Н. Чернобровым. Для борьбы с плохим обеспечением детских домов, халатностью и хищениями он предложил прикрепить детские дома для осуществления шефства к отдельным учреждениям и усилить над ними санитарный контроль [11, с. 66].

При переходе к мирному строительству стали очевидными отсутствие правовой основы деятельности ВЧК, ошибки и злоупотребления органов ЧК на местах. Появилась возможность передать судебные функции ЧК в ведение правоохранительных органов, а специальные органы сосредоточить на организации контрразведывательной работы. Поэтому 6 февраля 1922 г. по решению IX съезда Советов и декрета ВЦИК Всероссийская Чрезвычайная комиссия и её местные органы были упразднены. При НКВД РСФСР создавалось Государственное

Политическое управление (ГПУ), в задачу которого входила охрана железнодорожных путей, борьба с контрреволюцией и шпионажем, незаконным переходом границы. Вскоре, 15 ноября 1923 г. ГПУ было преобразовано в Объединенное Государственное Политическое Управление при Совнаркоме СССР (ОГПУ СССР). В 1922 г. началась реорганизация местных ЧК. Ставропольский губернский отдел ГПУ был утвержден губернским исполкомом 16 марта 1922 г. [8, 28 об]. Был создан и отдел ГПУ Терской губернии. В 1923 г. эти органы были преобразованы в ОГПУ.

С образованием в 1924 г. Северо-Кавказского края с центром в г. Ростове на Дону и создание Ставропольского и Терского округов статус местных органов государственной безопасности снизился. Началась работа, с одной стороны, по сокращению штатов и упорядочению чекистского аппарата, а с другой, улучшению материального положения чекистов и их военного обеспечения. Многогранная, противоречивая и сложная деятельность чекистов Ставрополя и Терека в начале 1920-х гг. была подчинена задаче укрепления советской власти и стабилизации социального положения в регионе.

Литература

1. Архив Управления внутренних дел Ставропольского края (УВД СК). Ф. 42. Д. 1.
2. УВД СК Ф. 42. Д. 2.
3. УВД СК Ф. 42. Д. 5982.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). ФР-6. Оп.2. Д.40
5. ГАСК. ФР-100. Оп. 1. Д. 26.
6. ГАСК. ФР-163. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАСК. ФР-163. Оп. 1. Д.104.
8. ГАСК. ФР-163. Оп. 1. Д. 136
9. ГАСК. ФР-316. Оп. 1. Д. 1.
10. ГАСК. ФР-316. Оп. 1. Д. 3.
11. ГАСК. ФР-1161. Оп. 1. Д. 19.
12. ГАСК. ФР-1280. Оп. 1. Д. 34.
13. ГАСК.Ф-Р.1317. Оп. 1. Д. 195.
14. ГАСК. Ф-Р.3457. Оп. 1. Д. 23.
15. Известия Пятигорского Совдепа. – 1918 – № 56 (27 мая).
16. Известия Пятигорского Совдепа. – 1918 – № 63 (5 июля).
17. Ленин В. И. и ВЧК. Сборник документов. – М., 1975.
18. Ленин В. И. Записка Ф. Э. Дзержинскому с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками / Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 35.
19. Северный Кавказ. – 1920 – № 75 (25 июля).
20. Советский Юг – 1921 – № 8 (13 января).
21. Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье. – Ставрополь, 1968.
22. Центральный Архив ФСБ (ЦА ФСБ). Ф.1. Оп.4. Д.229.

УДК 94(450).04

И. А. Краснова, Л. Н. Величко

**БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ФРАКЦИЙ, ИЛИ ФАЙДА: ИСТОКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ПАРТИЙ ГВЕЛЬФОВ И ГИБЕЛЛИНОВ ВО ФЛОРЕНЦИИ**

В статье раскрываются особенности восприятия в коммунальном обществе Флоренции двух центров власти – папского престола и императора Священной Римской империи; насколько приверженность тому или иному центру выражала внутренние противоречия флорентийского общества и как отвечала политико-идеологическим и духовным потребностям горожан. Ос-

новное внимание уделяется социальному и идеологическому значению разделения городского социума на партии и последующего противостояния между гвельфами и гибеллинами.

Ключевые слова: Средние века, Флоренция, городской социум, консортерия, родовая файда, политические партии, гвельфы, гибеллины, политическая борьба.

I. A. Krasnova, L. N. Velichko

**THE STRUGGLE OF POLITICAL FACTIONS OR FIDA: THE ORIGINS OF THE PARTIES
OF THE GUELPHS AND THE Ghibellines IN FLORENCE**

The article discusses peculiarities of perception of two centers of power - the papacy and the Holy Roman Emperor in the communal-national society of Florence; the extend to which the commitment to a particular centre expressed internal contradictions of Florentine society and met political, ideological and spiritual needs of citizens. The attention is

focused on the social and ideological implications of division of the city society into the parties and the subsequent confrontation between the Guelphs and the Ghibellines.

Keywords: the Middle ages, Florence, urban society, consortia, generic Fida, political parties, the Guelphs, the Ghibellines, political struggle.

Универсальное устройство политического мира в представлениях XIII–XIV вв. предусматривало два высших центра западного христианства – *sacrum Imperium* и *Ecclesia Romana*, обладающих харизматическим авторитетом [19; с. 58–59]. В данном случае встает задача проследить, каким образом оно изначально воспринималось в коммунальном обществе города на Арно и насколько выражало его внутренние противоречия.

Историки второй половины XIX – первой половины XX вв., вслед за Джованни Виллани, полагали, что с самого начала эти партии представляли ассоциации гвельфских и гибеллинских нобилей, боровшиеся за контроль над городом [1, р. 284; 7, р. 3; 10, р. 5]. В общем, такого же мнения придерживался Г. Сальвемини, утверждая, что эти партии «взяли начало от распушенных военных сообществ» или «сообществ ба-

шен», поэтому в XIII в. гранды составляли большую часть членов партий [13, р. 151; 11, р. 95–96]. Современные исследователи, с одной стороны, критикуют суждения своих предшественников за невнимание к экономическим проблемам и слабость попыток выявления социального смысла борьбы гвельфов и гибеллинов, проистекающие из переоценки данных нарративных источников, в частности хроник, не подкрепленные соответствующими архивными материалами [17, р. 91–92]. С другой стороны, они же отмечают крайнюю сложность исследования противостояния гвельфов и гибеллинов в середине – второй половине XIII в. в силу скудости архивных источников: сохранились второстепенные документы, и те с большими лакунами, что очень затрудняет их интерпретацию. Ни одна из имеющихся хроник не может выступать в

качестве аутентичного источника и требует критического анализа, поскольку все они написаны позже середины XIII в. [12, р. 24].

Лишь условно можно связывать гвельфизм и гибеллинизм с определенными социальными слоями. Дж. Табакко объяснял некоторую тягу пополанских структур Флоренции к гвельфизму начиная с установления «Primo popolo» (1250 г.), предшествующей жесткостью правления имперских наместников в Тоскане второй половины 40-х гг. XIII в. Склонность народа к гвельфским нобилем выражала его стремление к городской автономии и независимости от имперских ставленников. В свою очередь, вассально-земельные связи древних и знатных синьоров контадо (графы Гвиди, Убальдини, Буондельмонти) с имперскими институтами предопределили нобильскую интерпретацию гибеллинизма [16, р. 322–324]. Но даже эти взвешенные выводы Табакко следует воспринимать с известной осторожностью.

По данным С. Раведжи, не только к партии гвельфов, но и к гибеллинам примыкало немало пополанских семейств: Боницци, Маччи, Мональди, Сассетти, Омодеи, Амиери, Портинари, представители которых занимали авторитетные посты в коммуне [12, р. 36–37]. Этот же автор отмечал, что в гибеллинских Советах заседали ремесленники, являющиеся членами средних и младших цехов – мясники, башмачники, содержатели таверн, булочники [12, р. 49–50]. Можно считать доказанным вывод о том, что градация «гибеллины – нобили» / «гвельфы – пополаны» условна и дискретна: причудливые конфигурации семейных и социально-экономических интересов, а также быстро меняющиеся политические ситуации размывали границы между гвельфскими ориентациями пополанов и гибеллинскими пристрастиями нобилей.

Н. Оттокар был одним из первых, кто попытался выявить и обосновать, социально-экономический аспект разделения общества на партии, ссылаясь на заключения немецкого историка Р. Давидсона. Победу партии гвельфов Оттокар объяснял активно выраженным интересом широких торговых

и финансовых слоев Флоренции к связям с двором понтифика и Апулийским королевством, обеспечивающим наиболее высокие дивиденды от вложений в торговлю и кредиты. Следуя запретительным буллам пап, Карл Анжуйский предоставлял право торговать в своем королевстве только флорентийцам, известным как гвельфы или представляющим «письменные патенты от Партии Гвельфов и Римской Церкви». Выводы Оттокара состояли в том, что «все наиболее живые и активные силы флорентийского экономического мира должны были собираться и объединяться вокруг Партии Гвельфов», а «гвельфский режим лучше адаптировался к порядку, основанному на пополанских ассоциациях, на нуждах и надеждах делового мира Флоренции» [11, р. 48]. С. Раведжи и М. Тарасси привели убедительные иллюстрации, подтверждающие заключение Н. Оттокара [12, р. 46–47; 17, р. 97].

Процесс образования гвельфской партии и первые этапы борьбы гвельфов и гибеллинов во Флоренции, как и в других городских коммунах Тосканы, также вызывают спорные суждения исследователей. Содержание полемики кратко можно выразить следующим образом: в какой степени сутью противостояний, доходящих до открытой гражданской войны, являлись политико-идеологические программы гвельфизма и гибеллинизма, а в какой мере они выражали внутригородские противоречия, основанные на межклановом соперничестве? Иными словами: противоречие между гвельфами и гибеллинами следует считать борьбой политических партий или антагонизмами кланов-консортерий в процессе достижения наибольшего влияния в городском сообществе?

Суть разделения на партии во Флоренции пытались осмыслить уже в середине XIV в. Знаменитый юрист Бартоло Сассоферрато, который демистифицировал противоречие между гвельфами и гибеллинами в своем труде «Tractatus de guelphis et gebellinis» (1355 г.), объявлял, что эти партии в реальности «не имели отношения ни к Церкви, ни к империи, но только к тем фракциям, которые находились в какой-либо провинции

или городе» [14, р. 355]. Флорентийский правовед Лапо да Кастильонкьо ссылаясь на доктора права Джери д'Ареццо, «обладающего высоким авторитетом и моралью», который, рассуждая о названиях «гвельфы» и «гибеллины», сказал, что «наша эпоха более достойна упрека, нежели эпоха язычников, потому что, поклоняясь идолам, те созерцали зримый образ и ощущали поэтому его силу... ибо видели статуи, отлитые в формы, и слышали, как иной раз они давали им ответы. Но наша эпоха поклоняется только двум именам Гвельф и Гибеллин, не видя их статуй и не слыша от них ответов» [2, р. 78]. Возможно, аретинский юрист имел в виду, что эти названия партий применительно к делам итальянских городов, не наполнены имманентным смыслом, представляя своего рода ярлыки, которые наклеивались к локальным противоречиям. Сам Лапо, являясь главой партии гвельфов во Флоренции, использовал уже утвердившуюся к середине XIV в. коннотацию: «Эти партии возникли в Италии из-за распри, которая случилась между Святыми Отцами и Верховными Понтификами, возглавлявшими тогда Церковь Божью, с одной стороны, и Светлейшими Принцесами, Императорами Римскими, с другой» [2, р. 78–79].

Политический универсализм ставшей уже привычной в XIV в. формулы дополнялся элементами идеологической пропаганды разделения на «своих» и «чужих»: «Гвельфы являлись людьми благочестивыми, милосердными, миролюбивыми, были купцами, жаждущими пребывать в свободе и жить в коммуне, имея статус пополанов, почитающих Святую Церковь. А гибеллины были людьми хищными, надменными, сеятелями скандалов, продажными изменниками, склонными к тирании. В их землях почти не имелось ни коммун, ни пополанского состояния, и они всегда оставались жестокими, мало почитая Господа или его Викария на земле... а люди, населяющие их земли – грубыми, дикими, исполненными ненависти» [2, р. 79].

Современные историки не дают окончательного ответа на вопрос о том, какие смыслы вкладывались в межпартийные

противостояния на разных исторических этапах. Табакко утверждал, что с конца XIII в. названия «гвельфы» и «гибеллины» выражали острую борьбу местных группировок, но в то же время с идеологической точки зрения они «почти превратились в пустую фигуру речи, символизирующую локальное единство и выражающую форму жесткого разделения между враждебными фракциями» [16, р. 318]. С ним солидарен Серджо Раведжи, полагающий, что с последней четверти XIII в. какой-либо идеологический смысл гвельфизма и гибеллинизма, если он и имел место изначально, уже был утрачен: «В действительности фракции гвельфов и гибеллинов вытекали из внутренних противоречий и конъюнктур между фамилиями и консортериями, уже соперничавшими; стремление интерпретировать их в ключе универсалистских идеологий есть, если не ошибочное, то представляющее собой апокриф... конкретный смысл разделения заключался в политической жизни Флоренции» [12, р. 28].

Но это мнение не является единственным. Лаура Де Анджелис, исследуя место партии гвельфов в обществе Флоренции конца XIV – первой трети XV вв., оперирует термином «идеология»: «Партия гвельфов с момента вступления изгнанных гвельфов в отечество в 1267 г. становилась непосредственно органом управления и исполняла гегемонистскую роль в городе до образования Приората. Партия осуществляла от самого своего возникновения задачу сохранения гвельфской идеологии и контроля над каждой попыткой возрождения гибеллинской опасности». Исследовательница ссылается на «Laudatio Florentine Urbis» Леонардо Бруни, описавшего гвельфскую партию как хранительницу и оплот основной политической линии Флоренции. Л. Де Анджелис убеждена, что до 1434 г., партия являлась единственной хранительницей верной интерпретации гвельфской идеологии [6, р. 30–31]. Какой ответ на эту проблему может дать обращение к современникам процесса возникновения и дальнейшей эволюции партийного противостояния?

Согласно версии хрониста Джованни Виллани, на которую чаще всего вот уже два с лишним столетия ссылаются исследователи, разделение флорентийских граждан на гвельфов и гибеллинов было принято начинать с событий праздника Пасхи в апреле 1216 г., когда вспыхнула вражда именитых семейств Флоренции из-за убийства Буондельмонте деи Буондельмонти, знатного юноши, отказавшегося жениться на девице из дома Амидеи, с которой он был уже обручен. Родственники девушки оскорбление смыли кровью, убив отступника в день его свадьбы с другой невестой. Хронист резюмировал: «Это разделило все знатные и прочие семейства Флоренции». Во главе гвельфов встали Буондельмонти, партию гибеллинов возглавили Уберти, сторонники Амидеи: «И многие почтенные семейства граждан и пополанов присоединились к той или другой партии, а со временем поменяли свои взгляды и партийную приверженность» [20, р. 129–130]. Хронист трактовал новое разделение общества изначально как конфликт между нобильскими родами. Как комментируют современные историки эти данные Джованни Виллани?

С. Раведжи, высоко оценивая степень достоверности приводимых Виллани имен знати в партии гвельфов и гибеллинов, а также его точность в хронологическом изложении событий [12, р. 29; 20, v. 38–39, с. 129–131; v., 39; с. 157–159; 42–43, с. 160–161; 51, с. 166; 57, с. 169; 63 с.173; 65, с. 174–175; 78–79, с. 183–187; VII. 2, с. 199; 13–16, с. 207–212; 4, р. 31–32], все же считал изложенную хронистом версию разделения флорентийского общества в день «Пасхи на крови» 1216 г. полулегендарной. Подробный критический анализ повествованию Виллани дал Энрико Фаини на основе сравнения нескольких более ранних анналов и хроник. Он пришел к выводу о несомненной достоверности факта убийства Буондельмонте, но доказал, что изложение Джованни Виллани тенденциозно, поскольку оно было составлено гвельфом уже в период полной победы гвельфской партии над политическими соперниками.

Виллани явно идеализировал «гвельфа» Буондельмонте, «столь прекрасного и изящного кавалера» – молодого рыцаря «в новой белой одежде и на белоснежном породистом скакуне» [8, р. 108].

Виллани не упомянул о другом эпизоде, который предшествовал убийству Буондельмонте в апреле 1216 г. В феврале этого же года состоялся пир в 6 милях от Флоренции (в Кампи) по случаю производства в рыцари Маццинго Тегрими де Мацинги, который «пригласил всех добрых людей Флоренции». За столом некий «придворный игрец» (*upo giuolare di corte*) «поднял нож на мессера Уберто дельи Инфангати, сидевшего рядом с мессером Буондельмонте ди Буондельмонти: как друзья, «они ели мясо с одной доски». Уберто «очень рассердился... и все собрание пришло в великое возбуждение». За столом «грубо хватали» один другого, «повергали за горло» и метали ножи друг в друга. Но «когда подняли столы» по окончании пира, «мессер Буондельмонте ударил ножом мессера Оддо Арриги (Одарриго Фифанти) в плечо и сильно ранил его» [5, р. 117–118]. Буондельмонте представал в этой сцене персонажем агрессивным и неразумным: он ранил сотрапезника уже после окончания пира, когда гости расходились. Оддо Арриги, напротив, поступил так, как было положено по обычаю объявления вендетты, которая считалась делом рода. Он призвал на совет «своих друзей и родичей, среди которых находились графы Гангаланди, Уберти, Ламберти и Амидеи», и они решили помириться с Буондельмонти. Буондельмонте, согласившись на заключение мира, согласно обычаю поклялся взять в жены дочь мессера Ламбертуччо дельи Амидеи, каковая приходилась племянницей Оддо Арриги. Но в дело вмешалась «мадонна Гвальдрада, супруга мессера Форезе ди Донати», которая тайно призвала Буондельмонте и предложила ему свою дочь, воздействуя, по версии псевдо-Брунетто, не столько доводами о красоте девушки, сколько уязвляя его тщеславие и гордость [4, р. 31]: «Кавалер опозоренный, ты женишься из страха перед Уберти и Фифанти; оставь же ту, кото-

рую берешь, и возьми эту, мою дочь, и всегда будешь почитаемым рыцарем». Далее аноним снова подчеркивал безрассудное поведение Буондельмонте: «И тотчас же он пожелал это сделать без всякого совета», то есть, не оповестив, согласно ритуалу заключения брака о своем решении родственников, консортов, друзей и союзников семьи, «покрыв позором женщину из Амидеи, а также и Оддо Арриги». Последний снова собрал совет своих родичей и друзей, которые предлагали ему побить оскорбителя палкой или ранить его в лицо (такая рана считалась позорной). Но Моска ди Ламберти сказал: «Если ты только ударишь или ранишь его, позаботься прежде выкопать себе могилу, где тебя похоронят; но дай ему так, чтобы отплатить равно той обиде, которую тебе причинили» [5, р. 118–119; 20, в. 38, с. 130]. Далее картина свершения мести полностью совпадала с повествованием Виллани. Как видно из этого описания, весьма благоразумно и сдержанно, строго следуя традиционной стратегии рода-консортерии, поступал как раз не Буондельмонте, а оскорбленный им Оддо Арриги, и эта деталь оттеняет импульсивность, самонадеянность и нежелание считаться с традициями и обычаями, свойственные Буондельмонте. К тому же, по мнению Э. Фаини, эти качества вряд ли возможно объяснить молодостью Буондельмонте: трудно установить, сколько ему было лет к моменту гибели, но нашлось документальное свидетельство, что к 1216 г. он уже 4 года был вдовцом, что говорит не в пользу столь уж юного возраста, а те, с кем он пировал, являлись зрелыми мужами, активно подвизающимися на политическом поприще Флоренции по 10–15 лет [8, р. 120–121].

На протяжении своего рассказа анонимный хронист не упоминал никаких терминов, содержащих политический или идеологический смысл. В нем фигурировали «друзья» (*amici*), «родственники» (*parenti*), «примирение» (*pace*), «согласие» (*concordia*), «взять в жены» (*togliere per moglie*), «позор» (*vituperio*), «месть» (*vendetta*). Эта терминология обычно сопутствовала описаниям

файды между консортериями. Приводимые неизвестным хронистом детали свидетельствовали, что Одарриго Фифанти и его союзники вершили месть, не отступая от обычая. Во-первых, имело место стремление к паритету между отмщением и нанесенным оскорблением согласно совету Моска Ламберти, данному Одарриго. Наконец, акт мести вершился публично, что было обязательным условием вендетты: она состоялась «в том месте, где собрались люди» (*vendetta fosse fatta in quello loco dove la gente era raunata...*) [5, р. 118–119].

Более того, анонимный хронист и далее отражал скорее типичную картину вендетты, нежели борьбы политических фракций. Согласно версии псевдо-Брунетто файда закончилась в 1239 г. традиционным примирением: «Буондельмонти и Уберти заключили мир; и мессер Риньери Дзингани ди Буондельмонти отдал дочь в жены мессеру Нери Пикколино дельи Уберти [12, р. 33], брату мессера Фаринаты» [5, р. 119]. Как часто случалось, примирение не положило конца разросшейся родовой вражде. Вскоре мир был нарушен: «Буондельмонти и их последователи гвельфы предательски напали на Уберти, Ламберти, Капонсакки, Амидеи, графов да Гангаланди, Боголези и Фифанти, многие из которых были убиты... а мессеру Гвидо де Галли был отсечен нос вместе со всей губой, так что расщелина рта теперь с каждой стороны доходила до самых ушей» [5, р. 119–120].

Анонимный хронист снова прямо обвинял Буондельмонти в «предательстве», которое стало причиной гражданской войны: «Разбитые гибеллины вернулись во Флоренцию, и началась война, укрепления башен и палаццо весь день штурмовались с помощью приспособлений, при этом гибли многие люди» [5, р. 120]. Упомянув в этом случае об открытой конфронтации гвельфов и гибеллинов, аноним тут же возвращался к межродовым отношениям, приводя еще один эпизод отказа от брака, скреплявшего примирение сторон в 1239 г. Нери Пикколино дельи Уберти «отослал жену к отцу, говоря: „Я не хочу плодить поколения

от предателей». Далее следовало описание явно в духе куртуазно-рыцарских представлений. Изгнанную супругом женщину, «даму очень достойную, мудрую и красивую», ее отец Риньери Буондельмонти «против ее воли вновь выдал замуж за графа Паннокино Паннокьески». И «когда муж в своем доме захотел получить от нее удовольствие, как ему было должно, женщина заплакала и просила его о пощаде: „Благородный человек, я прошу тебя, взывая к твоей учтивости (cortesia): ты не должен принуждать меня, совершая насилие. Знай же, что ты обманываешься, я не могу быть твоей женой, ибо я супруга самого мудрого и лучшего кавалера в Италии, то есть мессера Нери Пикколино дельи Уберти из Флоренции». После этих речей граф Паннокино, «как воистину благородный и учтивый человек, отказался от наслаждения, но... с любовью предоставил ей утешение и советы, достойные и великие дары, а также сопровождающую свиту. И она стала монахиней, затворившись в монастыре Монтичелли Старом» [5, р. 120]. Разумеется, трудно определить степень достоверности в этом эпизоде, но приведенный фрагмент анонимной хроники раскрывает особенности способа восприятия и понимания разделения общества на две партии. Хотя в этом случае автор уже использует термины «гвельфы» и «гибеллины», он не связывает их ни с идеологическими постулатами, ни с внешнеполитическими силами, но лишь с семейно-родовыми отношениями и распрями, вновь запустившими механизм фавды.

Привлекая к анализу два еще более ранних текста [8, р. 126–128], Э. Фаини обращал внимание на то, что в них вообще не упоминалось о начале фавды между Буондельмонти и Фифанти-Ламберти-Амидеи в 1216 г., хотя нет оснований считать, что эти источники появились позже XIII в. Почему этот эпизод «не заметили» авторы, которые, скорее всего, являлись непосредственными свидетелями события? Ответ, видимо, заключается в том, что родовые фавды и вендетты являлись обычным явлением в условиях многообразия судебных

и внесудебных форм, которое отличало итальянские города-коммуны [18, р. 3]. Сохранение значения консортерий в городе предполагало укоренение обычаев и традиционных норм родового права. Более того, в морально-дидактических трактатах XIII в. имелись наставления в том, как следует выражать ненависть и вершить месть. В частности, можно привести труд Боно Джамбони [15, р. XIII–XIV], в котором он помещал месть (Vendetta) в ряд естественных добродетелей, а не пороков: «На пути вендетты приобретается истинная справедливость между врагами... Если один враг захочет оскорбить другого, тот, кого он пожелал оскорбить, может защищаться по велению природы (естественно) и нанести обиду врагу своему, и ему с ним разрешается поступить путем насилия или ответного оскорбления. И когда обиженный защищается и объявляет вендетту, это и есть то правосудие, который один враг против другого может использовать; и используя его... то есть оскорбляя врага в свою защиту, он не имеет никакой вины, потому что вендетта призывает на этот путь» [9, р. 135]. Фаини приводил дидактический трактат Филиппо Чеффи, в котором этот автор XIII в. учил правилам практики мести: «как должно говорить и склонять друзей сделать вендетту» и «как должно им отвечать» [3, р. 73–74]. Думается, что эти сведения о восприятии вендетты в XIII – начале XIV вв. окажутся полезными, учитывая неразделимость партийных противоречий и родовой вражды в городских коммунах.

Э. Фаини убедительно доказал на основе документальных актов, что представители враждующих фамилий после 1216 г. заседали в одних советах и коллегиях, выступали свидетелями и поручителями по одним и тем же делам, сообща владели одним и тем же имуществом, держали совместный патронат над церквями и монастырями, рождались, заключая брачные союзы, что не дает оснований утверждать разделение общества на партии [8, р. 116–120]. Современники «Пасхи на крови» либо не заметили указанного события, не видя в нем никакого иного смысла,

кроме обычной вражды могущественных фамилий, либо описывали их именно как начало традиционной родовой фаворитизации, вспыхнувшей из-за случайной ссоры на пиру.

Видимо, только в 50-е гг. XIII в. противостояние фамилий, до этого выглядевшее как обычная фаворитизация, вступило в новый этап: начались массовые изгнания и, как следствие, поиски враждующими домами поддержки во внешних силах. К 40–50-м гг. XIII в. относятся наиболее ранние данные, свидетельствующие о том, что гвельфы и гибеллины получили институциональное оформление во главе с «капитанами партии» и «советами партии» и начали активно влиять на официальные органы власти коммуны [8, р. 124]. Гибеллины ориентировались на Фридриха II и затем Манфреда, а также на союзные коммуны Пистойю, Пизу, но главное, Сиену, которая постоянно предоставляла высланным или бежавшим из Флоренции гвельфам политическое убежище. Гвельфы опирались на папский престол, особенно

уповая на Иннокентия IV (1243–1254), затем Климента IV (1265–1268), а также на Лукку. Однако уже в конце 50-х гг. флорентийские гвельфы обнаруживали стоптливость в отношении римских понтификов: в сентябре 1258 г. коммуна Флоренция была отлучена от церкви за нежелание исполнять папскую буллу [20, VI. 65, с. 174–175].

Флорентийские хронисты XIII – первой половины XIV вв., повествуя о возникновении партий гвельфов и гибеллинов, обычно не касались сущности идеологических разногласий. Они рассматривали межпартийную борьбу прежде всего как традиционное и лежащее на поверхности противостояние могущественных семейных кланов, не желающих подчинять свои властные амбиции общекommunальному благу, что являлось обычной формой выражения представлений о политических разделениях и противостояниях, в городском социуме, в котором долгое время преобладали могущественные семьи-консортерии.

Литература

1. Caggese R. *Sull' origine della parte guelfa e le sue relazioni col commune* // *Archivio Storico Italiano*. – XXXII. – 1903.
2. Castiglionchio Lapo da. *Epistola composta per lo Nobile Uomo e Dottore Eccellentissimo messer Lapo da Castiglionchio cittadino fiorentino a messer Bernardo suo figlio canonico della Chiesa Cattedrale di Firenze*. – Bologna, 1753.
3. Ceffi F. *Dicerie da imparare a dire a huomini giovani et rozzi* / A cura di L. Biondi. – Torino, 1825.
4. Compagni D. *Cronica di Dino Compagni delle cose occorrenti ne' tempi suoi* / Con prefazione di Isidoro del Lungo. – Firenze, 1913. – I. 2.
5. *Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII* // *Testi fiorentini del Duecento e dei primi del Trecento* / Ed. A. Schiaffini. – Firenze, 1954.
6. De Angelis Laura. *La Repubblica di Firenze fra XIV e XV secolo. Istituzioni e lotte politiche nel nascente stato territoriale fiorentino*. – Firenze, 2009.
7. Dorini U. *Notizie storiche sull' Università di Parte Guelfa in Firenze*. – Firenze, 1902.
8. Faini E. *Il convito fiorentino del 1216. La vendetta all'origine del fazionalismo fiorentino* // *Annali di storia Firenze*. – I. – 2006. – Firenze.
9. Giamboni Bono. *Il libro de' vizî e delle virtù e il trattato di virtù e di vizi* // Ed. C. Segre. – Torino, 1968.
10. Masi G. *La struttura sociale delle fazioni politiche ai tempi di Dante* // *Giornale Dantesco*. – XXXI. – 1930.
11. Ottokar N. *Il Comune di Firenze alla fine del Duecento*. – Torino, 1962.
12. Raveggi S. *Il regime ghibellino* // *Ghibellini, guelfi e popolo grasso: I detentori del potere politico a Firenze*. – Firenze, 1978.
13. Salvemini G. *La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze e altri scritti*. – Milano, 1972.
14. Sassoferrato Bartolo da. *Tractatus de guelfis et gebellinis* // *Studi e documenti per il VI centenario*, ed. Danilo Segoloni. – Milano: A. Giuffrè, 1962. T.II.
15. Segre C. Bono Giamboni e la cultura fiorentina del Duecento // *Giamboni B. Il libro de' vizî e delle virtù e il trattato di virtù e di vizi* // Ed. C. Segre. – Torino, 1968.
16. Tabacco G. *Egemonie sociali e strutture del potere nel medioevo italiano*. – Torino, 1979.

17. Tarassi M. *Il regime guelfo // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: I detentori del potere politico a Firenze.* – Firenze, 1978.
18. Zorzi A. *Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale // Pratique ssociales et politique sjudiciaires dans les villes de l'Occident à la fin du Moyen Age (Actes du colloque international organisé par l'École française de Rome, l'Université d'Avignon et des Pays-de-Vaucluse, l'Università degli studi di Firenze et l'Institut universitaire de France, Avignon, 29 novembre-1 décembre 2001 / a cura di J. Chiffolleau – C. Gauvard – A. Zorzi.* – Roma, 2001.
19. Арнаутова Ю. Е. Инвеститура в церкви: идея, практика, значение // *Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщей истории РАН.* – Выпуск 72 (1-2). – М., 2011.
20. Виллани Дж. Новая хроника или История Флоренции / Перевод, статья и примечания М. А. Юсима – М., 1997.

УДК 316.35:324

Е. В. Калинина

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИХ УЧАСТИЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ НА РУБЕЖЕ 1980–1990-х гг.

Статья посвящена анализу деятельности неформальных организаций на Ставрополье в условиях разрушения монопольного положения КПСС в обществе. В ней анализируется предвыборная борьба и ее последствия между представителями мест-

ных партийных структур и лидерами неформальных объединений.

Ключевые слова: неформальные организации, региональные выборы, кандидаты, демократизация, народные депутаты, политическая борьба, избирательная система.

E. V. Kalinina

INFORMAL ORGANIZATIONS AND THEIR PARTICIPATION IN REGIONAL ELECTIONS AT THE TURN OF THE 1980 – 1990-s.

Article is devoted to the analysis of activities of the informal organizations in the Stavropol Territory under the conditions of destruction of a monopoly position of CPSU in society. It reviews the pre-election struggle among representatives of local party

structures and leaders of informal groups and its consequences.

Key words: informal organizations, regional elections, candidates, democratization, public deputies, political struggle, electoral system.

Политический плюрализм, свободные выборы, многопартийность, независимые СМИ являются, несомненно, общепризнанными и важнейшими демократическими институтами. В последние годы существования СССР и в первые постсоветские годы их признание происходило с огромными трудностями, сопровождалось ломкой привычных стереотипов, особенно у государственно-партийной номенклату-

ры, утвердившейся во власти еще в годы так называемого «застоя». В частности, с большим трудом пробивала себе дорогу идея многопартийности, что было вполне закономерно в условиях отсутствия гражданского общества (его формирование происходило параллельно со становлением многопартийности) и только набравшего силу массового демократического движения, а, во-вторых, учитывая роль и место

КПСС в советском социуме. Тем не менее, появление альтернативных выборов, новых институтов власти – съездов народных депутатов СССР и РСФСР – свидетельствовало о начавшемся процессе разрушения монопольного положения КПСС в обществе. Это доказывают и выборы народных депутатов РСФСР на Ставрополье в 1989–1990 гг.

Однако организационно политические партии в тот период еще не успели сложиться, и параллельно с их формированием происходило оформление различного рода неформальных избирательных блоков. Еще раньше в стране активно стали возникать народные фронты, комитеты в поддержку перестройки, дискуссионные клубы как следствие активного процесса самоорганизации общества. Своей основной задачей они ставили оказание помощи высшему политическому руководству страны по углублению процесса перестройки. На Ставрополье осенью 1988 г. была создана инициативная группа (ИГ) «За народный фронт Ставрополья», выпускавшая журнал «Гражданин», а несколько позже – Ставропольское отделение «Демократического Союза». Появление неформалов было следствием либерализации режима, открывшей возможности для свободного выражения идей и мнений, самореализации личности, в том числе – в политике. Правда, далеко не все неформальные группы стали политизироваться, то есть выдвигать политические требования и включаться в политический процесс в качестве самостоятельных субъектов. Те же, кто встал на этот путь, вызвали резкое неприятие местной партократии. Впрочем, подчас это только стимулировало их политизацию и в определенной степени способствовало их идейно-политическому самоопределению. У участников движения не было единства в вопросах об общественном идеале и конечной цели, но был четко определен политический противник – правящая партократия, которая всячески блокировало процессы социальной активизации населения, особенно в провинции.

В отличие от центра в регионах гораздо медленнее шел процесс объединения

групп и клубов в ассоциации и блоки, тем не менее, к середине 1988 года значительная часть провинциальной интеллигенции включилась прямо или косвенно в обсуждение проблем прошлого и настоящего своей страны. Именно этим был обусловлен «городской» и просветительский характер зарождавшегося неформального движения.

Местное партийное руководство, однако, поспешило вслед за центром охарактеризовать деятельность неформалов как «экстремистскую» (именно этот термин применительно к действиям данных групп фигурирует в материалах совещания с секретарями горкомов, райисполкомов КПСС, посвященного избирательной кампании и состоявшегося в 1988 г. в г. Ставрополе [1]. А поскольку большинство неформальных объединений были созданы в том числе и из нежелания мириться с руководящей ролью партии и стремились к легализации, то в экстремизме можно было обвинить все неформальные движения, что, собственно, и происходило.

8 января 1989 г. ИГ выдвинула кандидатом в депутаты одного из лидеров своей организации зам. редактора «Ставропольской правды» В. А. Красулю [2]. Однако ему было отказано в регистрации. Вторая попытка была предпринята 15 января, когда члены ИГ пытались провести в микрорайоне №5 Промышленного района собрание по месту жительства для выдвижения своего кандидата в народные депутаты. Однако на это собрание прибыло лишь около 30 человек, и оно не состоялось [3]. 19 января на собрании по месту жительства, проходившем во Дворце культуры им. Ю. А. Гагарина, активисты «ИГ» вновь выдвинули кандидатуру журналиста В. А. Красули, которая большинством голосов была отвергнута [4]. Более того, как видно из записки отдела организационно-партийной и кадровой работы крайкома КПСС «Об итогах выдвижения в крае кандидатов в народные депутаты СССР», ИГ, «предложив свою кандидатуру для выдвижения кандидатом в депутаты, за счет

демагогических лозунгов о сокращении рабочего дня для женщин, необходимости расширения демократии, пыталась привлечь к ней внимание избирателей» [5]. Оценка предложений ИГ как «демагогических» (с резко негативным подтекстом) отныне активно вошла в лексикон местной партократии как только речь шла о неформальных движениях. В конечном итоге это формирование высказалось в поддержку Б. В. Лоренского.

Не меньшее раздражение местных партийных структур, в частности, Буденовского горкома КПСС, вызывала инициатива группы избирателей, которая, «прикрываясь лозунгами демократизации, борьбы с бюрократией, в своих предвыборных листовках...стремялась возбудить людей, посеять недоверие к партийным и советским органам» [6]. На таких неугодных избирателей обрушивались репрессии, мощный идеологический прессинг.

Тем не менее, руководящее ядро неформального объединения «Народный Фронт Ставрополя» решило принять участие и в дополнительных выборах 14 мая 1989 г. и голосовать против обоих кандидатов, т. к., по мнению руководителей «НФС», «они стали случайными претендентами на депутатский мандат», а в Ставрополе «не было обеспечено подлинно демократическое обсуждение выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР» [7].

Вместе с тем следует отметить нерешительность и определенную растерянность со стороны отдельных партийных работников и местных партийных организаций края в период предвыборной кампании, когда нужно было быстро реагировать на возникавшие нештатные ситуации, а возросшая общественно-политическая активность населения явно стала выходить из-под контроля партийных структур. Не оценив в должной степени стремительно меняющуюся обстановку, бурную политизацию масс, «некоторые партийные комитеты, – как сообщалось в Информации об итогах выборов народных депутатов СССР по Карачаево-Черкесскому автономному округу

26 марта 1989г., направленной в Ставропольский краевой комитет КПСС, – слабо подготовились к избирательной кампании, не стали политическими центрами ее проведения, запаздывали в практических действиях», а «многие первичные партийные организации формально подошли к подбору и организации работы агитаторов, по-прежнему больше внимания уделяя устройству избирательных участков, хотя это – прямая обязанность советских органов». Партийные же комитеты совхозов «Красновосточный», «Красногорский», завода «Каскад», не оказали кандидатам в народные депутаты необходимой помощи в подготовке к встречам с избирателями [8]. Некоторые окружные комиссии работали, «пребывая в ожидании установок со стороны аппарата партийных и советских органов». В итоге по области число недействительных бюллетеней составило 12 771, по Черкесскому национально-территориальному округу №721 таких бюллетеней оказалось около 5 000 [9]. Подобное, с одной стороны, считалось совершенно недопустимым, а с другой – свидетельствовало о неповоротливости партийных управленцев.

Условия предвыборной борьбы также менялись. Правда, до появления и активного использования политических технологий, включавших политрекламу, ТВ, прессу, маркетинг и т.д., было еще несколько лет.

Тем не менее, отмечались имевшие место в г. Ставрополе случаи, когда «сторонники тех или иных кандидатов срывали плакаты с программами их политических противников, распространяли ложные компрометирующие слухи и домыслы, прибегали к прямым фальсификациям» [10]. Вместе с появлением так называемых «черных технологий» (старое название современных политехнологий) обновлялись методы агитационно-пропагандистской работы, в частности, в их арсенал активно входили такие формы агитработы, как диспуты, дискуссии с кандидатами в депутаты. В помощь кандидатам в депутаты были разработаны социально-экономические паспорта терри-

торий, входящих в каждый округ. Многие кандидаты в депутаты задолго до собраний знакомились с положением дел на местах, беседовали с избирателями. Заслуживает внимания первый опыт комплектования агитколлективов как своего рода команды кандидатов в депутаты. В отличие от предыдущих кампаний активную роль в подготовке к выборам сыграли доверенные лица, которые в целом ряде округов вели большую агитационную работу за своих кандидатов, хотя и этот институт нуждался в дальнейшем совершенствовании. Создавались «Клубы молодых избирателей» (в частности, на 36 избирательных участках г. Невинно-

мысска), общественно-политические клубы «Избиратель» (Пятигорск), формировались специальные группы из юристов, подключившиеся к проведению консультации на избирательных участках, проводились устные журналы, пресс-конференции, «круглые столы», работала городская дискуссионная трибуна (г. Пятигорск) [11].

Всего в выборах в народные депутаты по Ставропольскому краю 26 марта 1989 г. приняли участие 94% избирателей [12].

Интерес представляют данные о количестве избирателей, отказавшихся голосовать, и тех причинах, по которым они это сделали. (табл. 1) [13].

Таблица 1

Оперативная информация о количестве избирателей, которые отказались голосовать 26 марта 1989 г.

ОКРУГА	Всего отказались голосовать	Участвовали в выборах в %	Причины отказа голосовать				
			политические	религиозные	жилищно-коммунальные; торговые	недовольство работой мест. советских правоохр. органов	прочие
Ставропольский нац.-тер. округ № 28	4414	94,0	36	1633	2494	43	208
Ставропольский тер. округ № 103	1143	88,5	20	22	971	21	109
Буденновский тер. округ № 104	196	97,1	2	136	42	-	16
Ипатовский тер. округ № 105	120	97,1	-	69	27	6	18
Карачаево-Черкесский тер. округ №106	341	97,8	12	159	145	5	20
Минераловодский тер. округ № 107	752	94,1	-	422	312	4	14
Невинномысский тер. округ № 108	1651	93,2	-	826	804	1	20
Пятигорский тер. округ № 109	211	97,7	2	1	193	6	9
Черекский нац. округ №721	161	94,3	12	2	126	1	17
Адыге-Хабльский нац.-тер. округ № 722	-	99,6	-	-	-	-	-
Зеленчукский нац.-тер. округ № 723	176	98,2	-	157	12	4	3
Карачаевский нац.-тер. округ №724	4	99,1	-	-	4	-	-
Усть-Джегутинский нац.-тер. округ № 725	-	99,8	-	-	-	-	-

Как видно из таблицы, первое место среди причин отказа голосовать занимали нерешенные вопросы жилищно-коммунального обслуживания и торговли, второе – религиозные, третье – политические и недовольство работой местных советских,

а также правоохранительных органов. Отказ от участия в голосовании – свидетельство неверия населения в то, что депутаты смогут решить важные для него проблемы.

Нормы закона СССР о выборах во многом продемонстрировали свою неприспо-

собленность к демократическим решениям конфликтных ситуаций, с неизбежностью возникающих в условиях политической конкуренции. Обнаружились искусственность ограничений на участие в выборах кандидатов путем проведения предвыборных собраний представителей избирателей, недостаточность разрешенных форм проведения предвыборной кампании и их неурегулированность. Особенно серьезным тормозом для проведения свободных выборов в тот момент являлось сохранение однопартийной системы, контролировавшей все сферы, имеющие существенное значение для проведения выборов: средства массовой информации, экономику и т. д. Демократичность избирательной системы во многом снижалась принципом прямого представительства от общественных организаций на Съезде народных депутатов СССР. Согласно статьям 2, 3 и 4 закона СССР «О выборах народных депутатов СССР» принципы всеобщего равного и прямого избирательного права не распространялись на выборы одной трети народных депутатов. Тем не менее, несмотря на многочисленные изъяны в организации избирательной кампании и ее нормативном регулировании, выборы, проведенные в 1989 г., имели огромное значение для всего последующего развития избирательного законодательства. Эти выборы в чрезвычайно резкой форме поставили перед законодателем и обществом вопросы, требующие неотложного решения. Это и принципы образования избирательных округов, порядок выдвижения и регистрации кандидатов в депутаты, формы предвыборной агитации и ее финансирование и многие другие.

Наиболее отрицательные черты указанного Закона СССР были преодолены Законом РСФСР «О выборах народных депутатов РСФСР» от 27 апреля 1989 г. [14].

В ходе избирательной кампании 1990 г. выросла активность и непризнанных неформальных объединений, заявивших о себе впервые на рубеже 1988–1989 гг. Менялась их тактика, основной упор был сделан на агитационно-пропагандистскую работу

в трудовых коллективах, особенно проектных и научных учреждений. Так, один из лидеров инициативной группы «За народный фронт Ставрополя» В. А. Красуля неоднократно выступал на собраниях в трудовых коллективах Ставропольского мунпроекта, производственного бройлерного объединения «Ставропольское», ессентукской санэпидемстанции [15]; в г. Ставрополе, Георгиевске, Пятигорске, поселках Рыздвяный и Солнечнодольске распространялись листовки и газеты с основными положениями программы этой организации. В г. Ессентуки секция «Альтернатива» городского клуба избирателей издала листовки с призывом не голосовать за секретарей горкома КПСС и краевых руководителей [16]. Инициативная группа Ставропольского отделения «Демократического Союза» 19 марта 1990 г. распространяла листовки, призывавшие бойкотировать выборы народных депутатов СССР [16]. Заявила о себе и инициативная группа Ставропольской ассоциации сторонников Демократической платформы. Один из ее лидеров, Н. С. Баладжанц, сделал заявление о намерении сформировать соответствующее отделение «Новой демократической парламентской партии» на основе Демократической платформы. Оно было поддержано членами ИГ «За народный фронт Ставрополя». В итоге В. А. Красуле удалось создать первичную организацию Демпартии России в Солнечнодольске, народному депутату крайсовета С. И. Попову – в противочумном институте г. Ставрополя. Вместе с тем следует отметить организационную слабость и малочисленность неформальных организаций, отсутствие необходимого опыта, недостаток популярных лидеров и материальных ресурсов, скандальную репутацию, нередко искусственно создаваемую местным партийным руководством, не добившимся от них политической лояльности, и чрезвычайно пристрастное рассмотрение избирательными комиссиями заявительных документов от неформальных организаций. Кроме того, нередко определенный радикализм и отсутствие конструктивного начала в деятельности неформалов

не способствовали привлечению интеллектуалов и прагматиков, свидетельствовали о слабости либерально-демократической оппозиции в центре и особенно на местах. В движении явно доминировали оппозиционеры-романтики, слабо представлявшие важность регулярной политической работы, более склонные к эпатажным действиям типа голодовок и т. д. Наконец, неумение переводить лозунги в политические предложения, неспособность создать механизмы защиты интересов большинства, а также провозглашение общих целей без конкретизации средств их достижения, характерные для тактики неформальных региональных объединений, делало их положение достаточно непрочным.

В итоге, неформалы ограничились решением задачи обеспечения «демократического характера выборов» и поддержки отдельных кандидатов, что, впрочем, в тех конкретных условиях являлось показателем формирования гражданского самосознания и развития демократической культуры. Так, ИГ «За народный фронт Ставрополя» выдвинули своих кандидатов в народные депутаты в г. Ставрополе, Изобильненском и Усть-Джегутинском районах [17]. Правда, следует заметить, что неформальные провинциальные объединения к 1990 г. постепенно структурировались, создавая одновременно свою идейно-теоретическую базу в виде программных документов, во многом копирующих аналогичные документы столичных фронтов. Именно столичные организации превратились в мозговой центр движения, практически приняли на себя выполнение штабных функций, включая разработку про-

ектов избирательных документов. А установившее связь с представителями «Демократического союза» в Москве Ставропольское отделение этого объединения, как сообщалось в информации УКГБ СК, «распространяло полученные из центра программы и иные документы тенденциозного характера, призывающие к свержению строя ненасильственным путем» [18].

Создание региональных народных фронтов объективно явилось итогом идейно-политической эволюции неформальных объединений в 1988–1989 гг., но решающим фактором, обусловившим это событие, стало ужесточение конфликта с местными властями. Последние не хотели признавать неформальные организации в качестве политических субъектов и тем более регистрировать их. Стала вполне реальной угроза подавления недостаточно структурированной и неопытной новоявленной оппозиции. И неформалы поспешили с объединением. Этим объясняется, в частности, поддержка членами «За народный фронт Ставрополя» группы «Ставропольской ассоциации сторонников Демократической платформы», а также Ставропольского отделения Демократической партии России, которых в крае к 1990 г. насчитывалось около 300 человек, из них 30 – активистов и 7–10 человек – ядро [19].

Укрепление позиций в результате объединения неформалов привело в конечном итоге к еще большему противостоянию между стремительно слабевшими партийными структурами и теми, кто выступал за либерально-демократические ценности и углубление экономических и политических реформ.

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). ФР.1. Оп.81. Д.736. Л.86.
2. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д. 470.Л.1.
3. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д.559.Л.110.
4. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Л.111.
5. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д.553.Л.11.
6. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д.559.Л.12.
7. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д.470.Л.40.
8. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д.559.Л.5-6,85.
9. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Л.8.

10. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д.458.Л.69; Д. 559. Л.3.
11. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д. 669. Л.76, 94.
12. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д. 458. Л. 70.
13. Составлено по: ГАНИСК. ФР. 1.ОП.1. Д. 553. Л. 72-75, 156.
14. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1989 – №44. – Ст. 1305.
15. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д. 736. Л. 82, 86, 87; Д. 739. Л. 59.
16. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д. 559. Л. 108.
17. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д. 730. Л. 18.
18. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д.470. Л. 20.
19. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д. 739. Л. 27.

УДК 94(470.6):329

В. С. Клопихина

**У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УСТНОЙ ИСТОРИИ
(ОПЫТ РАБОТЫ ИСПАРТОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ПО ФОРМИРОВАНИЮ КОРПУСА ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)**

В статье рассматриваются формы и методы работы испартов Северного Кавказа, направленные на формирование фонда воспоминаний, которые положили начало отечественной устной истории.

Ключевые слова: испарт, источники личного происхождения, воспоминания, устная история.

V. S. Klopikhina

**AT THE OUTSET OF DOMESTIC ORAL HISTORY
(EXPERIENCE OF ISPARTO OF THE NORTH CAUCASUS ON THE FORMATION
OF THE CORPS OF SOURCES OF PERSONAL ORIGIN)**

The article considers the forms and the methods of operation of «Histparts» of the North Caucasus, pointed at the creation of the fund of the memoirs, that marked the beginning of national oral history.

Key words: «Histpart», the sources of personal origin, the memoirs, the oral history.

Работа Испарта (отдел ЦК РКП(б) – ВКП(б), занимавшийся с начала 1920-х гг. изучением вопросов, связанных с историко-революционной проблематикой и историей Российской Коммунистической партии) и его региональных отделений в 1920–1930-е гг. по сбору воспоминаний положила начало отечественной устной истории, традиции которой впоследствии были утрачены и восстанавливаются сегодня на иной методологической и методической основе. В условиях повышенного исследовательского интереса современ-

ных историков к методикам устной истории актуальным является рассмотрение собирательской деятельности региональных испартов, в частности испартов Северного Кавказа, в процессе которой вырабатывались новые подходы к выявлению исторических источников, уделялось особое внимание устным и личным источникам и методам их создания и обработки.

Основные задачи и направления функционирования испартов были связаны с осуществлением ими исследовательской и популяризаторской деятельности по

историко-революционной проблематике с позиции правящей партии. Для реализации поставленных задач истпарты осуществляли работу по выявлению источников по истории революционного движения, Гражданской войны, а также инициировали формирование нового корпуса источников – воспоминаний. Изначально сбор воспоминаний рассматривался Истпартом как вынужденная задача, порожденная «скудостью материалов чисто партийного характера», необходимых для осуществления исследовательской и популяризаторской работы. В отличие от прежней, дореволюционной оценки воспоминаний, как «человеческого» документа, они важны были не личностью его автора, а степенью отражения определенного периода жизни партии, свидетелем или участником которого он был [1, с. 9–10].

Анализ инструктивных материалов центрального Истпарта и практики функционирования истпартов Северного Кавказа позволяет выявить основные способы осуществления собирательской деятельности на местах. В обращении центрального Истпарта содержался призыв собрать как можно больше «рассказов» для воссоздания «картины совершившегося» [7, с. 9]. Так, региональным истпартам предписывалось разыскивать и регистрировать старых партийных работников, настойчиво приглашать их к написанию воспоминаний, а в случае необходимости записывать мемуары с их слов. Воспоминания, записанные самими авторами, должны были быть просмотрены и в случае существенных пробелов дополнены путем опроса автора [11]. Изначально был определен круг лиц, у которых необходимо было собирать воспоминания, куда входили участники и свидетели революционных событий и Гражданской войны, лояльные большевистской власти.

В директивных документах центра говорилось о необходимости вести систематическую кампанию воздействия на современников революционных событий для получения воспоминаний. Для этого рекомендовалось публиковать в местной прессе воззвания к этим людям, посылать подоб-

ные воззвания на их конкретные адреса. Важное место в этой работе занимало интервьюирование участников и свидетелей по отдельным событиям или ряду событий революционного движения. Использовалось также материальное стимулирование соответствующих мемуарных сочинений. В печати должны были регулярно появляться статьи, пропагандировавшие работу местного истпарта, а истпартовским работникам необходимо было с этой же целью выступать на партсобраниях [12].

В практике работы местных истпартов эти установки имели и свою специфику. Для региональных истпартов стимулирование написания воспоминаний являлось одной из приоритетных задач. Судя по документам истпартов Северного Кавказа, они активно использовали обозначенные средства активизации сбора воспоминаний. В работе истпартов по сбору мемуарных источников определенное содействие оказывали и местные партийные органы. Принимались специальные постановления местных комитетов партии, в которых члены партии, получившие задание написать воспоминания, должны были предоставить их истпарту в порядке партдисциплины [19]. Для помощи в собирательской работе истпартов использовались местные партийные конференции, которые принимали соответствующие резолюции [14].

Для подготовки персональных воспоминаний работники истпарта давали задания конкретным лицам написать свои воспоминания. В этой работе главную трудность представляла неграмотность или малограмотность многих участников революционного движения. Такие задания могли выполнить только грамотные люди, способные более или менее внятно осветить историю революционных событий. Чаще использовалось письменное анкетирование свидетелей революционных дней и Гражданской войны. Анкеты были разработаны сотрудниками центрального Истпарта, а на местах истпарты их либо распространяли по почте, либо такие анкеты помещались в соответствующих печатных изданиях.

М. Н. Покровский, принимавший активное участие в организации и деятельности Истпарта, считал главной проблемой при сборе воспоминаний не их источниковую ценность, а умение их готовить, умение «допрашивать» участников событий. Повинуясь официальной тенденции считать воспоминания второстепенным источником по сравнению с официальными партийными документами, он как профессиональный историк утверждал, что как документы «нужно уметь читать», так и воспоминания «нужно уметь выуживать». Поэтому Покровский считал наиболее эффективной формой сбора воспоминаний заполнение тщательно разработанных анкет [8, с. 9–10]. Самая первая анкета была посвящена информации по истории Октябрьской революции и распространялась еще в 1920 году [7, с. 10–13].

М. Н. Покровский лично разработал проект анкеты для опроса участников и свидетелей революции 1905 года. Этот проект содержал большой перечень детальных вопросов [9]. Анкета предназначалась не столько непосредственно участникам и свидетелям революционных, сколько тем, кто будет собирать сведения. Основной акцент в ней был сделан на то, что сбор воспоминаний должен был производиться, в первую очередь в рабочей массе. Анализ работы истпартов Северного Кавказа показывает, что данная анкета широко использовалась сотрудниками региона для сбора воспоминаний.

Изучение мемуарного комплекса истпартов показало различные формы функционирования анкет. Заполненные анкеты в виде ответов на вопросы представляли информацию о событиях. Одновременно бланки анкет были пособием для ориентации мемуариста, а также методическим подспорьем по сбору воспоминаний для работников местных истпартов. Изучив содержание этих анкет, приходится согласиться с В. В. Кабановым, что воспоминания, полученные путем анкет-вопросников, слишком лаконичны, часто в них отсутствуют точные даты описываемых событий, а материал изложен хаотично и несвязно

[6, с. 284]. Дело в том, что такие анкеты предлагали не столько структуру воспоминаний, сколько предопределяли их содержание. Тем самым истпарт обладал определенными инструментами формирования новой исторической памяти не только всего населения, но и участников событий.

Первое время работы местных истпартов его сотрудники активно искали новые методы подготовки воспоминаний. Это было связано с практическими трудностями сбора воспоминаний по схеме центра. В основном на местах из-за нехватки подготовленных кадров управленцев значительную часть партийно-советских и общественных должностей занимали бывшие участники революционного движения. Поэтому в большинстве своем задания отдельным лицам по написанию воспоминаний не выполнялись из-за перегруженности потенциальных авторов текущей работой. Поэтому истпарты начали регулярно проводить в клубах, на предприятиях вечера воспоминаний. В результате вечера воспоминаний стали одним из самых распространенным способом сбора мемуарных источников.

Информация о месте проведения, о количестве присутствовавших, о выступавших докладчиках на вечере, а также в ряде случаев протоколы или стенограммы выступлений поступала в истпарты. Источники свидетельствуют о широком размахе такой работы в регионе.

Такие вечера, кроме формирования комплекса устных источников, были способом формирования новой модели исторической памяти. Дело в том, что каждый такой вечер всегда открывал представитель истпарта с сообщением, в котором говорилось о целях и значении работы самого истпарта. Затем зачитывались доклады о революционных событиях в крае, губернии или округе, а также в конкретном городе или селе. Наконец, на таких вечерах предоставлялось слово участникам событий для доклада или воспоминаний. Представитель истпарта, выступая перед собравшимися людьми, обязательно говорил об исторической важности участия в революционных

событиях того или иного предприятия, того или иного города или района, где проходил вечер. Таким способом, в сознании участников собрания утверждался образ места своей жизни или места работы как революционный локус.

Кроме того, внедрялось понимание общественной важности сбора и сохранения любой информации о революционных событиях. Тем самым истпартовец идеологически направлял весь ход собрания. Более того, атмосфера и «дух» вечера оказывали существенное влияние на содержание оставленных воспоминаний. Это экстраполировало представления сформировавшихся в ходе собрания взглядов на историю революционной борьбы и реальное место отдельно взятого ее участника в этом процессе. Однако главным итогом таких вечеров было получение «живых» воспоминаний в процессе собрания, так как речи выступавших стенографировались. Учитывая малограмотность населения, такой способ был достаточно эффективен. Стенограммы часто выдавались на дом самим выступавшим для внесения исправлений и дополнений. При этом отмечались случаи, когда по таким стенограммам были написаны «целые очерки» [16, с. 236].

Анализ стенограмм показывает, что зал активно участвовал в обсуждении выступлений, практически вечера воспоминаний превращались в многоканальные диалоги, когда речи выступавших перебивались поправками, они сами обращались к присутствовавшим на встрече, что даже мешало стенографированию [18]. Следует обратить внимание на эмоциональный настрой таких собраний, отраженный в оставшихся стенограммах, который также способствовал формированию советского массового сознания. Наблюдается торжественность и энтузиазм участников вечеров. Именно эмоциональным подъемом объясняется и принятие громких постановлений, которые в жизни никогда не осуществлялись как утопические и принимались, видимо, под влиянием воодушевления участников собрания. Например, принятие решения на совеща-

нии участников революционного движения о том, что необходимо назначить определенное место для постоянных ежедневных вечеров, слетов участников событий. Члены собрания размахнулись до предложения проводить дневные беседы при красных уголках, протоколировать воспоминания, озвученные на слетах с последующим зачитыванием их на следующих собраниях [17].

Формы проведения вечеров воспоминаний в 1920-е гг. были различными. Это были и узкие вечера-совещания участников революционных событий, как правило, тематические, когда каждый участник совещания обязательно оставлял свою информацию. Значительно чаще практиковалось проведение вечеров воспоминаний в виде собраний с присутствием от нескольких десятков до нескольких тысяч человек, где докладчики выступали с предварительно подготовленными воспоминаниями. Такие собрания в большей степени транслировали в массы историко-революционные идеи, нежели фиксировали устные источники. Однако и на подобных вечерах происходил сбор источников, так как многие присутствовавшие заполняли розданные сотрудниками истпартов анкеты.

Надо заметить, что и информативность совещаний участников революционных событий и Гражданской войны также была не всегда высока. Во многих выступлениях вместо конкретных данных о событиях отражалось уже сформированное властью отношение к этим событиям, а идеологические лозунги подменяли исторические факты. Например, стенограмма совещания 56 участников Гражданской войны на Ставрополье, проведенного по инициативе И. Апанасенко [2], была оценена Краевым истпартом отрицательно, так как на нем «говорилось обо всем, но мало о чем определенно сказано». Выступавшие говорили в основном о себе и практически ничего о других участниках революционных событий. В целом материал характеризовался как не представляющий целостности и требующий большой обработки и проверки [3].

Помимо того, что участники революционных событий и Гражданской войны могли рассчитывать на определенные социальные привилегии государства, за предоставление воспоминаний они могли получать дополнительную помощь, что было дополнительным стимулирующим фактором для формирования фондов воспоминаний. С учетом этого обстоятельства становятся ясными сентенции, которые, казалось, к революционным воспоминаниям не имели отношения, как то: «я потерял свое здоровье в борьбе за революцию, за право трудящихся и в настоящее время моя жизнь в кошмаре», «прошу дать мне помощи как борцу за свободу... пострадавшему в революции» [4]. Более того, именно в истпарты люди обращались за справками об их участии в революционном движении, когда в качестве подтверждения этого факта использовались воспоминания [5].

Анализ мемуарных фондов местных истпартов позволил выявить наличие воспоминаний в форме автобиографий, составленных как самими участниками революционных событий и Гражданской войны, так и истпартовскими сотрудниками. К ним нередко прилагались членские билеты, всякого рода справки и другие документы, подтверждающие революционные заслуги.

Кроме вечеров воспоминаний и анкет проводился персональный опрос и точная фиксация ответов конкретных участников революционных событий. Были организованы также групповые собеседования, совещания для узкого круга участников по конкретному факту, например, совещание участников подполья 1905–1907 годов. Важным методическим указанием Северо-Кавказского краевого истпарта была именно тематическая заданность организации мемуаров.

Теоретически требовалось единообразие в форме воспоминаний и яркость языка. Так, заведующий Северо-Кавказским краевым истпартом В. В. Толмачев предостерегал от превращения воспоминаний в протоколы справочного характера. В реальности этого добиться было невозможно, т. к. малограмотные авторы в своем боль-

шинстве не имели литературного дара. В то же время участники событий отличались индивидуальностью, и их воспоминания очень трудно унифицировались. Особый интерес для современного исследователя представляют теоретические положения, согласно которым было отмечено, что «всякое воспоминание индивидуально и отражает личность составителя, но в некоторых случаях по ним можно представить тип революционера, работника определенного периода» [13]. Однако, к сожалению, эти замечания о важности психологических характеристик остались исключительно пожеланиями и не были реализованы на практике отчасти из-за отсутствия высококлассных историков-профессионалов в местном научном сообществе, а отчасти из-за мощного влияния на исследовательскую работу официальной идеологии.

По мере укрепления советской власти, а также окончательного оформления в ходе внутривластной борьбы второй половины 1920-х гг. однопартийной системы власти требовалось сведение в один нарратив всего многообразия «версий» революционных событий и Гражданской войны, получивших отражение в воспоминаниях. Это обстоятельство определило снижение активности истпартов в собирании этого вида источников [10]. Взгляд центра на мемуарные источники был представлен в статье сотрудника Истпарта М. С. Ольминского 1927 года. Признавая важность воспоминаний как источника, он в то же время называл эти многочисленные мемуары о революционных событиях «массовой бессознательной фантастикой», а в черновом варианте текста – «бессознательным враньем», и призывал редакции не принимать ничего «на веру», а сопоставлять рассказ авторов с другими показаниями и документами [15].

К 1930 году сбор воспоминаний перестал носить массовый характер. Сталинский политический режим тормозил эту работу. В установках центра по вопросу о ценности воспоминаний в качестве источников в новых условиях говорилось, что они носят субъективный характер и главное внимание в них уделяется не столько истории пар-

тии, сколько стремлению увековечить свое имя. Данный вид источников признавался непригодным для использования в качестве документальной базы истории, так как авторы воспоминаний многое забыли, перепутали и проводили через призму своих переживаний [20, с. 287–288].

Анализ воспоминаний показал, что их содержание зависело не только от личности автора, но и от степени его участия в событиях, от его социального статуса в советском обществе на момент написания мемуаров. На характер воспоминаний влияло и время их написания. Воспоминания, собранные в первые годы деятельности истпартов, содержат гораздо меньше идеологических штампов, чем те, что написаны или пересказаны в 1930-е годы. Чем дольше авторы адаптировались к жизни в новом обществе, тем сильнее оказывала давление идеология на основные тезисы воспоминаний. Поэтому сегодня тексты таких воспоминаний являются ценным источником интеллектуальной истории 1920–1930-х годов, в которых

отражены особенности сознания людей той эпохи. Наряду с идеологическими установками официальной власти в мемуарах того времени изложены индивидуальные мнения и оценки, отражавшие отдельные моменты истории местных революционных событий в массовом сознании.

Таким образом, истпарты Северного Кавказа проводили сбор источников личного происхождения в различных формах и разными методами. К ним можно отнести анкеты, автобиографии, стенограммы вечеров воспоминаний, личные воспоминания. Интенсивность их сбора зависела от существовавших представлений о месте воспоминаний в источниковой базе и исследовательской работе истпартов, изменявшихся на протяжении всего функционирования истпартовской сети. В целом мемуарные кампании, помимо получения непосредственно воспоминаний, были элементом деятельности власти по формированию нового исторического сознания в различных группах советского общества.

Литература

1. Бюлетень Истпарта №1. – М., 1921.
2. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф.50. Оп.4. Д.312.
3. ГАНИСК. Ф.50. Оп.4. Д.312.Л.1.
4. ГАНИСК. Ф.50. Оп.4. Д.342. Л.4об., 5.
5. ГАНИСК. Ф.50. Оп.4. Д.4. Л.1.
6. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / Под общ. ред. А.К. Соколова. – М., 2004.
7. Ко всем членам партии. (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП). – М., 1920.
8. Покровский М.Н. Двадцатилетие нашей первой пролетарской революции // Пролетарская революция – 1924. – №11.
9. Проект анкеты по революции пятого года // Пролетарская революция – 1924. – №11.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.70. Оп.1. Д.135. Л.17.
11. РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.1. Л.1, 2.
12. РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.191. Л.26.
13. РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.299. Л.70.
14. РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.359. Л.5.
15. РГАСПИ. Ф.70. Оп.4. Д.329. Л.30.
16. Хроника. Бюро Истпарта // Пролетарская революция. – 1922. – №11.
17. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.12. Оп.1. Д.327. Л.4-4об.
18. ЦДНИРО. Ф.12. Оп.3. Д.1320. Л.7.
19. ЦДНИРО. Ф.4. Оп.1. Д.166. Л. 26.
20. Эссен М. Об институтах по истории партии // Пролетарская революция. – 1930. – №5.

УДК 947[470.6]

Т. А. Колосовская**ИДЕИ И ПРОЕКТЫ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX В.)***

В статье на основе широкой документальной базы рассматриваются идеи и проекты военной администрации Северного Кавказа рубежа XVIII–XIX вв. по проблеме интеграции региона в состав Российской империи.

Ключевые слова: военно-политическая история Северного Кавказа, интеграционные процессы, военная администрация, П. С. Потемкин, П. Д. Цицианов, интеллектуальная история.

Т. А. Kolosovskaya**THE IDEAS AND THE PROJECTS OF THE MILITARY AUTHORITIES IN THE CONTEXT
OF THE INTEGRATION OF THE NORTH CAUCASUS INTO THE RUSSIAN STATE
(THE END OF XVIII - AT THE BEGINNING OF XIX C.)**

The article deals with the projects and ideas about the issue of the North Caucasus integration into the Russian Empire at the end of the XVIII - the beginning of the XIX centuries developed by the region's military authorities.

Key words: Military and Political History of the North Caucasus, integration processes, the military authorities, P.S. Potemkin, P.D. Tsitsianov, Intellectual History.

Расширение южных границ Российской империи в XVIII в. и постепенное включение в ее состав Северного Кавказа поставило перед правительством сложную проблему выработки взаимоприемлемых форм и методов интеграции вновь присоединяемых территорий в административно-правовое, экономическое и культурное пространство страны. Поскольку формирование общегосударственного единства происходило в сложной военно-политической обстановке, одну из главных ролей в этом процессе сыграли российские военные. Сосредоточив в своих руках одновременно и военную и гражданскую власть, представители высших военных кругов высказывали идеи и предлагали конкретные проекты включения Северного Кавказа в общую структуру России: от жестких силовых методов до компромиссных решений, основанных на изучении психологии и традиций горских народов. Рассмотрению исторических личностей, находившихся в управлении Северным Кавказом на рубеже XVIII–XIX вв.,

характеристике их взглядов и конкретных мероприятий, направленных на формирование российской государственности в крае и посвящено настоящее исследование.

Исторические личности, стоявшие у истоков формирования российско-кавказского государственного единства, неоднократно становились предметом пристального изучения ученых-историков. Активно данная тема начинает разрабатываться со второй половины XIX в. в условиях завершения Кавказской войны и перехода к следующему, мирному этапу развития новой окраины России. В этом отношении заслуживают внимания обобщающие труды Д. И. Романовского [6], Н. Ф. Дубровина [3], В. А. Потто [5], С. С. Эсадзе [10] и др. Не мало в изучение темы было внесено советской исторической наукой [7]. Однако в силу существовавших идеологических установок в работах советских исследователей роль «царских генералов» в интеграционных процессах не получила объективного

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках проекта проведения научных исследований «Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII – XIX вв.», проект № 14-01-00251.

освещения, представляясь исключительно с негативной стороны, как проводников «царской политики колониализма» на Кавказе.

В современной исторической науке намечился отказ от преимущественного изучения «объективных» социально-экономических и политических сюжетов присоединения Северного Кавказа к России. Многие исследователи начинают обращать внимание на роль субъективного фактора, конкретных людей и идей в формировании и реализации интеграционных процессов [8].

Для раскрытия темы использовались в первую очередь обширные документальные материалы, опубликованные на страницах «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией» [1, 2]. Это многотомное издание, вышедшее в свет еще во второй половине XIX в., и в настоящее время остается незаменимым источником информации для исследователя-кавказоведа. Его материалы, дополненные опубликованными на рубеже XX–XXI вв. тематическими подборками архивных документов [4], позволяют воссоздать весьма многообразную, а порой и противоречивую картину деятельности военной администрации на новой северокавказской окраине России.

Создание административно-территориальной единицы на Северном Кавказе в границах Российской империи относится к концу XVIII в. и связано с образованием в 1785 г. Кавказского наместничества. Его первым руководителем стал граф Павел Сергеевич Потемкин – генерал-поручик, двоюродный брат светлейшего князя Таврического Г. А. Потемкина. Среди современников он снискал репутацию боевого генерала. Службу Павел Сергеевич начал в лейб-гвардии Семеновском полку (1756 г.) и, не без помощи своего высокопоставленного родственника, довольно быстро продвинулся по служебной лестнице. Весной 1774 г. Потемкин был произведен в генерал-майоры, затем возглавил секретную комиссию по расследованию причин Пугачевского восстания и наконец в 1782 г. был направлен на Кавказ для командования войсками, расположенными на Азово-Моздокской линии. С образованием Кавказского наместничества Павел Сергеевич получил

звание генерал-губернатора Саратовского и Кавказского и одновременно в управление обширные территории Центрального и Восточного Предкавказья.

Человек своей эпохи, трактуя взаимоотношения России с народами Кавказа как «противостояние цивилизации и варварства», П. С. Потемкин в своей административной практике придерживался принципа «разделяй и властвуй». По описанию В. А. Потто, «он окружил себя многочисленной свитой, давал роскошные праздники, и горские князья лучших фамилий всегда толпились около него со своими уорками и узденями. Потемкин ласкал этих представителей черкесской аристократии, дарил и покупал их золотом... Он этим путем узнавал обо всех враждебных предприятиях и, принимая своевременные меры, успевал разрушить их в самом зародыше. Но главной системой его политики было... – поддерживать между горцами постоянные распри и, помогая слабым, не давать усиливаться тем, которые могли быть опасны для русских» [5, с. 130–131]. При этом, внимательно рассматривая основные направления деятельности этого высокопоставленного военного чиновника, нельзя не отметить его стремление к гибкой политике, направленной на долгое и взаимовыгодное сотрудничество. «Отражая набеги горцев, ведя дипломатические сношения с Персией и Грузией, – писал В. А. Потто, – он в то же время в тиши кабинета обдумывал, а затем и приводил в исполнение много полезных мер» [6, с. 132].

Стремясь как можно большее количество представителей кавказских земель привлечь на сторону российского правительства, Потемкин исходатайствовал у Екатерины II Высочайшее повеление об обращении Большой и Малой Кабарды в поселенное войско с тем, чтобы кабардинцам, поступившим на русскую службу, выдавалось жалованье. Большое внимание П. С. Потемкин уделял колонизации края выходцами из различных губерний Российской империи, активно заселяя местности, расположенные по рекам Кума, Калаус и Егорлык. При нем же из бывших российских крепостей были учреждены города: Екатериноград, Ставрополь, Георгиевск

и Александровск, а Кизляру и Моздоку, находившимся в ведении военного начальства, даровано право пользоваться городовым положением. В дальнейшем развитие и благоустройство российских городов на Кавказе как центров распространения экономического и культурного влияния на местное население станет одним из приоритетных направлений деятельности военной администрации в крае.

Наконец, П. С. Потемкин был в числе первых военных деятелей, которые настаивали на необходимости изучения горских народов. Составленное им в 1784 г. «Краткое описание о кабардинских народах», включающее в себя весьма разностороннюю этнографическую информацию, положило начало непосредственного участия военной администрации в организации сбора данных о северокавказском населении. В XIX веке в условиях Кавказской войны, осознавая зависимость эффективности принимаемых решений от точных данных о географии, этнографии и местной статистики, российское командование инициировало изучение региона в различных формах: от разведывательных экспедиций в горы до составления военно-статистических обзоров отдельных районов Кавказа офицерами Генерального штаба. Главным итогом развития данного направления стало создание в 1850 г. при непосредственной поддержке Кавказского наместника М. С. Воронцова Кавказского отдела Русского географического общества.

Судьба П. С. Потемкина недолго была связана с Кавказом. В 1787 г., когда началась русско-турецкая война, Павел Сергеевич был отозван в Дунайскую армию. Обрато он уже не вернулся, хотя и сохранял за собой звание Кавказского наместника до момента его упразднения в 1791 г.

После включения в состав Российской империи Восточной Грузии (1801 г.), административный центр переместился в Закавказье, в Тифлис, а для управления вновь присоединенными территориями была учреждена новая должность главнокомандующего Грузией. В 1802 г. на эту должность

был назначен генерал-лейтенант князь П. Д. Цицианов. Одновременно он являлся инспектором Кавказской линии и астраханским военным губернатором.

Павел Дмитриевич Цицианов своим происхождением и внутренними качествами как нельзя лучше подходил занимаемой должности. Природа наделила Цицианова большим умом, энергией, твердым и решительным характером. Происходя из грузинской княжеской фамилии, переселившейся в Россию в начале XVIII в., он был родственником супруги последнего царя Грузии Георгия XII. Павел Дмитриевич сохранял родственные связи и отношения, которые позволяли ему лучше понять вверенный его управлению край. У нового главнокомандующего уже был некоторый военный и административный опыт на Кавказе: в 1796 г., во время Персидского похода он являлся одним из ближайших помощников графа В. А. Зубова, а в 1796–1797 гг. был комендантом Бакинской крепости.

При вступлении в управление краем Цицианову прежде всего вменялось в обязанность исследовать на месте и удовлетворить жалобы грузин на предшествующее правление. Он должен был дать почувствовать грузинскому народу, «что ни отдаленность, ни трудность сношений не воспрепятствуют ему участвовать в благодати российского управления, и что никогда не будет он иметь причин раскаяться, вверив судьбу свою России» [2, с. 3].

Еще более остро, чем на территории Грузии и мусульманских провинций Закавказья, перед военной администрацией стояла задача введения эффективных форм управления на территориях расположенных по северную сторону Главного Кавказского хребта. Горские народы нередко с оружием в руках отстаивали свою независимость. В условиях эскалации военного противостояния вопросы экономического и гражданского устройства края неминуемо отодвигались на второй план. Первые шаги российской администрации были направлены на установление мер, позволяющих если не управлять, то контролировать

управление на присоединенных территориях. Как писал историк С. С. Эсадзе: «Приходилось довольствоваться поддержанием существовавшего у горцев порядка управления, вытекавшего из народных обычаев и религиозных убеждений» [10, с. 168].

Излагая общие принципы управления, в своем рескрипте на имя Цицианова Александр I писал: «... Что касается до горских народов, то едва ли не лучшею или не коренною политикой нашей существовать должно, дабы отвращать между ними всякое единомыслие...» [2, с. 9] Такой подход к методам управления применялся российскими властями на Северном Кавказе и ранее. Однако Цицианов довольно скоро должен был признать, что жесткая и бескомпромиссная политика по принципу «разделяй и властвуй» далеко не всегда приводит к ожидаемому результату. «Главная система, доселе ничего твердого и к улучшению нравов их произвести не могущая, – напишет в своем рапорте на имя императора Цицианов в 1804 г., – состоящая в том, чтоб уздени или нижняя степень народа сего была в несогласии с князьями, родами их кичащимися, тем паче что, держа их в беспрестанной между сими двумя состояниями войне, а потому способствуя делаться воинами, мы тем, так сказать, подливаем масло на огонь, могущий погаснуть» [2, с. 953].

Понимая бесперспективность разжигания такой «непримиримой распри» для утверждения общего спокойствия в крае Цицианов разработал альтернативный проект «умиротворения» Кабарды. Представленный в 1804 г. Александру I, он, скорее всего, касался всех горских народов и олицетворял собой те основные направления в политике российского правительства, которые должны были преобладать, по мнению Цицианова, в деле сближения Северного Кавказа и России [5, с. 209].

В своем проекте главнокомандующий предлагал придать Кабарде статус внутренней провинции, с особой формой управления. Прежняя система управления, основанная исключительно на «обуздании лютой», должна была заменяться новой, базирующейся на следующих принципах: «1) на перемене их

(горцев – Т. К.) воспитания, 2) на введение в Кабарду роскоши и 3) на сближение оной с российскими нравами, покровительствуя наружно их веру и умножая случаи к сообщению с российскими» [2, с. 959]. При этом Цицианов указывал на необходимость оказывать со стороны правительства покровительство мусульманской религии, не отказываясь в то же время от мероприятий по распространению христианства среди населения. «Необходимо нужным признаю, – отмечает он, – в Георгиевске и Константиногорске построить казенным коштом мечети и позволить, имея муллу, отправлять служение, особливо в торговые дни, ибо всякий народ, призванный к вере, питает в душе своей почтение к тому, кто покровительствует оную» [2, с. 953]. Высказанные Цициановым принципы государственного-конфессиональных отношений, получили свое дальнейшее развитие и конкретизацию в проекте кавказского наместника А. И. Барятинского по восстановлению православного христианства на Кавказе в конце 50–начале 60-х гг. XIX в.

Особую роль отводил Цицианов «перемени воспитания» горской молодежи, основанной на том, что «младенец знатного дома родившийся, отдаваясь на воспитание узденю или подданному князя, не возвращается в дом свой, доколе возмужав, не отгонит искусно табуна или не увлечет христианина в плен» [2, с. 953]. Учитывая глубокие воинские традиции горских народов, главнокомандующий призывал дать возможность кабардинской молодежи получать военное образование для последующей службы в российских войсках. Более того, Цицианов высказал идею включения горских формирований в императорскую гвардию. «Если бы сверх сего вашему императорскому величеству благоугодно было повелеть набрать из кабардинцев Кабардинский гвардейский эскадрон... с сменой через 3 года, то при отличии, коим они должны почитать сию службу, произойдет в них вкус к лучшей жизни, познают роскошь столицы, поражены буту позорищем (видом – Т.К.) великолепия и богатства и в 3 года пребывания в Петербурге научатся по-русски. Князьям же дорога откроется

к службе и сим средством, по мнению моему, сблизятся они с благонравием и предпочтут спокойную жизнь жизни хищников и разбойников» [2, с. 953].

Эта идея Цицианова в дальнейшем нашла свое воплощение в виде учрежденного в 1828 г. лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона собственного его величества конвоя. В его рядах прошли службу представители многих знатных фамилий горских народов, а сам он в период активных военных действий на Северном Кавказе имел значение «проводника» просвещения и мирных взглядов на сосуществование с Россией среди северокавказского населения.

Кроме того, значительное место в плане «умиротворения» Кабарды Цицианов отводил экономическим рычагам, под которыми в первую очередь понимал развитие с горцами беспошлинной торговли и местных промыслов. «В Екатеринограде, в Георгиевске и в Константиногорске не только съестные припасы, как они и ныне продаются, но и всякие домашние произведения, лишь бы были их собственные, позволить ввозить и продавать беспошлинно; таможня от того мало потерпит, но во взаимность Империя в последующие времена получит ощутительную пользу, а именно: ремесла умножатся в Кабардинской области, кочующая жизнь истребится, деньги появятся обильно в оной, а наконец – богатства и

сбережение его укротит их в хищничествах и исправит нравы...» [2, с. 953].

Все эти меры по отношению к Кабарде предлагалось вводить постепенно и запастись терпением, т.к. только смена нескольких поколений могла бы привести к желаемому результату. К сожалению, преждевременная смерть помешала Цицианову реализовать свои идеи на практике. В 1806 г. он был вероломно убит бакинским ханом.

Военные действия в Закавказье, а затем последовавшая Отечественная война 1812 г. не позволили реализовать многие идеи, высказанные представителями российской военной администрации на рубеже XVIII–XIX вв. Тем не менее разработанные ими проекты характеризуют их как людей, стремившихся гибкими политическими и экономическими мерами показать северокавказским народам преимущества их дальнейшего развития в составе России.

Многие идеи и проекты, предложенные П. С. Потемкиным и П. Д. Цициановым, стали востребованными в 40–60-е гг. XIX в., а их реализация способствовала завершению Кавказской войны. Не случайно знаменитый наместник Кавказа князь М. С. Воронцов, с именем которого исследователи связывают поворот к мирному сближению с народами Северного Кавказа, не раз говорил, что считает себя только продолжателем планов П. Д. Цицианова и исполнителем его предначертаний.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Под ред. А.П. Берже. Т. I. – Тифлис, 1866.
2. АКАК. Т. II. – Тифлис, 1868.
3. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. V. – СПб., 1887.
4. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005.
5. Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. Репринт. изд. – Ставрополь, 1994.
6. Романовский Д. Кавказ и Кавказская война: Публ. лекции, прочит. в зале Пассажа в 1860 г. Ген. штаба полковником Романовским. – М., 2004.
7. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. – М., 1958.
8. Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...» Социокультурная деятельность Кавказской армии [по воспоминаниям и исследованиям современников]. – Ставрополь, 2011.
9. Утверждение русского владычества на Кавказе. Под ред. В. А. Потто. Т. I. – Тифлис, 1901.
10. Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. – Тифлис, 1907.

УДК 32.001

И. А. Коробкина, А. В. Кунаева**ЭВОЛЮЦИЯ ЭТАПОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ**

В статье характеризуются этапы формирования европейской молодежной политики, рассматриваются основные подходы к определению роли молодежи в обществе, модели стратегии молодежной политики, анализируется европейское молодежное законодательство, являющееся частью государственной молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, молодежное законодательство, стратегии молодежной политики, модели молодежной политики, молодежная политика Европейского союза, механизмы реализации молодежной политики.

I. A. Korobkina, A. V. Kunaeva**EVOLUTION STAGES OF THE FORMATION OF EUROPEAN YOUTH POLICY**

The article deals with the stages of formation of European youth policy, the basic approaches to the definition of the role of youth in society, youth policy strategy model. It analyzes the European youth legislation, which is part of the state youth policy.

Key words: youth, youth policy, youth legislation, youth policy strategies, models of youth policy, youth policy of the European Union, the mechanisms of youth policy.

Молодежь всегда являлась и будет являться стратегическим ресурсом любого современного государства, так как она несет в себе неограниченный потенциал, в ней заложены возможности развития инноваций, материального и интеллектуального роста. Задача государства – решить, каким образом использовать данный ресурс в целях эффективного развития государства. Выделение молодежной политики в отдельное направление на государственном уровне наглядно показывает, насколько важна и необходима эта особая социальная группа любому государству.

В европейских странах молодежная политика стала формироваться примерно с конца 50 – начала 60-х гг. XX столетия и претерпела ряд изменений до окончательного оформления в отдельное направление сферы деятельности государства. Ряд исследователей выделяют пять этапов эволюции молодежной политики [9, с. 1].

Первый этап формирования молодежной политики приходится на 50-е гг. годы XX в. Это этап так называемого «естествен-

ного патернализма», или консервативного восприятия, когда государство не рассматривало молодежь в качестве отдельной социальной группы. Второй этап – 60-е гг. XX в. Для него характерно неконсервативное восприятие молодежи и лозунг «Молодежь – страшная угроза!». Именно на этом этапе выделяется молодежь как группа риска, отсюда вытекает и стремление государства направить усилия на создание соответствующих социальных служб, ориентированных на помощь проблемной молодежи. Третий этап – 70-е гг. XX века. Этот этап характеризуется своеобразной «ревизией» взглядов на молодежь. На смену лозунгу «Молодежь – страшная сила!» приходит новый лозунг – «Молодежь – большая надежда!». В это время и начинается «государственный» период формирования молодежной политики. Четвертый этап формирования молодежной политики – 80-е – середина 90-х гг. XX столетия. В этот период сформировался «демократический подход» к определению роли молодежи в обществе, когда государственные социальные службы ориентиро-

ваны на помощь молодежи в учебе, работе, карьерном росте. Пятый этап (с 90-х гг. XX века по настоящее время) характеризуется формированием глобального подхода к молодежной политике. Определяющим для него является социализация молодежи и объединение её усилий по решению актуальных мировых проблем.

Выделение молодежной политики в отдельное направление связано с осознанием той роли, которую играет молодежь в решении современных проблем политического, экономического и социального характера. Таким образом, под молодежной политикой понимается система мер и законодательных актов, направленных на поддержание общественного статуса молодежи, а также повышение её качества жизни [7].

Перед молодежью сегодня ставится много задач: она должна быть активным участником общественных процессов, иметь активную гражданскую позицию, участвовать в решении социально-экономических и политических проблем, стоящих перед обществом. Однако при реализации этих задач молодежь сталкивается с различными проблемами; исходя из этого, государству необходимо создавать благоприятные условия для поддержания развития потенциала молодежи, её самореализации.

В последнее время все больше внимания уделяется молодежной политике на различных институциональных уровнях. Особенно это характерно для международных организаций и институтов, в том числе и европейских. Они обладают эффективными механизмами по реализации молодёжной политики как на национальном уровне внутри отдельно взятой страны, так и на общеевропейском уровне.

Однако, несмотря на выделение молодежной политики в отдельное направление, главным остается вопрос, кто подходит под понятие «молодежь», и это заметно осложняет изучение проблем молодежной сферы. К сожалению, на сегодняшний день не существует четких, единых возрастных рамок, отнесительно того, кто попадает под определение молодежь. В соответствии с критериями

ООН, к молодежи относят людей в возрасте от 15 до 24 лет, это составляет приблизительно 18 % от всего населения мира. В разных странах определены свои возрастные рамки понятия «молодежь». К примеру, Великобритания и Нидерланды совсем не выделяют молодежь в особую группу, а объединяют её вместе с детьми в возрастных рамках от 0 до 25 лет. Люксембург установил возрастные рамки от 15 до 25 лет, а Испания – от 14 до 30 лет, иногда верхняя граница отодвигается до 34 лет, объясняется это тем, что в данном возрасте молодые люди становятся экономически независимыми. Молодежная политика в европейских странах ориентирована как на молодежь в целом, так и на проблемную ее часть. Молодежь, как правило, условно разделяется на группы (от 14–18 лет до 25–27 лет), что позволяет более точно адресовать мероприятия в зависимости от возраста [10, с. 19].

Во многих европейских странах действует молодежное законодательство, которое является частью государственной молодежной политики, которая в основном имеет три ступени. Первая ступень – центральные правительства. Они разрабатывают законодательную базу молодежной политики и определяют её направления. На второй ступени происходит делегирование правительством права реализации молодежной политики региональным и муниципальным властям. Третья ступень – создание молодежных организаций, которые являются основным инструментом реализации молодежной политики и участия в ней молодых людей.

Можно выделить две модели стратегии молодежной политики. **Первая** основана на ведущей роли государства в определении приоритетов молодежной политики и её реализации, при этом государство активно взаимодействует с неправительственными организациями. Такая модель типична для таких стран, как Германия и Франция. Для неё характерны определенные черты.

Во-первых, это тенденция к структурированию молодежной политики по уровням (общенациональному, региональному,

местному). Это особенно прослеживается в Германии, где молодежная политика реализуется на основе федеральных законов, таких как «О помощи молодежи и детям», «О защите молодежи» и на основе Конституции страны [10, с. 20]. На федеральном уровне разработкой молодежной политики занимается Министерство по делам семьи, престарелых, женщин и молодежи, соответствующий комитет по вопросам молодежи разрабатывает ежегодный федеральный план по молодежной политике. Далее молодежной политикой занимаются земельные молодежные ведомства, ориентируясь на данный федеральный план, разрабатывают земельные планы молодежной политики с учетом потребностей региона [10, с. 21]. Непосредственная реализация задач и молодежных программ происходит на коммунальном (местном) уровне. Во Франции ответственным за разработку молодежной политики является Министерство по делам молодежи, спорта и общественным делам, в подчинении которого находятся региональные управления, занимающиеся непосредственно реализацией молодежной политики [10, с. 21].

Во-вторых, для первой модели характерно сотрудничество власти и неправительственных организаций на всех уровнях реализации молодежной политики. К примеру, во Франции те общественные организации, которые имеют статус зарегистрировавшихся при Министерстве по делам молодежи, спорта, могут обращаться за материальной помощью с целью реализации определенных проектов по молодежной политике [10, с. 23].

В-третьих, проведение мониторингов проблем молодежи независимыми экспертами.

В-четвертых, использование целого комплекса мероприятий по культурно-нравственному воспитанию молодежи [8, с. 20].

Вторая модель основана на равенстве государства и структур гражданского общества в сфере молодежной политики [8, с. 21]. Примером служит молодежная политика Швеции и Великобритании, где государ-

ство определяет направления, приоритеты и цели молодежной политики, а её реализация возложена на местное самоуправление и общественные организации. Для этой модели характерно отсутствие специальных министерств по делам молодежи и молодежной политике, отсутствие национальных программ, молодежная политика реализуется различными министерствами, ведомствами, общественными организациями в рамках их компетенций. Главным направлением в молодежной политике является повышение качества и доступности образования, что в свою очередь ведет к увеличению количества молодых людей, продолжающих учебу после окончания средней школы [8, с. 25]. Это можно объяснить растущей безработицей среди молодежи, отсюда – необходимость применения финансовых мер по усилению мотивации к получению высшего образования. Например, в Швеции обучение бесплатное, однако, стипендия предоставляется в виде кредита, подлежащего возврату [10, с. 26]. После устройства на работу необходимо производить отчисления в размере 4 % от заработка.

Таким образом, одной из тенденций реализации молодежной политики в европейских странах является привлечение общественных организаций для помощи в решении проблем молодежи при поддержке государственных служб.

Обратимся к деятельности международных организаций и институтов, которые обладают достаточным опытом разработки и реализации молодежной политики. Важную роль в формировании правовой базы для определения молодежной политики сыграла ООН, принявшая ряд документов провозглашающих необходимость молодежной политики и новые подходы и принципы отношения к молодежи. Одним из первых документов в этом направлении является принятая в 1965 г. «Декларация о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами» [5]. В ней впервые было указано на необходимость выделения молодежи в отдельную социальную группу

и формирования молодежной политики как отдельной сферы государственной политики. 1985 г. был объявлен ООН Международным годом молодежи, что вызвало большой резонанс в мире и привлекло внимание к проблемам молодежи. В 1995 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла «Всемирную программу действий для молодежи до 2000 года и далее» [2]. Программа определила следующие приоритетные направления в сфере молодежной политики: образование, занятость, окружающая среда, голод и нищета, охрана здоровья, злоупотребление наркотических веществ, организация досуга, растущая преступность среди несовершеннолетних, положение женщин и молодых девочек и полноценное участие молодежи в жизни общества. Программа нацелена на организацию мероприятий как национального, так и международного характера, направленных на улучшение жизни молодого поколения. Основные задачи программы признать права и стремления молодых людей, содействовать развитию национальной молодежной политики, национальных программ по молодежи в сотрудничестве с государственными и негосударственными организациями [2].

В 1998 г. была принята Лиссабонская декларация по молодежной политике [11]. В Докладе ООН о мировом развитии 2007 г. «Проблемы молодого поколения в контексте развития» [6] выделены пять этапов жизни любого молодого человека: учеба, работа, сохранение здоровья, создание семьи и осуществление своих гражданских прав и обязанностей. На каждом этапе молодежь сталкивается с различными проблемами, зачастую связанными с неэффективной политикой государства. ООН также разработала стратегию для молодежи в контексте UN-Habitat. Главные положения стратегии заключаются в участии молодежи в форумах и деятельности организации UN-Habitat на локальном, национальном и глобальном уровнях, формирование молодежной политики, разработка поселенческих программ, управление информацией, коммуникацией и знаниями [14].

Европейская молодежная политика является наиболее проработанной в современной системе политических и международных отношений, а практики вовлечения в процессы реализации европейской молодежной политики общественных структур и самой молодежи по праву считаются одними из наиболее успешных с точки зрения эффективности [15, с. 84].

Общей тенденцией развития молодежной политики в европейских государствах является переход от помощи отдельным наиболее уязвимым категориям молодежи к социальным программам, охватывающим большинство молодых людей [4, с. 41].

Наиболее целостной моделью работы с молодежью можно считать молодежную политику Европейского союза, который имеет богатый опыт реализации успешных программ. Содержательную основу молодежной политики Европейского Союза составляют следующие нормативные документы: Белая книга «Новые стимулы для молодежи Европы», Европейский молодежный пакт, Коммюнике Европейской Комиссии «Поддержка полноценного участия молодых людей в сфере образования занятости и обществе».

Основные приоритетные направления развития молодежной политики в Европе указаны в Белой книге «Новые стимулы для молодежи Европы»: расширение участия молодежи в общественной жизни, повышение уровня ее информированности и осведомленности в вопросах европейской интеграции и развития Европейского Союза, а также формирование более активной гражданской позиции [1]. В 2005 г. был принят Европейский молодежный пакт. Основной целью Пакта является повышение качества обучения и профессиональной подготовки, улучшение возможностей для мобильности, профессиональной занятости и социальной включенности молодых европейцев. В 2007 г. опубликовано Коммюнике Европейской Комиссии «Поддержка полноценного участия молодых людей в сфере образования занятости и обществе». Коммюнике выдвигает на первый план потребность

в улучшении условий труда и сокращении безработицы. Ключом к полному участию молодежи является возможность получения хорошей работы, что требует качественное и востребованное образование.

Таким образом, благодаря этим документам были разработаны направления Европейского сотрудничества в сфере молодежи. В дополнение к этим направлениям Европейский Союз развивает мобильность молодежи и признание неформального образования. При реализации молодежной политики Европейский Союз использует открытый метод координации, что предполагает «путь поощрения сотрудничества, обмена практикой, согласования общих целей и руководящих принципов для стран-членов» [1].

В апреле 2009 г. Европейская Комиссия утвердила новую стратегию молодежной политики «Молодежь – инвестирование и предоставление возможностей». В новой стратегии отмечается значимость молодежной политики, и обозначаются меры для её усовершенствования в рамках Европейского Союза. Стратегия выделяет основные цели работы с молодежью: создание больших возможностей для молодежи в образовании и занятости; содействие солидарности между молодежью и обществом, а также улучшение доступа и полное участие молодежи в обществе. Стратегия развивает неформальное образование, так как оно вносит огромный вклад в стратегию «обучение в течение всей жизни» в Европе [3]. В сфере занятости стратегия подчеркивает необходимость увеличения инвестирования в обучение молодежи таким профессиям, которые требуются на рынке труда. В области спорта стратегия содействует здоровому образу жизни и физическому образованию. В стратегии подчеркивается необходимость предотвращения и лечения ожирения, телесных повреждений, наркомании, злоупотребления алкоголем или наркотиками, признается необходимость участия молодых людей в жизни общества, поддержка молодежных организаций. Стратегия подчеркивает роль молодежной рабо-

ты в решении проблем безработицы, социального отчуждения и непосещения школы, а также в улучшении практических знаний и в предоставлении досуга [3].

Одним из механизмов реализации молодежной политики в Европейском Союзе является Программа «Молодежь в действии» [13]. Программа была принята в 2006 г. и является законодательной базой для поддержки неформального образования молодежи в Европе. Основным приоритетом программы является попытка привлечения молодежи к участию в демократической жизни и к активной общественной деятельности. Особое внимание программа уделяет культурному разнообразию, противодействию расизму и ксенофобии тем самым способствует развитию межкультурного образования молодежи. Программа способствует вовлечению в общество молодежи с ограниченными возможностями. Такие люди не всегда имеют возможность получить надлежащий доступ к формальному или неформальному образованию, поэтому необходимо предотвращать их отчужденность и приложить все усилия, чтобы задействовать молодежь с ограниченными возможностями [12, с. 50]. Программа «Молодежь в действии» способствует социальному равенству и должна стать инструментом социальной интеграции, и повышения уровня занятости молодежи с ограниченными возможностями. Программа «Молодежь в действии» имеет свои особенности: это продвижение неформального образования. Под неформальным образованием понимается обучение, которое происходит за рамками официальной системы образования. Молодые люди вовлекаются в процесс неформального образования на добровольной основе, но сам процесс является спланированным и направленным на личностное и социальное развитие молодежи. Существует и неформальное образование или обучение в повседневной жизни, на работе, в семье, во время отдыха. В молодежном секторе неформальное образование осуществляется через молодежные инициативы и при

организации досуга, в волонтерской деятельности и работе с группами ровесников. Такой вид образования, как неформальное и неформальное, дают возможность получить важные навыки, ощутить собственный личностный рост, создает предпосылки для социальной интеграции и самое главное, улучшает возможности трудоустройства молодежи [12, с. 51]. Принимающие участие в проектах Программы «Молодежь в действии» получают сертификат «Молодежный паспорт», в нем обозначен опыт неформального образования, который получили участники в результате реализации проекта. Этот документ может быть применим при последующем образовании или трудоустройстве участников [12, с. 51].

Таким образом, можно сделать вывод, что европейская молодежная политика

ориентирована на развитие инновационного потенциала молодого поколения. Молодежная политика реализуется через вовлечение молодежи во все сферы жизни общества, путем совершенствования системы обучения, информирования молодого поколения, поддержки молодежных проектов.

Цели молодежной политики в европейских странах звучат по-разному, но в целом это стремление помочь молодым людям стать взрослыми. Задачи молодежной политики в европейских странах также варьируются: это семейная политика, социальная и правовая защита, однако в большинстве стран молодежная политика призвана обеспечивать молодым людям равные образовательные, политические, экономические и социальные возможности.

Литература

1. Белая книга Европейской Комиссии. Новые импульсы для европейской молодежи. [Электронный ресурс]: URL: <http://cent.dn.ua/youthworks/docs/pauci.pdf> (Дата обращения: 12.04.14).
2. Всемирная программа действий для молодежи до 2000 года и на последующий период [Электронный ресурс]: URL: Режим доступа: <http://daccessddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N96/771/45/PDF/N9677145.pdf> (Дата обращения: 15.03.14).
3. Георгиенко В.Н. Молодежная политика ЕС, СЕ, ООН [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/g/georgienko_w_n/molodezhnajapolitikaesseioon.shtml (Дата обращения: 22.02.14).
4. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений : науч. монография / Под общ.ред. Вал. А. Лукова. — М.: 2013.
5. Декларация о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами [Электронный ресурс]: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/youth_peace_ideals.shtml (Дата обращения: 15.03.14).
6. Доклад о мировом развитии 2007 г. Проблемы молодого поколения в контексте развития. Обзор. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2007.pdf> (Дата обращения: 12.04.14).
7. Зеленкова М.М. Молодежная политика в России и зарубежных странах. // Современные проблемы науки и образования. 2012 № 6 [Электронный ресурс]: URL: Режим доступа: <http://www.science-education.ru/106-7305> (Дата обращения: 25.01.14).
8. Канунников К. С. Концепции европейской государственной молодежной политики: тенденции и основные направления / К. С. Канунников // Молодой ученый. – 2011. – № 12.
9. Кузьмина О. Государственная молодежная политика: международный опыт. Обзор. С.1-14. [Электронный ресурс]: URL: http://vmo.rgub.ru/files/1_gmp_mejdunarod_opit-781-2.pdf (Дата обращения: 25.01.14).
10. Леонов Ю.С. Стратегии европейской государственной молодежной политики: основные направления и тенденции // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. Молодежная политика: тенденции и международная практика. № 4 (321) 2007.
11. Лиссабонская декларация по молодежной политике и программам, принятая на Всемирной конференции министров по делам молодежи, которая состоялась в Лиссабоне 8-12 августа 1998 г. [Электронный ресурс]: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/lisbon.pdf (Дата обращения: 13.10.13).

12. Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала [Электронный ресурс]: URL: <file:///C:/Documents%20and%20Settings/Admin/%D0%9C%D0%BE%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/Downloads/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf> (Дата обращения: 22.04.14).
13. Сайт программы неформального образования Европейской Комиссии [Электронный ресурс]: URL: <http://youth-in-action.ru/index.php?id=MS4yLjE=> (Дата обращения: 16.04.14).
14. Программа Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат) [Электронный ресурс]: URL: <https://www.un.org/ru/ga/habitat/> (Дата обращения: 12.04.14).
15. Соколов А.В. Современные институты молодежной политики в Европе: история становления и развития // Вестник международных организаций. – 2009. – № 1 (23).

УДК 328.131(436) Кербер

И. В. Крючков

ЭРНЕСТ КЕРБЕР – ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ?

В статье рассматривается политическая биография Э. Кербера и его политика на посту премьер-министра Австрии. В целом, экономическая политика Э. Кербера была успешной, но ему не удалось

решить национальный вопрос в Австрии в начале XX в.

Ключевые слова: Австрия, парламент, социальные реформы, национальный вопрос, чехи.

I. V. Kryuchkov

ERNEST KERBER - THE LAST HOPE OF HABSBURG EMPIRE?

The article deals with the political biography of E. Kerber and his policy as the Prime Minister of Austria. Generally, the economic policy of E. Kerber was successful but he didn't manage to solve the national

question in Austria at the beginning of the XX-th century.

Key words: Austria, parliament, social reforms, national question, the Czechs.

Политическая система дуалистической Австрии в конце XIX – начале XX вв. оказалась в очень сложной ситуации. Рост национального самосознания народов, проживавших на территории Цислайтании, все больше приходил в противоречие с традиционной государственной идеей Габсбургов. К началу XX в. работа парламента Австрии – Рейхсрата, по сути, была парализована из-за острого конфликта между австро-немецкими и чешскими депутатами. Правительству все чаще приходилось прибегать к статье 14 австрийской конституции, позволявшей ему в период между заседаниями парламента принимать законодательные акты [6, с. 12–13]. После ухода в отставку правительства Э. Тааффе в ноябре 1893 г. в стране начинается «министерская чехарда».

Положение в Австрии еще больше осложняется после провала введения закона о статусе чешского и немецкого языков в Богемии и отставки правительства К. Бадени в ноябре 1897 г. [21, р. 161]. В этой ситуации в 1900 г. министром-президентом (премьер-министром) Австрии становится Эрнест (Эрнст) Кербер, которого О. Яси, не питавший симпатий к правящему классу Австро-Венгрии, назвал «талантливым политиком» [20, с. 210].

Эрнест фон Кербер родился 6 ноября 1850 г. в г. Трентино в южном Тироле. После первой мировой войны данный район передается Италии. Южный Тироль представлял смешанный в этническом отношении регион Австрии, где проживали итальянцы и австро-немцы. На всем протяжении сво-

ей жизни Э. фон Кербер сохранял интерес к итальянской культуре и истории. Отец Эрнеста принадлежал к австро-немецкой элите Южного Тироля, являясь полковником жандармерии.

Эрнест получает классическое образование, открывавшее ему дорогу для блистательной карьеры. С начала он обучается в элитарной гимназии «Терезиануме», кузнице кадров для высшей бюрократии страны, после окончания гимназии он поступает на юридический факультет Венского университета. В гимназии и университете формируются его политические взгляды. Э. Кербер являлся сторонником австро-немецких либералов, централистов. Однако данное обстоятельство не мешало ему понимать чаяния национальных меньшинств. Здесь сказывалось становление его личности в условиях поликультурного общества.

С 1874 г. начинается восхождение Э. Кербера по государственной лестнице. В этом году он получает назначение в министерство торговли Австрии. Австрийский государственный аппарат, созданный еще во времена Марии Терезии и Иосифа II, был иерархичен и находился вне борьбы сословий и наций, придерживаясь традиционной имперской идеи [5, с. 62–63]. На своей должности Э. Кербер получает свой первый опыт администратора и экономиста. В министерстве торговли Э. Кербер занимался различными вопросами, в том числе переводом частных железных дорог под контроль государства и заключением Австро-Венгрией торговых договоров с другими странами.

В 1895 г. Э. Кербер назначается на должность Директора Государственной администрации Австрийских железных дорог, заменив на этом посту известного австрийского экономиста и политика польского происхождения Л. фон Белинского, перешедшего на должность министра финансов. В годы деятельности правительства Э. Кербера Л. фон Белинский занимал должность Президента Австро-Венгерского банка (1900–1907 гг.). Это была первая высокая должность Э. Кербера. Железные

дороги, находившиеся в основном под контролем государства, требовали к себе особого внимания и проведения взвешенной политики. Не случайно здесь напрашивается аналогия с карьерой С. Ю. Витте, получившего известность благодаря своей успешной деятельности в железнодорожном департаменте России.

С ноября 1897 по март 1898 г. Кербер занял свой первый министерский пост в консервативном правительстве А. Ф. фон Туна, где он получил должность министра торговли. В правительстве А. Ф. Туна Кербер тесно работал с министром финансов Е. Бем-Баверком, известным австрийским экономистом, и министром железных дорог Г. фон Виттеком. Весьма примечательно, что впоследствии, после ухода с должности министра-президента Австрии, Э. Кербера в 1905 г. его на этой должности сменил А. Ф. Тун. Вскоре после отставки правительства А. Ф. Туна Кербер был назначен депутатом верхней палаты парламента Австрии – палаты господ. В октябре 1899 г. в скоротечном правительстве М. фон Клари Э. Кербер занял должность министра внутренних дел.

19 января 1900 г. император Франц-Иосиф назначил Э. Кербера министром-президентом Австрии. Император в условиях острой межнациональной борьбы сделал ставку на наднациональную, преданную монархии команду опытных бюрократов [21, р. 162]. Э. Кербер имел колоссальный опыт государственной деятельности. Он слыл блестящим знатоком современной экономики и самое главное он обладал харизматическим обаянием, он умел даже самого непримиримого оппонента расположить к себе. В состав правительства Э. Кербер пригласил своих коллег еще по правительству А. Н. Туна: Е. Бем-Баверка на должность министра финансов и Г. фон Виттека в качестве министра железных дорог. После правительства Э. Тааффе данный кабинет министров оказался самым долговечным в дуалистической Австрии.

Э. Кербер выдвинул собственную программу решения в Австрии национального

вопроса. Он полагал, что стране необходим новый виток модернизации. Стабилизация кредитно-финансовой системы, крупные инфраструктурные проекты, стимулирование роста промышленного производства приведут в конечном итоге к повышению уровня жизни широких слоев населения и отвлекут их внимание от межнациональных склок [4, с. 316]. По мнению Я. Шимова, Э. Кербер в этом плане напоминал П. А. Столыпина, также полагавшего, что выход России из кризиса возможен только в условиях повышения уровня жизни населения [18, с. 378]. Политика правительства Э. Кербера, сильно походила на политику консервативного правительства Э. Тааффе, которое также стремилось балансировать между различными политическими и национальными группами, проводя экономическую модернизацию и социальные реформы, чередуя их с уступками национальным меньшинствам в вопросах культуры и образования. Стремление к компромиссам являлось отличительной чертой Э. Кербера.

В тоже время новое правительство не могло обойти стороной национальный вопрос и особенно чешско-немецкий конфликт в Богемии. В январе 1900 г. в своем выступлении в Рейхсрате Э. Кербер заявил о необходимости создания специальной комиссии, где можно было обсудить и согласовать позиции конфликтующих сторон [12, с. 55].

Правительство предложило разделить Богемию на три типа округов. В первом типе административным языком становился чешский язык, во втором – немецкий язык, а в третьем типе, где не было ярко выраженного чешского или немецкого этнического большинства в качестве административного языка сразу выступали и чешский и немецкий языки [9, с. 795]. Автором этого проекта стал консультант и помощник министра-президента Р. Зигхарт, опытный экономист, банкир, протеже Е. Бем-Баверка. Р. Зигхарт родился в г. Опаве в Моравии и не понаслышке знал об остроте чешско-немецкого конфликта. Однако в апреле 1900 г. совещание зашло в тупик из-за позиции чешских партий, выступавших

за единство Чешского королевства, в том числе с точки зрения ведения документации и административного устройства. В целом разумный проект Э. Кербера оказался не реализованным.

Отличительной чертой правительства Э. Кербера становится попытка создания правительственного большинства в Рейхсрате. Министр-президент на данном поприще показал себя мастером закулисных переговоров. Ему постоянно приходилось балансировать между различными политическими силами и национальными группами, теряя предыдущих союзников и находя новых. Первоначально правительство стало опираться на поддержку консерваторов и польских депутатов, в то время как чехи и часть клерикалов объявили бойкот новому правительству. В 1901 г. в Австрии состоялись парламентские выборы. В результате правительству удалось опереться на поддержку христианских социалистов, социал-демократов и консерваторов [14, с. 79]. Поддержка Э. Кербера социал-демократами не была случайной. Они поддержали курс министра-президента на развитие системы социальной защиты трудящихся и фактическую отмену действия цензуры.

Личность Э. Кербера вызывала уважение депутатов, однако нельзя сказать, что он пользовался их особым доверием. Даже на самую жесткую критику и личные оскорбления Э. Кербер реагировал спокойно, отвечая своим оппонентам обстоятельно и по делу. Самообладание министра-президента удивляло старожилов австрийской политики. Большим подспорьем для министра-президента являлись его ораторское искусство и железная логика, обескураживавшие его противников. Император симпатизировал Э. Керберу, умевшему справляться с бушующим парламентом, что не получалось у его предшественников.

Министру-президенту удалось реализовать принцип парламентаризма и изредка прибегать к чрезвычайным мерам [10, с. 827]. Э. Кербер был последовательным сторонником парламентаризма и соблюде-

ния основных прав личности. В тоже время он не поддерживал идею введения в стране всеобщего избирательного права, полагая, что Австрия к этой реформе еще не была готова. Он вслед за австро-немецкими либералами считал, что в данной ситуации парламент перейдет под контроль славян, приверженцев идей консерватизма и федерализма [17, с. 84].

В 1900–1903 гг. в условиях мирового экономического кризиса правительству Э. Кербера пришлось срочно предпринимать меры, направленные на стабилизацию финансовой ситуации в стране путем реформы системы налогообложения и укрепления австро-венгерской кроны. После консультаций с руководством Австро-Венгерского банка в Австрии сохраняется низкая кредитная ставка на его кредиты в 3,7 %. Только с 1903 по 1904 гг. кредитный портфель банка вырос с 290 млн. крон до 355 млн. крон, основную часть кредитов получала австрийская экономика [15, с. 173]. Это обстоятельство позволило австрийским коммерческим банкам нарастить собственный капитал и увеличить объемы кредитования народного хозяйства. Большая часть кредитных средств пошла на модернизацию промышленности и снижение издержек производства.

В 1901 г. в рамках антикризисной программы правительство решило выделить значительные средства на реализацию инфраструктурных проектов, в том числе строительство новых железных дорог, общественных зданий, телефонных и телеграфных линий. При этом правительство не останавливалось перед национализацией ряда железных дорог. Самым масштабной акцией в этом плане становится национализация Северной железной дороги. Правда оппозиция заявила, что действия министра Г. фон Виттека являлись весьма неудачными. Пока в стране в 1900–1902 гг. наблюдался экономический застой, и акции дороги практически ни чего не стоили, министр вместо решительных действий бесконечно рассуждал, а когда с 1903 г. акции дороги пошли вверх, правительство решило

на национализацию, потеряв значительные средства на выкупе акций [16, с. 221].

В рамках данной политики к Вене присоединяется пригород Флорисдорф. Это привело к полной его перестройке и созданию новой транспортной инфраструктуры, соединившей бывший пригород с центром австрийской столицы, что способствовало оживлению в строительном секторе и производстве строительных материалов в Вене и в Нижней Австрии. Крупные строительные проекты реализуются и в других городах Цислайтании. Это обстоятельство, помимо всего, привело к росту производства в металлургии и деревообрабатывающей промышленности.

В то же время не все проекты правительства Э. Кербера были реализованы на практике. В июне 1901 г. парламент Австрии утверждает закон, ориентированный на строительство в течении 20 лет сети каналов, соединявших р. Дунай с р. Одером, р. Молдаву с р. Дунай, Дунайско-Одерскую систему с р. Эльбой и р. Вислой [7, с. 343]. Это был крупнейший в Европе проект такого рода. Однако рост сметы расходов и последующая отставка Э. Кербера не позволили воплотить этот проект на практике.

В 1902 г. когда кризис пошел на спад, правительство устраняет все ограничения на обмен бумажных банкнот на золото. Еще одной мерой кабинета министров становится стимулирование инвестиционной деятельности в Австрии. В результате предприниматели могли получить до трети необходимого им уставного капитала от государства в виде субсидий и льготных кредитов. В 1902 г. впервые за несколько последних лет правительству удалось провести через парламент бюджет страны.

Э. Кербер понимая интересы австрийской экономики, осознал необходимость принятия закона о недобросовестной конкуренции. Разрабатывая собственный законопроект, он учитывал опыт аналогичного германского закона 1896 г. Закон налагал серьезные санкции в виде денежных штрафов за нарушение прав предпринимателей при размещении рекламы на страницах

периодической печати, за нарушения законодательства о торговых марках и т.д. Правда, закон после жарких дискуссий был принят в только в 1906 г. [8, с. 143].

Правительство Э. Кербера, придерживаясь традиционной монархической патерналистской идеи в октябре 1901 г. снижает рабочий день в стране до 9 часов в горнодобывающей и 11 часов в обрабатывающей промышленности [17, с. 312]. Кроме этого правительство готовит законопроекты о сокращении рабочего дня для ремесленников и торговцев в воскресенье и в другие праздничные дни, расширении действия пенсионной и страховой систем. Однако часть данных мероприятий уже реализуется после отставки Э. Кербера. Правительство значительно увеличивает расходы государства на социальные проекты.

Экономические итоги деятельности правительства Э. Кербера несмотря на все проблемы развития австрийской экономики в начале XX в. в целом были положительными. В стране начинается новый экономический подъем, растет доверие населения Австрии и иностранных инвесторов к национальной валюте. В 1904 г. наблюдается рост котировки акций ведущих компаний страны на Венской бирже, при небольшом падении курса акций ряда банков и транспортных компаний. В частности стоимость акции австрийского подразделения фирма «Нобель», производившей динамит с 5 января по 30 декабря 1904 г. увеличилась на 25 %, металлургического концерна «Альпен-Монтань» на 20 % [24; 25].

Экономический рост затронул строительство, металлургию, деревообрабатывающую промышленность, производство сахара, табачную, нефтяную и винокуренную промышленность. В тоже время в добыче угля намечался застой. В машиностроении из-за сокращения экспорта сельскохозяйственных машин в Россию и в другие страны наблюдался спад производства. Тревожная ситуация складывается в хлопчатобумажной промышленности в связи с ростом цен на американский хлопок, который Австрия импортировала в больших объемах.

Противоречивые процессы происходили во внешнеэкономической деятельности Цислайтании. Австрии удалось за 1900–1904 гг. существенно увеличить экспорт, прежде всего за счет роста вывоза за пределы страны сахара. Однако положительный эффект данной тенденции нивелировался ростом цен на основные статьи австрийского импорта в том числе на хлопок, кокс и зерно.

Очень сложным было отношение Э. Кербера к венгерской половине империи Габсбургов. В конце 1903 г. заканчивался срок действия очередного австро-венгерского экономического соглашения. С конца 1902 г. правительства Австрии и Венгрии начинают переговоры по поводу условий заключения нового соглашения [22, р. 61]. Это им удалось сделать в новогоднюю ночь 1903 г. Э. Кербер добился увеличения доли расходов Венгрии в общеимперском бюджете на 3 % до 34,2 %, соглашаясь пойти на уступки венгерским аграриям, и сохранить высокие таможенные пошлины на импорт сельскохозяйственной продукции [2, л. 67]. В Австрии и в Венгрии в это время нарастали разговоры о возможности разрыва экономического соглашения между двумя половинами империи [1, л. 144]. Э. Кербер относился отрицательно к идее развала экономического союза между Австрией и Венгрией, понимая, что от этого проиграют все народы империи, а ее экономике будет нанесен колоссальный удар.

В 1903 г. происходит обострение ситуации в Венгрии. Одним из проявлений кризиса становится дестабилизация отношений Будапешта с Хорватской автономией. Это обстоятельство вызвало взрыв недовольства политикой венгерского правительства, его обвиняли в наступлении на права и свободы хорватов. Многие политики Австрии не скрывали своего сочувствия к хорватам, набирали силу разговоры о возможности включения Хорватии в состав Австрии. Э. Кербер оказался в сложной ситуации. Когда в Вену приехала делегация хорватской оппозиции, он оказался от встречи с ней. На запрос парламента, Э. Кербер

заявил, что он и правительство Австрии не собираются вмешиваться во внутривнутриполитические дела Венгрии, соблюдая условия соглашения 1867 г. [3, л. 103].

С конца 1902 г. в Венгрии обострились отношения правительства с оппозицией, которая потребовала расширения венгерских прав в общей австро-венгерской армии: введение венгерского языка в венгерских частях; в венгерских подразделениях, расквартированных в Венгрии использовать только национальные знамена, герб Венгрии и замещение в них командных должностей исключительно венгерскими офицерами [13, с. 98]. Император, командование австро-венгерской армии, наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд отреагировали на эти действия венгерской оппозиции крайне негативно. Э. Кербер и правительство Австрии также выступили против требований венгерской оппозиции.

Осенью 1904 г. правительство Э. Кербера, несмотря на экономические успехи, оказалось в очень сложной ситуации. После потери Венецианской области итальянца Австрии потеряли последний национальный университет. С конца XIX в. они требовали создания итальянского университета в Австрии в Триесте или в другом городе. Э. Кербер решил реализовать данный проект на практике, полагая, что итальянцы выдвинули справедливое требование. Правительство создает при юридическом факультете Университета в Инсбруке отделение, где обучение велось на итальянском языке. Итальянские студенты бурно отмечали это событие. Немецкое большинство университета оценило данный факт как вызов со стороны итальянцев, в результате по всему городу начались массовые драки между итальянскими и австро-немецкими студентами [11, с. 830]. Только введение в столицу Тироля дополнительных сил полиции и воинских частей успокоило страсти. Однако правительству пришлось пойти на уступки и отменить решение о создании итальянского отделения в университете, что нанесло значительный удар по его авторитету.

Кроме этого, когда одна из газет Австрии опубликовала статью, в которой содержались нападки на доктринальные положения католической церкви, Э. Кербер отреагировал на это событие в целом спокойно и не закрыл данное издание, будучи приверженцем свободы слова. В то же время данное обстоятельство дало врагам Э. Кербера возможность обвинить его в богохульстве и попирании интересов церкви. Приближенная к императорскому двору герцогиня Арх, критикуя Э. Кербера даже вспомнила то, что одна из его прабабушек являлась еврейкой [23, р. 23].

В декабре 1904 г. в Вене все активнее обсуждалась возможность отставки Э. Кербера по состоянию здоровья. 31 декабря 1904 г. правительство Э. Кербера было отправлено в отставку. По мнению известного австрийского экономиста Л. фон Мизеса, отставка Э. Кербера вызвала уныние среди горячих сторонников сохранения целостности Австро-Венгрии и укрепления ее величия [23, р. 22–23]. Они полагали, что политика правительства Э. Кербера была последней попыткой спасения не только дуалистической Австрии, но и всей империи Габсбургов.

После отставки Э. Кербер оставался членом верхней палаты парламента. В 1906 г. он становится членом Академии наук Австрии. С началом первой мировой войны правящая элита вновь вспоминает об Э. Кербере. В феврале 1915 – октябре 1916 гг. он исполняет обязанности общегимперского министра финансов. После убийства Ф.Адлером министра-президента К. фон Штюргка, Э. Кербер 21 октября 1916 г. получает от императора предложение сформировать новое правительство Австрии, но 21 ноября 1916 г. Франц-Иосиф умер. Новый император Карл I назначил на ключевые должности своих людей, концентрируя часть властных полномочий в том числе и в своих руках. На первой встрече с Э. Кербером и премьер-министром Венгрии И. Тисой император заявил о своем желании играть более значительную роль в политической жизни империи [19, с. 292].

В данной ситуации судьба Э. Кербера была предрешена.

13 декабря 1916 г. император принял отставку Э. Кербера. Причиной этого послужил и тот факт, что Карл I планировал провести реформирование государственного устройства Австрии и, возможно, империи Габсбургов в целом, допуская и ее федера-

лизацию, а Э. Кербер был противником такой политики.

Э. Кербер всего на четыре месяца пережил крах империи Габсбургов. Он умер 5 марта 1919 г. в санатории известного австрийского курорта Баден, похоронили бывшего министра-президента Австрии в Вене.

Литература

1. Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп.482. Д. 576.
2. АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп.482. Д. 577.
3. АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп.482. Д. 578.
4. Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика. – М., 1997.
5. Джонстон У.М. Австрийский ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848 – 1938 гг. – М., 2004.
6. Закон, изменяющий основной закон 26 февраля 1861 г. об имперском представительстве / Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. Т.1. Конституционные монархии. – СПб., 1905.
7. Иностранные известия // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1905. – №9.
8. Иностранные известия // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1906. – №317.
9. Иностранное обозрение // Вестник Европы. – 1900. – №6.
10. Иностранное обозрение // Вестник Европы. – 1901. – № 6.
11. Иностранное обозрение // Вестник Европы. – 1904. – №12.
12. Иностранное обозрение // Южные записки. 1905. – №1.
13. Исламов Т.М. Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны 1906 – 1914 гг. – М., 1972.
14. Лозинский С. Национальный вопрос и политические партии в Австрии. – М., 1907.
15. Специальная корреспонденция // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1905. – №5.
16. Специальная корреспонденция // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1905. – №19.
17. Мир Божий. – 1906. – №2.
18. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. – М., 2003.
19. Шимов Я. «Искал мира и нашел его в Боге». Карл I Австрийский: набросок политического портрета последнего коронованного Габсбурга // Средняя Европа: Проблемы межгосударственных и межнациональных отношений. XII-XX вв. памяти Т.М.Исламова. – СПб., 2009.
20. Яси О. Распад Габсбургской монархии. – М., 2011.
21. Beller S. A concise history of Austria. – Cambridge, 2006.
22. Hoensch J.K. A history of modern Hungary 1867-1994. – London – N.Y., 1996.
23. Mises L. Memoirs. – Auburn, 2009.
24. Neue Freie Presse. – 6. 01. – 1904. – №14139.
25. Neue Freie Presse. – 30.12. – 1904. – №14494.

УДК 342.71(470+430) "18"

Т. Н. Плехотнюк**ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОДДАННЫХ
И ИНОСТРАНЦЕВ В РОССИИ И В ГЕРМАНИИ В XIX ВЕКЕ:
ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Статья посвящена проблеме правового статуса подданных и иностранцев в условиях миграции и изменения статуса самой территории. Автор анализирует особенности закрепления гражданства в двух странах – России и Германии, где на протяжении всего XIX века национально-территориальное устройство претерпевало измене-

ния, а миграция была имманентной чертой общества.

Ключевые слова: Россия, Германия, унитарность, федеративность, конституция, иностранец, подданный, миграция, государство-реципиент, способы приобретения гражданства, двойное гражданство.

T. N. Plohotniuc**PECULIARITIES OF THE ESTABLISHMENT OF THE LEGAL STATUS OF NATIONALS AND
FOREIGNERS IN RUSSIA AND IN GERMANY IN THE XIX CENTURY:
HISTORICAL-COMPARATIVE ANALYSIS**

The article deals with the problem of legal status of foreigners and nationals under the conditions of migration and change of status of some territories in Russia and Germany. The author analyzes the features of securing citizenship in two countries - Russia and Germany, where throughout the XIX century

national and territorial structure underwent changes and migration was an immanent feature of society.

Key words: Russia, Germany, unitary, federal, constitution, nationals, foreigner, migration, state-recipient, ways of getting citizenship, dual nationals.

Трансграничное перемещение предполагает перемещение подданного одного государства на территорию другого, где перемещающийся индивид, подданный государства-донора, сразу же превращается в иностранца для государства-реципиента. Как правило, отношения подданных и иностранцев к государству существенно различно, так же как и их положение в государстве. Нахождение иностранца в пределах государства остается только фактом и никогда не составляет для него права. Государство не обязано его терпеть на своей территории. Если его пребывание для государства будет сочтено по каким-то причинам неудобным, оно может удалить его в любое время, и с удалением его прекращаются всякие отношения с данным государством.

Отношение подданного к государству определяется наличием у первого пра-

ва находиться в пределах государства и права второго оказывать ему защиту и в пределах других государств. Этим правам соответствуют обязанности: со стороны подданного – обязанность подданнической верности; со стороны государства – обязанность при всяких условиях терпеть подданного на своей территории и пускать его в свои пределы [6, с. 35].

Чтобы всесторонне проанализировать процесс перемещения населения через российско-германские границы небезынтересно и остро необходимо выяснить особенности правового статуса подданного и иностранца, как в России, так и в Германии. Сходство или различие в определении этих статусов должны влиять на процессы международной миграции: способствовать им или сдерживать их, а потому столь важно уточнить общее и особенное в их опреде-

лении, объяснив их. Несомненно, что статус подданного и иностранца будет предопределен принципом, который лежит в основе государственно-территориального устройства, так как отношение к территориям и есть отношение к народу, их населяющих.

Реформировав во второй половине XIX века многие сферы и продекларировав свой интерес к принципу конституционализма и примерив его в очередной раз, Россия осталась неограниченной монархией и унитарной по форме территориально-государственного устройства. Присоединяя новые территории, Россия включала в свой состав одно за другим самостоятельные прежде государства или часть владений других держав. Она никогда не образовывала ни федерации, ни унии. Как правило, первое время после присоединения, Россия не занималась активно инкорпорированием новой территории, а в некоторых случаях сохраняла за присоединенными областями их местные законы и учреждения, предоставляя им более или менее широкую местную автономию. Это обстоятельство давало повод некоторым из исследователей видеть в этих присоединениях унию России с самостоятельными государствами, например, Польшей или Финляндией [2, с. 188–189].

Российская государственность демонстрировала свою, стабильность и незыблемость. Государственно-территориальное устройство ее не подвергалось изменениям, а только расширялась за счет присоединения территорий. Для германской государственности XIX век стал периодом значительных, эпохальных преобразований. В начале XIX века Германия по-прежнему состояла из множества государственных образований, каждое из которых имело свою таможенную систему, органы управления, свое законодательство, различную систему мер и весов. Венский конгресс 1815 года не устранил раздробленности Германии, но число самостоятельных немецких государств он уменьшил до 38 (34 монархии и 4 вольных города). Наиболее крупными из них были Австрия, Пруссия, Саксония, Бавария, Ганновер.

Конгресс способствовал образованию рыхлой конфедерации германских государств [1, с. 30].

Кроме того, территории таких государств, как Австрия и Пруссия, были несоизмеримо больше, чем территории мелких герцогств и княжеств, а также эти два главных государства имели обширные владения, не входившие в состав германской территории. В этом случае отождествление интересов всех членов Союза не могло иметь место. Австрия и Пруссия являлись не только сильнейшими членами Германского союза, но первоклассными европейскими державами со своими интересами и традиционным политическим курсом, которые не могли быть принесены в жертву интересам Германского союза. Прусские и австрийские интересы уже имели определенность и конкретность, тогда как оформление национальных интересов Германии было вопросом будущего.

Таким образом, в этот период свои интересы Пруссия и Австрия противопоставляли интересам микроскопических государств (*Zwergstaaten*), а так называемая общая политика Германского союза могла быть результатом случайного или редкого соглашения. Созданный для сохранения внешней и внутренней безопасности, Союз не мог взять на себя обеспечение общими средствами условий общего благосостояния, духовного и экономического развития всего германского народа. Эти цели осуществлялись помимо Союза по инициативе и добровольному соглашению отдельных государств. Ярким примером этого положения можно назвать создание (учреждение) Таможенного союза [1, с. 33].

Союзный акт признал и заключительный акт подтвердил равенство всех германских государств – они одинаково независимы, все имеют право на участие в союзном управлении – но его не было и не могло быть. Степень участия в сейме не была одинакова для всех государств. Союз существовал как доказательство неосуществимости на этом этапе каких бы то ни было общих учреждений в Германии. Он не мог видо-

измениться, а только пасть при развитии таких условий, как оформление сознания национального единства или определения центра единения [1, с. 57].

Это и произошло в результате европейских событий второй половины 1840-х – первой половины 1860-х годов Германский союз в прежней форме прекратил свое существование. Очередная попытка реформирования этого Союза привела к войне, основными противниками в которой были Австрия и Пруссия. Перед началом войны германские государства сгруппировались около двух соперниц в соответствии со своими старыми симпатиями. В результате войны 1866 года Пруссия добилась исключения Австрии из Германии; инкорпорировала Шлезвиг-Гольштейн; округлила свои границы на севере Германии и значительно прирастила свою территорию; образовала новый Северо-Германский союз. Союзный трактат был подписан 18 августа 1866 года. 24 июня 1867 года была учреждена конституция этого Союза, а с 1 июля 1867 она вступила в силу [1, с. 38].

Отто фон Бисмарк, творец Северо-Германского союза, зная о том, что органическое слияние двух частей Германии – это дело будущего, заботился об упрочении отношений международного характера с южно-германскими государствами [1, с. 244]. Так, например, с каждым из них были заключены оборонительные договоры (Schutz- und Trutz- Bündnisse). В соответствии с их условиями каждая из договаривающихся сторон, во-первых, обещалась хранить целостность территории своего союзника, во-вторых, в случае войны предоставлять в его распоряжение все военные силы. Анализируя содержание этих договоров, следует отметить не только его значимость для укрепления межгосударственных отношений, но и оценить их вклад в подготовку объединения Северной и Южной Германии. С военной точки зрения, единство Германии было фактически достигнуто, так как война отдала бы в распоряжение Пруссии все силы Германии. Все южные государства – Баден, Гессен, Вюртемберг и даже Бава-

рия – сознавали если не необходимость присоединения к Северному союзу, то невозможность изолироваться от него. Таким образом, объединение немецких земель было подготовлено всем ходом истории. [7, с. 55–57; 9, с. 24]

После продолжительных переговоров Северо-Германский союз заключил договоры сначала с Баденом и Гессеном (15 ноября 1870 года), затем с Баварией (23 ноября 1870 года) и через два дня с Вюртембергом (25 ноября 1870). Совокупность уступок, сделанных союзным правительством, можно разделить на две группы. Одни из них обеспечивали привилегированное положение Баварии, наделяли привилегиями Вюртемберг; другие меняли характер союзной конституции, т. е. усиливали федеративное начало, ограничивая гегемонию Пруссии [13].

Компетенция союзного правительства была расширена за счет наделения союзной законодательной власти правом регламентации печати, сходов, ассоциаций, т.д. Несмотря на уступки, соглашение между севером и югом состоялось не без труда. После ожесточенных дискуссий сначала были подписаны договоры с южно-германскими землями, затем после ревизии союзной конституции 16 апреля 1871 года имперская конституция была принята [14, с. 109–112].

Статья 3 и пункт 1 статьи 4 германской конституции вводили право общего гражданства. Они были сохранены как положения из предыдущей имперской (прусской) конституции в неизменном виде. Так статья 3 устанавливала «государственную принадлежность» или «общее туземство» (Indigenat), т. е. в соответствии с этой статьей член каждого отдельного государства, вошедшего в союз, мог пользоваться в другом государстве всеми правами природного подданного. На этом основании он имел повсеместное право оседлости, приобретения недвижимой собственности, право на занятие общественных должностей, на судебную защиту, т. д. [14, с. 110].

Правами имперского гражданства могло пользоваться только лицо уже имевшее

право гражданства в одном из союзных немецких государств. Юристы справедливо считали имперское подданство не самостоятельным, а добавочным правом к праву гражданства в отдельном союзном государстве. И хотя юристы определяли имперское гражданство первым, тем не менее только наличие земельного гражданства давало право приобретение так называемого первого (имперского); с потерей земельного терялось и первое. Это обстоятельство было особенно неудобно из-за значительных расхождений в законах о приобретении и утрате права гражданства в отдельных немецких государствах [14, с. 111].

По 1 пункту статьи 4, в которой была оговорена компетенция союзного уровня. Надзору и законодательству союза подлежали постановления о праве передвижения, оседлости и т. д. На основании этого пункта 1 июня 1870, т.е. еще в рамках прежнего Северо-Германского союза, появился закон о приобретении и утрате союзного и местного (земельного) гражданства [8]. Закон 1870 года был верен федеративному началу, т.е. право союзного гражданства провозглашалось дополнением к праву местного гражданства [13]. Оно приобреталось и утрачивалось вместе с последним. Закон устанавливал только общие условия принадлежности к отдельным государствам. Право местного, а следовательно, и имперского гражданства приобреталось: 1) рождением; 2) узаконением; 3) браком; 4) принятием (Aufnahme) лица, уже принадлежавшего к одному из государств союза и 5) путем натурализации (для иностранцев) [14, с. 112].

В российской империи подданство устанавливалось или как следствие какого-либо факта, обусловившего связь лица с данным государством, или в силу прямого принятия лица в подданство, т.е. принятия иностранцем российского подданства. В первом же случае лицо приобретало право на принадлежность к данному государству независимо от его на то согласие. Государство было обязано признать своими подданными лиц, родившихся от его подданных; женщин, заключивших брак с его подданными. Кроме

того, государство, приобретая новые территории, объявляло своими подданными тех, кто жил на этой территории [2, с. 265].

Рассмотрим внимательнее каждый способ установления гражданства как в Германии, так и в России. Как оказалось, такой компаратив помог выяснить позиции государств в вопросах перемещения его подданных. Начнем с такого способа установления гражданства, как рождение. Без сомнения, из всех способов установления подданства он самый важный. Во всех государствах преобладающая масса подданных – это подданные именно по рождению. Какими же условиями определяется установление подданства рождением? Условия эти в законодательствах России и Германии определялись не одинаково.

Теория государства различает две основные системы установления подданства рождением: территориальную и национальную. При территориальной системе решающее значение имеет место рождения, так что каждый, родившийся от кого бы то ни было на территории государства, признается подданным этого государства. При национальной системе подданным государства признается каждый, родившийся от его подданных, где бы то ни было, в пределах государства или за границей.

Германский рейх признавал всех законных детей, независимо от места их рождения, принадлежащих к государству, в котором числились гражданами их родители. Для незаконных детей открывалось несколько возможностей. Закон признавал общим правилом, что незаконные и так называемые неузаконенные дети следовали гражданству матери. Следовательно, незаконное дитя, родившееся от немецкой гражданки, получало ее гражданство. Но это право терялось для него в случае узаконения его отцом, принадлежащим к другой национальности. Точно также немецкий гражданин, признавший себя отцом незаконно рожденного ребенка от иностранки, мог дать ему право немецкого гражданства [14, с. 111–112].

Итак, германская имперская конституция содержала четкую формулировку

статьи о приобретении подданства рождением. А в российском законодательстве положение о том, кто признается русским подданным по рождению, отсутствовало, и даже не было прямого указания на то, что вообще рождением можно приобрести подданство. Но, по мнению теоретиков русского права и государствоведов, это разумелось само собой, и кроме того, на это указывало постоянно употребляемое определение «природный» по отношению понятию «подданный» [2, с. 266].

То, что российское законодательство не определяло очевидным русское подданство лица, родившегося от русской подданной за границей, весьма красноречиво свидетельствует об отношении государства к проблеме перемещения своих подданных. Случай рождения российского подданного за границей вовсе не предусматривался российским законодательством. Только ст. 930 IX т. упоминала о том, что обязанности консулов по выдачи свидетельств о рождении российских подданных в иностранных державах уточнены в Уставе Консульском [5, с. 442]. Но в Консульском Уставе был предусмотрен только случай рождения ребенка от русской подданной на «русском судне» или «иностранном корабле» [5, с. 444].

Крупнейший специалист в области русского государственного права Н. Коркунов предлагал путем аналогии определять, что российское государство все же признает детей, рожденных от российской подданной за границей, своими подданными. Так как, ст. 850 т. IX Основания гражданского права определяла детей иностранцев, родившихся в России, иностранцами, то профессор Коркунов, по аналогии, заключал, что и дети русских подданных, рожденные за границей, тоже должны признаваться российскими подданными. Судя по всему, в российском законодательстве еще не были до конца и корректно оформлены ни национальная, ни территориальная система. Вполне возможно, что здесь имела место трансформация, которая могла привести к закреплению варианта, свойственного только российскому государству [2, с. 266].

Жена, по общему правилу, следовала состоянию мужа, т.е. выходя замуж, женщина приобретала гражданство мужа [13; 5, с. 543]. И российское, и германское законодательства закрепляли это положение. А вот право приобретения подданства усыновлением российское законодательство, в отличие от германского, существенно ограничивало. Не запрещая усыновлять иностранцев, российский закон не наделял усыновляемого новыми правами состояния, подданства, прежде всего [5, с. 546; 11]. Усыновляемый сохранял первоначальные права состояния, следовательно, и подданство. Единственное исключение составляли случаи усыновления дворянами и потомственными почетными гражданами: в этом случае усыновляемый, если он принадлежал к низшему состоянию, получал право личного почетного гражданства. Но личным почетным гражданином в России мог быть и иностранец [5, с. 567].

Российский закон не предусматривал случая узаконения детей, рожденных до принятия их родителями русского подданства. Но как только отец-иностранец принимал русское подданство, согласно ст. 857 т. IX Оснований гражданского права, он приобретал все права без всякого различия от коренных подданных. Теперь ему уже как русскому подданному нельзя было отказать в праве узаконения детей, прижитых с женой до брака [5, с. 568].

Своеобразие территориально-государственного устройства российской империи обусловили закрепление в законодательстве такого способа, как устанавливая подданство для населения присоединенной области. Факт завоевания государства и присоединения его к российской территории был основанием для обращения в подданства завоеванного населения. Российское государство, не желая иметь в новых своих владениях враждебно настроенных против него жителей, предоставляло желающим сохранять прежнее подданство, но только при условии выселения и продажи недвижимости в течение определенного срока.

Устанавливая этот срок, российское законодательство руководствовалось положениями Венского конгресса 1815 года, который определял его в 10 лет. Так, например, в мирном трактате, заключенном между Россией и Турцией 27.01.1874 г., ст. 7 определяла: «Жители местностей, уступленных России, которые пожелали бы поселиться вне сих территорий, могут свободно удаляться из страны и не продавшие своих недвижимых имуществ, остаются русскими подданными». Юристы того времени уточняли, что эта статья должна быть толкуема ограничительно, заключающееся в ней постановление следовало относить только к тем жителям, которые были прежде турецкими подданными. Если на присоединенной территории находились на момент завоевания иностранцы, то они не принимали российское подданство. Подданных государства, присоединенного к территории российского государства, не считали иностранцами.

И российское, и германское законодательства признавали такой способ установления подданства, как натурализация, или укоренение [4, с. 56; 5, с. 570; 15]. Укоренение было применимо к иностранцам, то есть к тем лицам, которые не имели права на принадлежность к государству. Поэтому, укореняя иностранца, государство осуществляло акт свободного усмотрения. Так как государства не признавали себя обязанными принимать в подданство каждого просящего о том иностранца, то укоренение оставалось известными условиями.

Прежде чем проанализировать и сравнить их, рассмотрим положение переместившегося на территорию другого государства до тех пор, пока сохраняется его статус иностранца. Факт пребывания подданного одного государства на территории другого служило основанием для начала его отношений с государством-реципиентом. Именно оно и определяло содержание этих отношений, наделяя иностранца определенными правами или предоставляя ему некоторые возможности. Обыкновенно, иностранцам не предоставлялось политических прав,

а только гражданские, но и гражданские права предоставлялись им с некоторыми ограничениями.

Для России участие иностранцев во всех сферах жизнедеятельности общества стало реальностью [3, с. 177; 4, с. 54; 16]. Так как результативность этого участия была достаточно высокой, то государство даже закрепило законодательно право государственной службы и сословные права иностранцев в России. Так, иностранец мог поступить на военную и государственную службу по учебному ведомству. Иностранные ученые, художники, предприниматели, добившиеся значительных успехов, могли получить права личного почетного гражданства, но не иначе, как в силу особого о том Высочайшего указа, объявляемого Сенату. Кроме того, они могли просить после десятилетнего пребывания в почетном гражданстве о предоставлении их детям, вступившим в русское подданство, потомственного почетного гражданства. С разрешения казенных палат иностранцы могли записываться в цехи и тогда пользоваться всеми правами цеховых. Для иностранных дворян было установлено изъятие от телесного наказания. Это изъятие, очевидно, должно быть отнесено к изъятиям по правам состояния и, следовательно, иностранные дворяне в случае уголовного суда над ними должны быть отнесены к категории лиц, изъятых от телесного наказания по правам состояния [5, с. 572].

По общему правилу, гражданскими правами иностранцы пользовались наравне с русскими подданными. Лишь в последней четверти XIX века во время правления Александра III, известного своими антииностранными настроениями, были установлены некоторые специальные ограничения прав иностранцев. Так, в некоторых местностях ограничены их права по приобретению недвижимого имущества. В 1886 году установлено запрещение иностранцам приобретать недвижимые имущества в Туркестанском крае. Указом от 14 марта 1887 года в десяти губерниях Царства Польского и в губерниях Лифляндской, Курляндской,

Ковенской, Виленской, Витебской, Минской, Гродненской, Киевской, Волынской, Подольской и Бессарабской иностранцам было отказано в праве приобретать или арендовать сельскохозяйственные угодья. Здесь им было предоставлено только право найма домов и квартир для личного жительства. Указом от 7 августа 1887 г. этот запрет был распространен и на иностранные общества, компании и товарищества, действовавшие на этих территориях, т.е. иностранцам не разрешалось участвовать в них своим капиталом [2, с. 423].

В губерниях Царства Польского иностранцы не могли быть управляющими недвижимыми имуществами. В 21 губернии, расположенных близко к границе, наследование недвижимости иностранцами допускалось только по закону прямой нисходящей линии и между супругами и только в том случае, если наследник поселился в России до издания этого закона, т. е. до 14 марта 1887 года. Во всех других случаях наследования закон обязывал наследника-иностранца в течение трех лет продать унаследованную недвижимость русскому подданному. Если это условие не выполнялось, недвижимость определялось в опеку, а затем следовала его продажа с публичного торга [2, с. 424–425]. Итак, почти все ограничения были в основном закреплены за определенными территориями, что позволяет заключить, что опасения проникновения сюда иностранного элемента и его внедрение здесь станет угрозой унитарной форме устройства империи, подталкивало государство к таким ограничениям. Кроме того, это, несомненно, было последствием усложнения отношений с Германией, которые с началом 1880-х резко ухудшились.

Оформление новой формы территориально-государственных отношений между землями Германии тоже послужило импульсом для изменения статуса как поданных Германии, так и иностранцев. Кроме развития политической свободы немецкое общество надеялось найти в своем единстве освобождение от многих полицейских стеснений, которым в прежнее время были под-

вергнуты личная свобода, свобода слова и совести. Конституция дала имперской власти возможность удовлетворить некоторые существенные требования общества – это были требования свободы передвижения, оседлости и более четкая регламентация паспортной системы.

Прежде всего, имперское законодательство закрепляло свободу оседлости и передвижения как одно из существенных условий экономической свободы. Так как возможность избрания места жительства и беспрепятственного передвижения давала свободу промыслов и торговли, то союзное государство пошло на значительные уступки, предоставляя обществу право свободного передвижения. При чем иностранцев во многих случаях закон уравнивал в правах с подданными. (конституция, положений о едином гражданстве и закона от 1 июля 1870 года об общих условиях приобретения местного и союзного гражданства была обеспечена рядом законов, принятых еще в 1867, 1869 году) Так, в положениях Закона от 1 ноября 1867 года (*über die Freizügigkeit*) был реализован принцип – каждый имперский обыватель (*Reichsangehörige*) может находиться и водворяться в каждой части империи, где он может добыть себе собственное жилище или пропитание. Этот закон отменил все ограничения, имевшие предупредительно-полицейский характер [6, с. 63; 7, с. 228; 9, с. 36–37].

Ограничения права свободного избрания места жительства теперь являлись дополнительной мерой к наказанию за совершенные преступления или проступки. Т.е. местная полиция могла запретить отлучку из данной местности лицу, подвергнутому уголовному наказанию или же правительством может не допустить в свои пределы лицо, наказанное в другом государстве в течение последних 12 месяцев, а также за повторявшееся прошение милостыни или за бродяжничество. После образования Германского союза здесь были отменены ограничения в передвижении по конфессиональному признаку [1, с. 74–75; 15].

В целом же образования единого национального германского государства ликвидировало разнообразие частных земельных законодательств; регламентировало право общин не допускать к себе новых обывателей в случае сомнения в экономической самостоятельности; устранило часть ограничений по религиозным мотивам; лишило полицию права ограничения заключения брака; а также отменило двойное обложение прямыми налогами. [1, с. 76; 9, с. 117]

Но переселение из одной земли Германии в другую совершался одним из высших учреждений. Закон сам определял причины, по которым просителю могло быть отказано. Иностранец мог просить о натурализации, если он: а) дееспособен, по законам прежнего своего отечества; б) благонадежен; в) может на месте своей оседлости, добыть себе пропитание и собственное жилище. Натурализация иностранца следовала не иначе, как с учетом мнения общинного управления и местного союза для бедных. Принятие лиц на службу одного из немецких государств заменяло для него акт натурализации. Натурализованный немедленно наделялся всеми правами и обязанностями немецкого гражданина. [1, с. 46; 10, с. 56; 11, с. 76–77]

Правом перехода в российское подданство наделялись все иностранцы, за исключением: 1) замужних иностранок отдельно от мужей (ст. 840), 2) евреев (ст. 819 и 3) дервишей (ст. 821). Принятие в подданство зависело от министра внутренних дел, который пользовался в этом отношении вполне дискреционной властью. Он мог отказать в принятии и иностранцев, удовлетворивших всем условиям, требуемым законом (ст. 845) [5, с. 569, 572, 577; 2, с. 553].

Российское право вводило ограничение – предварительное пятилетие водворение иностранца в пределы империи (ст. 836). При чем, оно не определялось общим сроком пребывания иностранца в пределах России, а начиналось только с момента подачи прошения (ст. 837). Пятилетний срок предварительного водворения мог

быть сокращен властью министра внутренних дел. Это делалось в исключительных случаях при наличии заслуг (ст. 848). Принятие в подданство совершалось принесением присяги в присутствии губернского правления, или, с особого разрешения губернатора, в присутствии местного полицейского управления, или, по особо уважительным причинам и по ходатайству российских дипломатических представителей в присутствии российских миссий (ст. 847). Иностранцы, состоявшие на государственной службе, допускались к присяге на подданство в любое время и без всяких сроков (ст. 852). Укорененные в русском подданстве приобретали тем все права и подвергались всем обязанностям того сословия, к какому причислялись (ст. 857), но им предоставлялась двухлетняя льгота от податей [5, с. 570, 573, 577].

Итак, в ситуации симметрии форм государственного правления – а Россия и Германия были империями – легко обнаруживаются существенные расхождения, обусловленные различиями в формах государственно-территориального устройства. Российская империя являла собой классический вариант имперской формы правления: прежде самостоятельные государства были включены в ее состав в основном в результате завоевания, а затем инкорпорированы. Это обстоятельство обеспечило унитарность российского государства. Германия явила миру уникальную союзную форму империи. Союзная форма государства не была совершенно новым явлением. В форме союза были закреплены отношения субъектов в составе США и Швейцарии. В этих случаях субъектами выступали республики, тогда как Германия объединила 34 монархии и 3 вольных города.

Так как унитарная и союзная системы отношений территорий внутри государства строятся каждая в соответствии со своей природой, то принципы определения отношений государственной власти и населения в каждой из систем тоже не совпадают. Например, следствием союзного характера германской империи стало двойное гражданство населения Германии, и земельное

подданство объявлялось преимущественным, основным. Законодательство России не зафиксировало основного способа приобретения гражданства – рождением, но оговорило обращение в подданство населения вновь присоединенной территории.

Так как в Германии главенствующим было земельное право, то в каждой из зе-

мель прибывающего из соседней провинции определяли как иностранца. Это обстоятельство значительно смягчило условия проникновения выходцев из других стран. В России же отношение к иностранцам оставалось импульсивным, пожалование привилегий и их изъятие зависело от монаршей воли.

Литература

1. Градовский А. Германская конституция. Часть I. Исторический очерк. Часть II. Обзор действующей конституции. – СПб., 1875.
2. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т.1. Введение и общее право. – СПб., 1908.
3. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов, Том.I. – СПб, 1882.
4. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов, Том II, – СПб, 1883.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: 1881-1913. IX т. Основания гражданского права – СПб., 1885 – 1916.
6. Dohse, K. *Ausländlicher Arbeiter und bürgerlicher Staat: Genese u. Funktion von staatlicher Ausländerpolitik u. Ausländerrecht. Vom Kaiserreich bis zur BRD.* Königstein / Ts: Hain, 1981, VII.
7. Elsner, L.; Lehmann, J. *Ausländische Arbeit unter dem deutschen Imperialismus, 1900 bis 1985.* Berlin: Dietz, 1988.
8. Gesetz, betreffend die Einführung des Reichsgesetzes über die Freizügigkeit vom 1. November 1867 und des Reichsgesetzes über die Erwerbung und den Verlust der Bundes- und Staatsangehörigkeit vom 1. Juni 1870 [in Elsass-Lothringen] (08.01.1873) // http://www.documentarchiv.de/ksr/1873/freizuegigkeit-staatsangehoerigkeit_elsass-lotharingen_ges.html.
9. Harder-Gersdorff, E. *Russlands Wirtschaft und der Westen in der Frühen Neuzeit: ein Lehrstück? // Was ist Gesellschaftsgeschichte? Positionen, Themen, Analysen.* Hrsg/ M. Hettling a.u. – München, 1991.
10. Herbert, U. *A History of Foreign Labor in Germany, 1880-1980: Seasonal Workers/ Forced Laborers/ Guest Workers.* – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990.
11. Ischchanian B. *Die ausländischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft.* Berlin, 1913.
12. Beschluss zur Einführung der Bezeichnungen «Deutsches Reich» und «Deutscher Kaiser» (09.12.1870) // <http://www.documentarchiv.de/ksr/dtrdtk.html>.
13. Protokoll, betreffend den Beitritt Bayerns, Württembergs und Badens zu dem [Frankfurter] Friedens-Vertrage vom 10. Mai 1871 (15.05.1871) http://www.documentarchiv.de/ksr/1871/frankfurter-friedensvertrag-beitritt_prkl.html.
14. *Verfassung des Deutschen Reichs vom 16. April 1871 // Texte zur deutschen Verfassungsgeschichte vornehmlich für den Studiengebrauch herausgegeben von Dr. Günter Dünig o. Professor der Rechte an der Universität Tübingen Mitglied des Verwaltungsgerichtshofs Baden – Württemberg und Dr. Walter Rudolf o. Professor der Rechte an der Universität Bochum C.H.Beck'sche Verlagsbuchhandlung München und Berlin, 1967.*
15. Verordnung, betreffend die Einberufung des Bundesraths (01.03.1872) http://www.documentarchiv.de/ksr/1872/bundesrath-einberufung_vo.html.
16. Verordnung, betreffend die Einberufung des Reichstages (26.02.1873) // http://www.documentarchiv.de/ksr/1873/reichstag-einberufung_vo.html.

УДК 94(4) «375/1492»

С. А. Польская

**«ОТ КРАСНОГО ЦВЕТА – АЛЫЙ, ОТ ЧЕРНОГО – ФИОЛЕТОВЫЙ,
ОТ ЗЕЛЕННОГО – ЖЕЛТЫЙ»: ХРОМАТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ЛИТУРГИИ В ТРАКТАТЕ
ДЖОВАННИ ЛОТАРИО КОНТИ «О СВЯТОМ ТАИНСТВЕ АЛТАРЯ»**

Статья посвящена историко-антропологическому анализу цветовой семантики литургии, в частности – одной из первых попыток осмысления хроматики богослужения Римской Католической Церковью в лице кардинала Джованни Лотарио (будущего папы Иннокентия III) в его трактате

«О святом таинстве алтаря» (De sacre altaris misterio) 1194–1195 гг.

Ключевые слова: Литургия, Священное Писание, Джованни Лотарио, Иннокентий III, хроматическая семантика, цветовая иерархия.

S. A. Polskaya

**«FROM RED COLOR TO SCARLET, FROM BLACK TO VIOLET, FROM GREEN TO YELLOW»:
CHROMATIC INTERPRETATION OF THE LITURGY IN THE TREATISE BY GIOVANNI
LOTHARIO KONTI «ABOUT THE HOLY SACRAMENT OF THE ALTAR»**

The article is devoted to historical-anthropological analysis of color semantics of liturgy, in particular one of the first attempts to comprehend the chromatics of liturgy in the Roman Catholic Church made by cardinal Giovanni Lothario (the future Pope Innocent

III) in his treatise «On the Holy sacrament of the altar» (De sacre altaris misterio) 1194 – 1195's.

Key words: Liturgy, Holy Scripture, Giovanni Lotario, Innocent III, chromatic semantics, color hierarchy.

Антропология христианских ритуалов, прочих форм отправления культа и самого богослужения (в том числе и сопровождающего королевскую инаугурацию с целью придания ей сакральной санкции) включает в себя целую серию параметров: жестов, иерархий, вербальных и визуальных практик, музыкального сопровождения, пространственной и временной организации. Однако все они сопровождались и определённым цветовым решением монохромного, диахромного или полихромного типов, что позволяет на равных правах включить их в указанный перечень. Современное гуманитарное знание уделяет этому достаточно пристальное внимание и в итоге чего явились сформировавшиеся историографические версии [1: 10; 5; 9; 37; 1; 36; 38; 35] и литургического церемониала, и семантике его цветового решения [2, с. 114; 6; 7].

В итоге Церковь остановится на выборе пентархии сакральных цветов: белом, красном, чёрном, зелёном и фиолетовом, что заставляет исследователей вспомнить о начале подобной градации ещё Аристотелем, классифицировавшем гамму от белого до чёрного, исходя от призматического преломления света на белый, голубой (синий), фиолетовый, зелёный, жёлтый, красный и чёрный [3, с. 2; 28]. Однако средневековая практика оказалась несколько иной, исключив часть палитры или несколько скорректировав её для реализации собственного символического смысла. Поэтому литургия не стала исключением, подчинившись цветовой иерархии, по выражению одного из ведущих исследователей символики цвета в средневековье, президента Французского общества геральдики, Мишеля Пастуро, «... как война, турнир, общество, образы, она была повсеместно «геральдизирова-

на» в цвете* [3, с. 25]. Согласно постепенно складывающемуся канону, первыми основными цветами службы выступала следующая триада: белый, красный и чёрный. Кроме них, в ряде литургических манускриптов уже VIII в. встречается обоснование золотого и пурпурного. Так, один из них, датированный 795 г. и хранящийся во Вьенне, резюмирует, что «... золото и пурпур символизируют Царство Небесное, которое открывается красной кровью Христа и великолепием золота в блистающих словах Господа» [4: 12, р. 212].

Знаковым шагом в дифференциации цветовой гаммы литургии стала одна из ранних работ кардинала Джованни Лотарио Конти, будущего папы Иннокентия III, «О святом таинстве алтаря» (*De sacre altaris misterio*)** 1194–1195 гг. [5: 8]. Её 65-я глава посвящена токованию изменения свойств теперь уже четырёх основных цветов мессы в зависимости от дней её отправления (*De quatuor coloribus principalibus, quibus secundum proprietates dierum sunt distinguendae*). В первую очередь указаны признанные Римской Церковью священными белый, красный, чёрный и зелёный (*albus, rubeus, niger et viridis*) цвета. Но признаваем и фиолетовый, как цвет одежд священства: виссона, пурпура, гиацинтового и червлёного*** окраса, поскольку Священное Писание прямо предписывает «Вот одежды, которые должны они сделать: наперсник, ефод (спускающееся наплечие из двух полотнищ ткани – С. П.), верхняя риза, хитон стяжной, кидар (головной убор из намотанной полосы белого виссона – С. П.) и пояс. Пусть сделают священные одежды Аарону, брату твоему, и сынам его, чтобы он был священником Мне. Пусть они возьмут золота, голубой и пурпуровой и червлёной шерсти и виссона, и сделают ефод из зо-

лота, из голубой, пурпуровой и червлёной шерсти, и из крученого виссона, искусною работою» [Исх., 28: 4–6]. Пурпур традиционно означает царский цвет, в данном случае символизирующий величие священства, которое должно, согласно св. Ефрему, «шестьствовать царским, средним путем, не уклоняясь ни вправо, ни влево» [6: 39; 40:6]; виссон – добрую славу, голубой – чистоту совести, червлёный же – очищающий грехи и воспламеняющий веру огонь.

Далее рассуждения будущего понтифика сосредотачиваются на библейских характеристиках основных цветов литургии с определением их целеполагания и семантического смысла, как в календаре, так и в процедуре мессы. Главное место занимают белый и красный, как в отдельности, так и в сочетании друг с другом, поскольку «белыми одежды облачаются для праздничной службы в честь исповедников и дев, в красные – в честь апостолов и мучеников ...» [7: 8, col. 799], со ссылкой на ветхозаветную традицию («возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других» [Песн. 5:10]) и новозаветные сюжеты.

По поводу последних указывается, в частности, пример почитания апостолов Петра, Павла и Иоанна: «Хотя те же апостолы Пётр и Павел – мученики, красный можно использовать, но предпочтительнее в их честь взять ещё и белый. То же касается почитания Св. Иоанна, когда белый нужно сочетать с красным [8: 8, col. 801]. «Пусть на (день – С. П.) мученичества Петра и Павла используются красные (одежды – С. П.), а на (дни – С. П.) обращения (св. Павла – С. П.) и кафедры (св. Петра) – белые». Далее дифференцируются празднества, посвящённые Иоанну Крестителю: «... на Рождество Иоанна принято одевать белое, на Усекновение (головы – С. П.) нужно одевать красное»**** [9: 8, col. 801].

* Кроме названной статьи, перу М. Пастуро принадлежит целая серия исследований природы цвета и его места в культуре средневековья. См. основные из них: [18, 17, 32, 16, 16, 15, 21, 24, 33, 26, 27, 30, 34, 31, 13, 29, 19].

** Следует отметить перевод А.А. Ткаченко, выполненный им в качестве приложения к статье [39].

*** В оригинале – *cozzum*, т.е. *dactylorhizus cozzus*, во французской традиции – кошениль, пигмент которого даёт глубокий красный цвет.

**** На вопрос о почитании прочих святых кардинал Лотарио отвечает в традиционно иерархическом понимании темы: «Когда празднуется торжество в честь того, кто и мученик, и девственник в равной степени, мученичество ставится выше девства, поскольку является знаком более совершенной любви» [7, col. 801] со ссылкой на Евангелие от Иоанна: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 14)».

Внешним выражением этой гармонии являются цветы, украшающие алтарь: «э-тому способствуют розы и лилии напротив друг друга»* [10: 8, col. 800], поскольку, как уже неоднократно упоминалось, «в белые одеваются (в дни – С. П.) исповедников и мучеников, в «румяные»** – мучеников и апостолов. Те и другие – цветы роз и лилии долин»***. Однако «... никак не относятся розы к мученикам, шафран (crocus) – к исповедникам, а лилии – к девам» [11: 8, col. 802].

Чёрный же идентифицируется со скорбью и воздержанием, с греховной и смертной природой человека. При этом он тоже может сочетаться или заменяться фиолетовым.

Что касается более подробных толкований автором основных цветов литургии со ссылками на библейские аналоги, то, во избежание повторов, их можно представить в виде следующей таблицы:

Синописис хроматической семантики литургии в толковании Дж. Лотарио и текста Священного Писания

Цвет	Толкование Дж. Лотарио	Ссылки на Священное Писание
Белый	«Белый, одеваемый в дни исповедников и дев, означает неприкосновенность и невинность»	«Ибо они девственники, это те, которые следуют за Агнцем, куда бы он не пошёл» (Откр. 14:4)
	«Поэтому белое ... должно одеваться ... в дни празднеств ангелов, о сиянии которых говорит Господь Люциферу»	«... при общем ликовании утренних звёзд, когда все сыны Божии восклицали от радости» (Иов. 38:7).
	«... в честь Рождества Спасителя и Иоанна Предтечи, ибо они родились чистыми, без первородного греха»**** [12: 8, col. 800]	«Вот, Господь воссядет на облаке лёгком и грядёт ...» (Ис. 19:1). «Ангел сказал Ей (Деве Марии – С. П.) в ответ: Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (Лук. 1:35)
	«На Богоявление из-за сияния звезды, что вела волхвов... »	«И придут народы к свету твоему, и цари – к восходящему над тобою сиянию» (Ис. 60:3)
	«На Сретение (по причине – С. П.) чистоты Девы Марии, коя, согласно молитве Симеона ...»	«Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля» (Лк. 2; 29–32)

* О расположении цветочных композиций для отправления литургии см. статью Франсуа Кассенжена-Треведю «Украшение: жест Богу, жест человеку. Когда цветы находятся в церкви: праздник брэнного» [3].

** В оригинале – rubicundus.

*** Образ «Песни Песней»: «Я нарцисс Саронский, лилия долин!», «Голос возлюбленного моего! вот, он идет, скачет по горам, прыгает по холмам» (Песн. 2:1, 8).

**** Зачатие Иоанна Крестителя признаётся изначально греховным, но освящённым в утробе со ссылкой на Слово Господне Иереми: «... прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятит тебя: пророком для народов поставил тебя» (Иер. 1:5) и предсказания ангела Захарии: «... и Духа Святого исполнится (Иоанн. – С. П.) ещё от чрева матери своей» (Лук. 1:15).

Цвет	Толкование Дж. Лотарио	Ссылки на Священное Писание
	«В Великий Четверг из-за приготовления миро, которое освящается для очищения души»	«Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умыть мои ноги? Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после. Пётр говорит Ему: не умоешь ног моих вовек. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною. Симон Пётр говорит Ему: Господи! не только ноги мои, но и руки и голову. Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты ...» (Ин. 6–10)
	«На Воскресение из-за ангела, свидетеля и провозвестника воскрешения (Иисуса Христа – С. П.)» [13: 8, col. 801]	«И войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облечённого в белую одежду, и ужаснулись» (Марк. 16:5). «...Ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступил, отвалил камень от двери гроба и сидел на нём, вид его был, как молния, и одежда его была бела, как снег» (Матф. 28: 2–3). «... Глава Его (Христа – С. П.) и волосы белы, как белая волна, как снег ...» (Откр. 1: 14)
	«На Вознесение из-за белого облака, на коем вознёсся Христос»	«И когда они (апостолы – С. П.) смотрели на Него (Христа – С. П.), во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо ...» (Деян. 1:10–11.)
	«... на праздник Креста используется белое, поскольку это не праздник Страстей, а Обретения или Воздвижения» [14: 8, col. 801]	
	«...и при посвящении епископа такие же облачения ..., а посвящающими и служителями (ведь посвящаемым всегда используются белые) — те, которые соответствуют дню; но при освящении церкви всегда должны использоваться белые (одежды), сколько бы дней оно ни праздновалось. [...]. Ведь и Церковь именем девы нарицается ...» [15: 8, col. 800]	«Ибо я ревную о вас ревностью Божиею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» (1 Кор. 11:2). «Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе! Со мною с Ливана невеста! Со мною иди с Ливана!» (Песн. 4:7–8)
Красный	«Красный одевается в дни праздников апостолов и мучеников, прочих святых мучеников из-за крови, пролитой ими за Христа»	«И, начав речь, один из старцев спросил меня: сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли? Я сказал ему: ты знаешь, господин. И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца» (Откр. 7:13–14)

Цвет	Толкование Дж. Лотарио	Ссылки на Священное Писание
	«... на праздник Креста, на котором за нас пролил Свою Кровь Христос ...»	«Кто это идет от Едома, в червлёных ризах от Восора, столь величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей? «Я – изрекающий правду, сильный, чтобы спасти». Отчего же одеяние Твое красно, и ризы у Тебя, как у топтавшего в точиле? «Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною; и Я топтал их во гневе Моём и попираю их в ярости Моей; кровь их брызгала на ризы Мои, и Я запятнал все одеяние Своё; ибо день мщения – в сердце Моём, и год Моих искупленных настал» (Ис. 63:1–4)
	«На Троицу, в знак Святого Духа, сошедшего на апостолов в виде языков пламени»	«Когда же начал я (Пётр – С. П.) говорить, сошёл на них Дух Святой, как и на нас вначале. Тогда вспомнил я слово Господа, как он говорил «Иоанн Крестил водою, а вы будете крещены Духом Святым»» (Деян. 11:15–17). «Свыше послал Он огонь в кости мои, и он овладел ими; раскинул сеть для ног моих, опрокинул меня, сделал меня бедным и томящимся всякий день» (Плач. 1:13)
	«... на поминовение Всех Святых» [16: 8, col. 801]	«После сего взглянул я, и вот великое множество людей, которого никто не мог перечесать, из всех племён и колен, и народов и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих» (Откр. 7:9)
Чёрный	«Чёрные одеяния должны использоваться в дни скорби и поста из-за грехов и (в поминовение – С. П.) умерших. От Рождественского поста ... вплоть до Рождественских бдений и от Семидесятицы до Пасхальной субботы»	«Дщери Иерусалимские! черна я, но красива, как шатры рыцарские, как завесы Соломоновы. Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня» (Песн. 1:4–5)
	«На праздник невинных младенцев ...»* [17: 8, col. 802]	«Так говорит Господь: голос слышен в Риме, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет» (Иер. 31:15)

* Далее указывается: «... другие настаивают, что следует использоваться красные облачения [...] по причине мученичества (невинно убиенных – С. П.)». – [7, col.802] со ссылкой на «Откровение Иоанна Богослова»: «я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святой и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» (Откр. 6:9–10). Следует добавить, что следующий стих предписывает мученикам белые одеяния: «И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились ещё на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» (Откр. 6:11), что только завершает хроматический кругооборот.

Кроме основных, допустимо применять дополнительные цвета – фиолетовый и зелёный. Фиолетовые одеяния следует использовать «... на «Веселися, Иерусалиме»*, а из-за радости (праздника Входа Господня в Иерусалим, т. е. Вербного Воскресенья – С. П.) ... римский понтифик одевает митру с покрывалом, из-за воздержания (Великого поста – С. П.) – чёрные, но правильнее – фиолетовые одеяния» [18: 8, col. 802]. Что касается зелёного, то трактат признаёт его как упоминаемые выше т. н. средний, или смешанный, цвет. Его следует применять в будние и общие поминальные дни, поскольку он переменчив и «...является средним между белым, чёрным и красным» [19: 8,

col. 802], – ведь, по мнению кардинала, в ветхозаветных описаниях «киперы с нардами, нард и шафран, аир и корица» [20: 8, col. 802] речь идёт именно о зелёном. Посему он является производным от всех указанных оттенков жёлтого**, вплоть до коричневого. В результате формируется чёткая диахромная иерархия средних цветов, восходящих к основным. Она завялена как «От красного цвета – алый (soccineus), от чёрного – фиолетовый (violaceus), от зелёного – жёлтый (croceus)» [21: 8, col. 802] и резюмирует хроматическое решение литургии в понимании того, кто в будущем станет одним из самых выдающихся понтификов за всю историю Святого Престола.

Литература

1. Boers A.P. *The Rhythm of God's Grace: Uncovering Morning and Evening Hours of Prayer*. – Nashua, 2003.
2. Bonne J.-Cl. *Rituel et de la couleur. Fonctionnement et usage des images dans le Sacramentaire de Saint-Étienne de Limoges // Images et significations. Rencontres de l'École du Louvre*. – Paris, 1983.
3. Cassingena-Trévedy F. *La décoration: geste de Dieu, geste de l'homme. Lorsque les fleurs vont à l'église: célébration de la caducité // La Maison-Dieu: Revue de Pastorale Liturgique*. – 2012. – Vol. 272. Noble beauté de la liturgie.
4. Cassingena-Trévedy F. *La décoration: geste de Dieu, geste de l'homme. Lorsque les fleurs vont à l'église: célébration de la caducité // La Maison-Dieu: Revue de Pastorale Liturgique*. – 2012. – Vol. 272. Noble beauté de la liturgie.
5. Devisch R., Perrot Ch., Voyé L., Chauvet L.-M. *Le Rite, Source Et Ressources*. – Bruxelles, 1995.
6. Gage J. *Color and Culture: Practice and Meaning from Antiquity to Abstraction*. – London, 1999.
7. Hameline J.-Y., père. *Couleur et couleurs dans le site cérémoniel // Chroniques d'art sacré*. – Automne 2004.
8. Innocentius III, papa. *De sacro altaris mysterio // PL / Acc. J.-P. Migne*. – T. 217. – Paris, 1855. Col. 774 – 916.
9. Isambert F. *Eléments d'anthropologie, et de musicologie du culte chrétien // Recherches de Sciences religieuses*. – 1990. – №78.
10. Koziol G. *Begging Pardon and Favor: Ritual and Political Order in Early Medieval France*. – New York, 1992.
11. Legg J. W. *Notes on History of Liturgical Colors*. – London, 1882.
12. Palazzo É. *Le Moyen Âge: des origines au XIIIe siècle*. – Paris, 1993.
13. Pastoureau M. *Bleu. Histoire d'une couleur*. – Paris, 2002 (В русском переводе: Пастуро М. Синий. История цвета. Фрагменты книги / Пер. с фр. Н. Кулиш // Иностранная литература. – 2010. – №4).
14. Pastoureau M. *Couleurs, images, symboles: études d'histoire et d'anthropologique*. – Paris, 1989.
15. Pastoureau M. *Dictionnaire des couleurs de notre temps*. – Paris, 1992.
16. Pastoureau M. *Du bleu et du noir: éthiques et pratiques de la couleur à la fin du Moyen Âge // Médiévales*. – 1988. – Vol. 7. – №14.
17. Pastoureau M. *Figures et couleurs: études sur la symbolique et la sensibilité médiévales*. – Paris, 1986.
18. Pastoureau M. *Formes et couleurs du désordre: le jaune avec le vert // Médiévales*. – 1983. – Vol. 2. – №4.

* «Веселися Иерусалиме, торжествуйте любящий Сиона: царствуй бо во веки Господь сил прииде, да благоговеет вся земля от лица Его, и да вопиет: благословите вся дела Господня Господа.» (Канон Входу Господню в Иерусалим. 8:1).

** Рассадники твои – сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами, нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами (Песн. 4: 13–14).

19. Pastoureaux M. Introduction. Pour une histoire des emblèmes et des couleurs // *Signes et couleurs des identités politiques du Moyen Âge à nos jours* / Éd. de Turrel D., Aurell M., Manigand Ch., Grévy J., Hablot L., Girbea C. – Rennes, 2008.
20. Pastoureaux M. Jésus chez le teinturier: couleurs et teintures dans l'Occident médiéval. – Paris, 1998.
21. Pastoureaux M. Jésus teinturier. Histoire symbolique et sociale d'un métier réprouvé // *Médiévales*. – 1995. – Vol. 14. – №29.
22. Pastoureaux M. L'Eglise et la couleur, des origines à la Réforme // *Bibliothèque de l'Ecole des chartes*. – 1989. – Vol. 147. – №1.
23. Pastoureaux M. L'étoffe du diable: une histoire des rayures et des tissus rayés. – Paris, 1991 (В русском переводе: Пастуро М. Дьявольская материя, или История полосок и полосатых тканей / Пер. с фр. О. Зубакиной, 2008).
24. Pastoureaux M. La promotion de la couleur bleue au XIIIe siècle: le témoignage de l'héraldique et de l'emblématique // *Il colore nel medioevo, arte, simbolo, tecnica, atti delle giornate di studi* (Lucca, 5-6 maggio 1995). – Lucca, 1996.
25. Pastoureaux M. Le temps mis en couleurs: des couleurs liturgiques aux modes vestimentaires (XIIe-XIIIe siècles) // *Bibliothèque de l'Ecole des Chartes*. – 1999. – Vol. 157. – №157 (1).
26. Pastoureaux M. Les couleurs du stade // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. – 1990. – Vol. 26. – № 26.
27. Pastoureaux M. Les emblèmes de la France. – Paris, 1998.
28. Pastoureaux M. Ordo Colorum: Notes sur la naissance des couleurs liturgiques // *La Maison-Dieu: Revue de Pastorale Liturgique*. 1988. – Vol. 176. Quand la liturgie donne à voir.
29. Pastoureaux M. The Color of Our Memories. – Paris, 2012.
30. Pastoureaux M. Une couleur en mutation: le vert à la fin du Moyen Âge // *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. – 2007. – Vol.151. – №2.
31. Pastoureaux M. Une histoire symbolique du Moyen Âge occidental, Seuil, La librairie du XXIe siècle. – Paris, 2004 (В русском переводе: Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / Пер. с фр. Е. Решетниковой. – СПб., 2012).
32. Pastoureaux M. Vers une histoire de la couleur bleue, préface au catalogue de l'exposition *Sublime indigo*, Marseille, 1987.
33. Pastoureaux M., Perrot F. La couleur et le vitrail // *Cahiers de civilisation médiévale*. – 1996. – Vol. 39. – №155..
34. Pastoureaux M., Simonnet D. Le petit livre des couleurs. – Points, 2007.
35. *Présence et rôle de la Bible dans la liturgie* / Éd. de Klöckener M., Bürki B., Join-Lambert A. – Saint-Paul, 2006.
36. Reimer J. A. *The Dogmatic Imagination: The Dynamics of Christian Belief*. – Waterloo, 2003.
37. *Traité d'anthropologie du sacré: 2 vol.* – Vol.1. Les origines et le problème de «homo religiosus» / Éd. de J. Ries. – Paris, 1992.
38. Woolfenden G. W. *Daily Liturgical Prayer: Origins and Theology*. – Burlington, 2004.
39. Свод богоглаголивых речений и учений Богоносных и Святых Отцов, от всякого Писания богодухновенного собранный, подобающим же образом и удобно изложенный Павлом, преподобнейшим монахом и создателем обители Пресвятой Богородицы Евергетиды, прозванным Евергетинном (Евергетин). – М., 2008. – Т. 1.
40. Ткаченко А.А. Эмблематика литургических цветов в трактате Дж. Лотарио (папы Иннокентия III) «О святом таинстве алтаря» // *SIGNUM*. – 2005. – №3.

УДК 947 (470)

А. Н. Птицын**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЧЕШСКИХ КОЛОНИЯХ
НА КАВКАЗЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД**

В статье рассматриваются социальные и демографические аспекты истории чешских поселений на Черноморском побережье Кавказа в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: чехи, Кавказ, колонизация, колонисты, переселенцы.

A. N. Ptitsyn**SOCIAL AND DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE CZECH COLONIES
IN THE CAUCASUS IN THE PRE-REVOLUTION PERIOD**

The article discusses social and demographic history of the Czech colonies on the Black Sea coast of the Caucasus in the late XIX – early XX centuries.

Key words: the Czechs, the Caucasus, colonization, colonists, immigrants.

Во второй половине XIX – начале XX века Кавказ активно осваивался иностранными переселенцами. Доля иностранных подданных в общем составе жителей здесь была самой высокой, по сравнению с другими регионами России. Бурно развивавшийся Кавказский регион испытывал большую потребность в рабочих руках и квалифицированных специалистах. На рубеже 1860–1870-х гг. на этнической карте Кавказа было отмечено появление представителей нового народа – чехов.

Переселение чехов на Кавказ было частью мощного миграционного потока, направленного во второй половине XIX – начале XX века из Богемии и Моравии в Российскую империю. Массовая эмиграция чехов была вызвана главным образом социально-экономическими причинами. Россия давала эмигрантам из перенаселенных чешских земель широкие возможности для трудоустройства, приобретения земли, создания различных предприятий, повышения своего жизненного уровня. В нашей стране чешские переселенцы неизменно встречали благожелательный прием. Важную роль играла и политика российского правительства, специально ориентирован-

ная на привлечение в страну иностранных колонистов и специалистов.

В 1860-е гг. началась колонизация обширного Черноморского побережья Кавказа, откуда по военно-стратегическим соображениям было выселено местное адыгское население. Согласно принятому в 1866 г. закону «О заселении Черноморского округа и управлении оным», разрешалось свободное переселение на побережье «лиц всех сословий и национальностей», в том числе иностранцев. При этом поселенцы бесплатно получали земельные наделы (до 30 десятин на семью), на первое время им предоставлялись денежные пособия и продовольствие, на 15 лет они освобождались от налогов. Эти условия выглядели достаточно привлекательными. На побережье появились села армян и греков, переселившихся из Турции, колонии немцев, чехов и эстонцев [7, с. 12–13].

Информация об условиях переселения на Кавказ распространялась в чешских землях частными переселенческими компаниями, которые за комиссионные помогали эмигрантам перебраться на новое место жительства. Маршрут следования чешских колонистов на Кавказ был таким:

по железной дороге через Вену и Будапешт они добирались до венгерского порта Базиаш на Дунае, а дальнейший путь проделывали на пароходах по Дунаю и Черному морю, с пересадками в Галаце и Одессе. Среди чешских переселенцев преобладал «беднейший класс»: безземельные и малоземельные крестьяне, сельскохозяйственные рабочие, ремесленники из перенаселенных аграрных районов Богемии [10, с. 63]. В пути переселенцы зачастую терпели различные лишения. Так, чешские колонисты, которых Российской империей пароходства и торговли перевозило в конце 1860-х гг. из Одессы в Новороссийск, нуждались до такой степени, что руководство этого общества было вынуждено организовать для них бесплатные обеды [3].

В организации чешского переселения на Кавказ важную роль сыграл чех Фёдор Гейдук, находившийся на российской службе, и с 1867 г. занимавший должность агронома Черноморского округа. Он играл роль своеобразного посредника при приглашении колонистов и помогал вновь прибывшим обустроиться на новом месте. Ф. Гейдук получил за свою службу 300 десятин земли в Цемесской долине под Новороссийском, где организовал образцовое хозяйство, ставшее опытным полигоном по внедрению передовых сельскохозяйственных технологий. Позднее на месте его имения возник посёлок Гайдук, первоначально населённый чехами, теперь это пригород Новороссийска [7, с. 266–270].

Первая группа чешских колонистов (30 семей) прибыла в Черноморский округ в сентябре 1868 г. и была поселена на реке Джубге. В 1873 г. в этом посёлке насчитывалось 113 жителей (54 мужчины и 59 женщин) [1, с. 127; 4, с. 176]. В 1869–1870 гг. отмечался наибольший прилив переселенцев, в эти годы возникло около десятка чешских колоний. В октябре 1870 г., по данным Ф. Гейдука, на Черноморском побережье проживало уже около 150 чешских семей (примерно 700 человек) [2, с. 15].

В горных районах к северу и западу от Новороссийска в 1869–1870 гг. возникли

4 чешских поселения: Кирилловка, Мефодиевка, Владимировка и Глебовка. В 1873 г. численность жителей там составляла: в Кирилловке – 181 человек (86 мужчин и 95 женщин), в Мефодиевке – 91 (47 и 44), во Владимировке – 108 (56 и 52) и в Глебовке – 132 (67 и 65). Возле Анапы в 1870 г. возникли чешские колонии Варваровка и Павловка. По данным 1873 г., в Варваровке было 165 жителей (76 мужчин и 89 женщин), в Павловке – 94 (52 мужчины и 42 женщины). Ещё одна группа чехов была поселена в горном районе в 25 км от Туапсе, на реке Псынахо. Там чехи основали пять хуторов, которые с 1872 г. получили общее название – Чешские Георгиевские хутора, там в то время проживало 113 жителей. Примерно на полпути между Туапсе и Геленджиком возникли колонии Текос и Тешевс. Первую из них основали в 1869 г. 15 чешских и польских семей, переселившихся из Австрии. Наконец, в 1880 г., вдали от побережья, в Майкопском отделе, выходцами из первых чешских колоний был основан хутор Мамацев. Отдельные чешские семьи селились также в русских селах [1, с. 127; 7, с. 32–35].

Большая часть чешских колоний была названа в честь святых, одинаково почитаемых как католиками, так и православными (Мефодиевка, Кирилловка, Владимировка и т.д.). Некоторые посёлки (Текос, Тешевс) сохранили прежние, адыгские названия. В 1902 г. Чешские Георгиевские хутора были переименованы в село Анастасиевку – в честь одной из дочерей императора Николая II. По тогдашнему административному делению, большая часть чешских колоний находилась в Черноморском округе (с 1896 г. – Черноморская губерния). К Кубанской области относились чешские колонии Варваровка, Павловка и хутора Мамацев.

Чешское переселение на черноморское побережье Кавказа, в меньших масштабах, продолжалось на протяжении 1870–1890-х гг. При этом часть переселенцев прибывала на Кавказ не непосредственно с родины, а из других российских регионов, главным образом из Крыма, где

чехи поселились еще в первой половине 1860-х гг. В 1897 г. был издан закон о том, что дальнейшая колонизация Черноморского побережья должна вестись исключительно русскими, в связи, с чем иммиграция чехов-колонистов туда прекратилась [7, с. 20; 10, с. 56].

В первое время чехи-колонисты, поселившиеся на Кавказе, переживали значительные трудности. Они страдали от непривычного климата и, особенно, от распространенной на побережье малярии. Много сил потребовало строительство домов и хозяйственных построек, раскорчевка леса и возделывание целины, устройство пашен, огородов, садов и виноградников, обзаведение скотом и т.д. В памяти колонистов первые годы сохранились как время, наполненное трудностями и лишениями. Однако со временем благодаря своему трудолюбию и упорству они смогли прочно освоиться на новом месте, наладить эффективное хозяйство и достичь неплохого материального уровня. О трудолюбии и успехах чехов говорит тот факт, что доля разработанных и введенных в сельскохозяйственный оборот земель в чешских колониях была в два раза выше, чем в остальных селениях Черноморской губернии. В начале XX века, в связи с ростом населения и нехваткой собственных земель, чешские колонисты стали арендовать земли частных владельцев, расположенные на побережье и ранее пустовавшие [8].

Чешские колонисты принесли на черноморское побережье Кавказа передовые земледельческие технологии и интенсивные методы хозяйствования, которые заимствовались затем местным населением. В чешских колониях, в отличие от российской деревни, была слабее выражена имущественная дифференциация. Уровень жизни чешских колонистов был, в среднем, выше, чем в соседних селах. В глазах местного населения чехи приобрели репутацию «крепких», зажиточных хозяев, в этом отношении их сравнивали с немецкими колонистами. Чешский этнограф Ян Ауэрган, объехавший накануне Первой мировой войны районы чешской колонизации в России, от-

мечал, что чешские села на Кавказе находились в лучшем состоянии, чем соседние русские и греческие селения, превосходя их в экономическом и культурном отношении. Но в то же время, чешским селениям на Волыни по уровню развития и благоустройства они уступали [10, с. 56].

Успешная адаптация колонистов к новым условиям жизни и хозяйственный прогресс, достигнутый ими, привели к значительному росту населения чешских колоний. Если в первое время численность чехов росла за счет новых переселенцев, то по мере адаптации все более заметным становится естественный прирост. Чешские колонисты, как и другие сельские жители России в то время, как правило, имели многодетные семьи, что вело к расширенному воспроизводству населения. В 1897 г., по данным Первой всеобщей переписи населения, в Черноморской губернии проживало 1290 чехов (678 мужчин и 612 женщин), а в Кубанской области – 1213 чехов (673 мужчины и 540 женщин). Сельские жители среди черноморских чехов составляли 85 %, среди кубанских чехов – 86 %. В Черноморской губернии доля чехов была самой высокой среди всех областей Российской империи – 2 % от всего населения [5, с. 61; 6, с. 30].

В компактных чешских поселениях проживало подавляющее большинство чехов Черноморской губернии и чуть больше половины кубанских чехов. По данным на 1899 г., во Владимировке проживало 111 чехов (50 мужчин и 61 женщина) и еще 30 русских, в Глебовке – 144 чеха (82 мужчины и 62 женщины) и 8 русских, в Кирилловке – 256 чехов (141 мужчина и 115 женщин), в Мефодиевке – 151 чех (86 мужчин и 65 женщин) и 473 русских, в Георгиевских хуторах (Анастасиевке) – 112 чехов (55 мужчин и 57 женщин) и 16 русских, в Тешебсе – 81 чех (45 мужчин и 36 женщин), в Текосе – 40 чехов (20 мужчин и 20 женщин) и еще 56 поляков и 8 русских. Кроме того, чехи жили в русско-греческом селе Азербиевка (около 30 человек), в русском селе Борисовка (15 человек) и станице Вельяминовской (10 человек) [9, с. 86–89].

Как видно из этих данных, чисто чешский характер к концу XIX в. сохранили удаленные, располагавшиеся в горах колонии (Кирилловка, Глебовка, Тешевс, Чешские Георгиевские хутора, будущая Анастасиевка). В большинстве же чешских селений проживали русские переселенцы, главным образом иногородние крестьяне. В селении Мефодиевка, бывшем пригородом Новороссийска, они уже составляли большинство, их приток был связан со строительством железной дороги. Смешанный характер имело население колонии Текос, где жило примерно поровну чехов и поляков, но доминирующим был чешский язык, и само селение считалось чешским [7, с. 32].

В Темрюкском отделе Кубанской области, где находились чешские колонии Варваровка и Павловка, по данным переписи 1897 г., проживало 517 чехов (280 мужчин и 237 женщин). В Майкопском отделе, где находился чешский хутор Мамацев, тогда проживало 180 чехов (91 мужчина и 88 женщин) [5, с. 61].

К 1910 г. численность чехов в Черноморской губернии достигла 2 тысячи человек, увеличившись с 1897 г. наполовину. В отдельных населенных пунктах чешское население в 1910 г. составляло: в Кирилловке – 358 человек, в Глебовке – 217, в Мефодиевке – около 200, во Владимировке – 211, в Тешевсе – 108, в Текосе – 116, в Азербиевке – около 100, в Анастасиевке (Георгиевских хуторах) – около 200. В чешских селах Кубанской области в то время проживало: в Варваровке – 350 человек и в Павловке – 161 человек [7, с. 35–36].

В дореволюционной России каждый человек был приписан к определенному сословию. Кавказские чехи, имевшие российское подданство, в подавляющем большинстве были крестьянами. Из 1 213 чехов, проживавших в 1897 г. на Кубани, 443 человека были австрийскими подданными и 770 – российскими. В числе последних 623 человека принадлежали к числу крестьян, 94 – мещан, 16 – дворян (14 из них – женщины,

очевидно жены и дочери российских офицеров и чиновников), 5 – купцов, 4 – казаков, 19 – прочих [5, с. 238–239]. Сословная принадлежность черноморских чехов, по данным первой всероссийской переписи, была следующей: из 1290 человек 992 были крестьянами, 73 – мещанами, 3 – дворянами (все женщины), 2 – купцами, 5 – прочими, а 219 человек являлись иностранными подданными [6, с. 104–105].

Среди чешских переселенцев Кавказа было заметно некоторое преобладание мужчин, что объясняется их большей мобильностью. По данным переписи 1897 г. мужчины среди кубанских чехов составляли 55 %, среди черноморских чехов – 53 %. Чехи в то время полностью придерживались традиционных семейных ценностей. Так, среди живших на Кубани чехов и чешек старше 20 лет в браке состояло 79 %, еще 7 % были вдовами и вдовцами, а холостые и незамужние составляли всего 14 %, разведенным же был лишь один мужчина [5, с. 122]. В дореволюционный период кавказские чехи предпочитали заключать браки в своей среде, межнациональные браки являлись исключением. Нормой они стали только в советский период. Чешские семьи, как и семьи других жителей дореволюционной России, были, как правило, многодетными, показатели рождаемости у них были высокими. В 1897 г. ровно половина кубанских чехов имела возраст младше 20 лет [5, с. 86–89].

В качестве самостоятельных хозяев выступала треть чехов Кубани и четверть чехов Черноморской губернии, остальные считались членами семей. Как самостоятельные хозяева выступали, в соответствии с традициями того времени, мужчины. Так, на Кубани среди мужчин самостоятельных хозяев было ровно половина, а среди женщин – всего 6 %. Основным хозяйственным занятием чехов Кубанской области и Черноморской губернии являлось сельское хозяйство, в котором было занято соответственно 59 % и 55 % самостоятельных

хозяев. Ведущие позиции занимало земледелие, а вспомогательными занятиями были скотоводство, огородничество, виноградарство, возделывание табака и др. В промышленном и ремесленном производстве было занято 20 % кубанских и 26 % черноморских чехов. Здесь главными отраслями являлись металлообработка, пивоварение, изготовление изделий из дерева, изготовление одежды, производство продуктов питания. В торговле было занято 5 % чехов на Кубани и 2 % – в Черноморской губернии. Служили у частных лиц в качестве прислуги, поденщиков, управляющих 6 % кубанских и 11 % черноморских чехов [5, с. 142–143; 6, с. 78].

За первые 40 лет, прошедших после основания чешских колоний (1870–1910 гг.), их население возросло с примерно 900 до примерно 2000 человек, или в 2,2 раза. Эти цифры ярко свидетельствуют об успешной адаптации чешских колонистов на Кавказе и об успешном социально-экономическом развитии чешских колоний. Также ярким свидетельством успешной адаптации чешских колонистов на Кавказе стало массовое принятие ими российского подданства. К 1897 г. иностранное подданство сохраняли в Черноморской губернии всего 17 %, в Кубанской области – 37 % чехов [5, с. 239; 6, с. 105].

Большинство чехов-переселенцев сохраняло верность католической церкви, но часть, сблизившись с русским народом, приняла православие. По данным переписи 1897 г., в Черноморской губернии католики составляли среди чехов 90 %, а православные – 10 %. Среди чехов Кубанской области католики составляли 64 %, а православные

– 36 % [5, с. 64–65; 6, с. 32–33]. При этом в своих компактных поселениях чехи гораздо лучше сохраняли свою религиозную идентичность, чем и объясняется высокая доля католиков в Черноморской губернии.

Перепись 1897 г. показала, что чехи обладали высоким, по сравнению с другими этническими группами региона, уровнем грамотности. Для всего населения Кубани он составлял 17 %, в то время как у кубанских чехов – 42 %. При этом у чешского населения Кубани старше 10 лет грамотность достигала уже 58 % (из них 29 % умели читать и писать по-русски, 26 % – по-чешски и по-немецки, а 3 % имели среднее и высшее образование, что немало для крестьянского, в своем большинстве, населения) [5, с. 88–89].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX столетия на Северном Кавказе сформировалась значительная чешская диаспора. Переселенцы смогли достаточно быстро адаптироваться к новым условиям. Благодаря этому за первые 40 лет существования чешских колоний на Кавказе численность их жителей выросла в два с лишним раза. По своим демографическим характеристикам развитие чешских колоний на Кавказе, в целом, соответствовало общим демографическим тенденциям региона. В то же время, от сельского населения соседних населенных пунктов жители чешских колоний отличались более высоким уровнем грамотности и благосостояния, а также своей религиозной принадлежностью (большинство чехов сохранили верность католичеству). Чехи внесли свой вклад в социально-экономическое и культурное развитие региона, до сих пор на Кавказе продолжают жить их потомки.

Литература

1. Верещагин А.В. Путевые заметки по Черноморскому округу. – М., 1874.
2. Гейдук Ф. О значении для России развития сельскохозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря // Русский вестник. – 1871. – № 3.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 353. Л. 1.
4. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40-80-е гг. XIX в. – М., 1975.

5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. LXV. Кубанская область. – СПб., 1905.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. LXX. Черноморская губерния. – СПб., 1901. Тетрадь 3.
7. Пукиш В.С. Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868 – 2010. – Ростов-на-Дону, 2010.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 4. Д. 522. Л. 57.
9. Справочная книга Черноморской губернии на 1899 год. – Новороссийск, 1899.
10. Auerhan J. Ceske osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze. – Praha, 1920.

УДК 94(470.61).084.3

Н. В. Пуховский

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ И ОРГАНИЗАЦИОННО-СТРУКТУРНОМ СТАНОВЛЕНИИ ДОН ЧК В 1920–1921 гг.

В статье рассматривается формирование Дон ЧК в период становления советской государственности на Дону в 1920–1921 гг. Создание Дон ЧК было сопряжено с присутствием в городе и его окрестностях преступных банд, анархистов, интервентов, белоказаков, мошенников, спекулянтов и т.д. Недостаток кадров

с высокими квалификационными навыками, отсутствие прочных агентурных связей не смогли повлиять на высокую результативность донских чекистов в борьбе с повстанческим движением.

Ключевые слова: ВЧК, Дон ЧК, Коллегия Дон ЧК, органы госбезопасности, Председатель Дон ЧК, Ревком, Донисполком.

N. V. Pukhovsy

THE QUESTION OF CREATION AND ORGANIZATIONAL-STRUCTURAL FORMATION OF DON CHEKA IN 1920-1921

The article examines the process of creation of the Don Cheka during the period of establishing the Soviet statehood in the Don region in 1920-1921. The Don Cheka was organized under conditions of the activities of some criminal bands, interveners, white-cossaks, anarchists, swindlers and speculators in the city and its outskirts. However, the shortage of highly profession-

al cadre, the lack of any undercover agents did not affect the effectiveness of the Don Cheka's fight with the resistance moment in the region.

Key words: VCheka, Don Cheka (Don Extraordinary Committee), The Board of Don Cheka, National Security Services, Head of Don Cheka, Revcom (Revolution Committee), Donispolcom (Don Executive Committee).

Формирование советских органов госбезопасности относится к числу сложных, многоаспектных, неоднозначных проблем отечественной историографии, требующих тщательного и взвешенного научного подхода. Долгое время данная научная тематика была лишена серьезного научного анализа,

находясь в плену общественно-политических спекуляций и эмоциональных оценок. Апологетические исследования советских времен, в которых героизировались органы госбезопасности и их сотрудники, сменялись на откровенно противоположные публикации постсоветского периода. В пост-

советский период органы госбезопасности зачастую рассматривались исключительно в качестве карательных структур. В условиях политического и методологического плюрализма проблема формирования органов отечественных спецслужб в центре и на местах нуждается в глубоком, серьезном научном анализе, взвешенных и политкорректных оценочных суждениях с целью объективной реконструкции истории отечественных спецслужб.

Формирование и организационно-структурное становление ВЧК происходило в условиях трудного и противоречивого процесса утверждения советской государственности. Вслед за ВЧК создаются ЧК на местах. Первым органом ВЧК на Дону стал комиссариат по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, созданный исполкомом Совета рабочих депутатов в марте 1918 года. Во главе комиссариата Правительством Донской советской республики был поставлен Турло Станислав Степанович, сын батрака, занимавший прежде должность заместителя председателя горисполкома. Ситуация в Ростове-на-Дону и области в начале 1918 г. «была сложной и практически почти неуправляемой» [1, с. 21]. Город «наводнили анархисты и бандитские элементы», которые занимались «грабежами, убийствами», «поэтому основные усилия первых донских чекистов направлялись на борьбу с этим злом и наведением в городе революционного порядка» [1, с. 21]. Весной 1918 г. интервенты и белоказаки захватили Ростов-на-Дону и почти всю территорию области, поэтому правительство Донской республики самораспустилось, прекратила свою деятельность и Дон ЧК, а ее председатель, С. С. Турло получил новое назначение в другом регионе страны.

10 января 1920 г. Ростов-на-Дону был занят частями Красной Армии, что фактически завершало процесс установления новой Советской власти на Дону. В конце февраля 1920 г. вновь образуется Дон ЧК, во главе которой по предложению Ф. Э. Дзержинского, стал кадровый рабочий Путиловского завода 40-летний Василий Иванович Савинов, который до этого являлся членом и секретарем

коллегии ВЧК в Москве. На Дону продолжалось политическое противостояние. Возникшее в области повстанческое движение стало объектом пристального внимания донских чекистов, учитывая значительное скопление в городах и станицах скрывавшихся офицеров-белогвардейцев и возвращавшихся из плена рядовых казаков. Выполняя указания местных партийно-государственных структур, Дон ЧК, по сути, становится главным и основным органом борьбы с различными антисоветскими организациями, уголовным бандитизмом, акциями саботажа, спекуляцией, мошенничеством и прочими нарушениями общественного порядка.

Донская областная чрезвычайная комиссия приступила к выполнению своих обязанностей в исключительно тяжелых условиях. «Из приехавших 38 человек москвичей-сотрудников в дороге и в Ростове больных тифом потеряли 13 человек, с остальным штатом людей, еще не опытных в чекистской работе пришлось организовать полагающиеся по штату и необходимые для ловли контрреволюционеров отделы» [2, л. 16]. С одной стороны, Москва помогала формировать и комплектовать кадровый состав Дон ЧК, с другой, центр мог телеграфировать, что «предлагается сузить штаты до минимума, выделить максимальное количество работников и экстренно откомандировать таковых в распоряжение товарища Дзержинского» [3, л. 63]. Так, уже 2 мая 1920 года, ввиду полученных из ВЧК предписаний, «о посылке максимального количества чекистов в распоряжение тов. Дзержинского в Харьков» были отправлены наиболее опытные в чекистской работе сотрудники, в частности: «Лисицын; Воронин, Трощенко, Павлов, Афанасенко и машинистка Захарченко» [4, л. 61]. Таким образом, подобного рода распоряжения самым негативным образом сказывались на эффективности работы донских чекистов. Кадровая лабильность органов госбезопасности в период их организационного становления являлась приметой времени.

Необходимым структурным элементом ЧК, ее постоянно действующим и руково-

дящим органом являлась Коллегия. В Коллегию Дон ЧК решением Донисполкома вошли Савинов, Вольмер, Ченцов, Лисин и Козлов, которые выполняли самую ответственную работу [5, л. 23 а]. Так выглядел первоначальный состав Коллегии Дон ЧК, затем ввиду отъезда чекистов-членов Коллегии в распоряжение Дзержинского была осуществлена ротация кадров. Уже 27 мая 1920 года по просьбе Дон ЧК «Донисполком в срочном порядке утвердил» кандидатуры Зявкина и Андриенко в качестве членов Коллегии [6, л. 21; л. 22]. Изменения состава Коллегии Дон ЧК в последующем будут происходить неоднократно.

Несмотря на сложную ситуацию с комплектацией кадрового состава, ЦК РКП (б) настоятельно требовал «с чрезвычайной внимательностью отнестись к подбору личного состава ЧК» [7, л. 6]. ЦК партии предлагал «всем Губернским и Уездным партийным комитетам ... направить на работу во все ЧК...наиболее стойких... товарищей, чтобы заменить коммунистами все ответственные должности в ЧК» [7, л. 6]. Таким образом, советское государство при формировании органов госбезопасности в центре и на местах, руководствуясь партийно-политическими принципами, отдавало предпочтение исключительно коммунистам. Делая ставку на однородный партийно-политический состав чекистов, советская элита создавала структуру, которая была «призвана играть важную роль не только в борьбе с контрреволюцией, но и в реализации большевистской стратегии в целом» [8, с. 26]. Однако подобные кадровые предпочтения не могли быть гарантией успеха. Например, постановлением Ростово-Нахичеванского Ревкома в Дон ЧК вошли особые отделы, созданные ранее при Ревкоме и комендатуре, в результате чего численный состав донских чекистов пополнился, однако среди вновь прибывших не было «людей ответственных, с какой-либо инициативой и опытом» работы [9, л. 16].

Неудивительно, что в региональных спецслужбах обнаружилось много недостатков самого разного характера, кото-

рые стали известны руководству ВЧК. К их числу относились: «несвоевременная явка на работу»; «выпивки, которые разлагают работников, создают впечатление,...что все чекисты алкоголики и что этому учреждению доверять нельзя»; «грубость чекистов, которую они позволяют себе в отношении товарищей и граждан»; «требования о 6-ти часовом рабочем дне»; нежелание выполнять «сверхурочные работы» [10, л. 47]. Более того, у ВЧК существовали серьезные претензии к исполнительской дисциплине региональных структур: «неисполнение приказов ВЧК»; отсутствие «дежурств следователей»; «расконспирирование разведки»; неточность в «исполнении распоряжений»; слабая «связь с Политбюро»; хаотичность ведения дел, которые «не подшиты, не пронумерованы, не зарегистрированы и без описи бумаг»; наличие жалоб «на ЧК, что они не дают никаких справок и все обращения бесполезны» [10, л. 47]. Безусловно, критика действий ЧК в центре и на местах, порой была уместной, но стоит учитывать, что работа чекистов была «тяжелой, неблагоприятной (в личном отношении),... вызывавшая сильное недовольство и отдельных лиц и саботажных учреждений», о чем в свое время Дзержинский сообщал Ксенофонтову [11, л. 3]. Действительно, сотрудники ЧК работали в невероятно сложных условиях на износ, испытывая серьезные физические и психологические перегрузки, поэтому организовать деятельность на должном уровне первоначально было непросто.

В работе донских чекистов существовали и определенные трудности и просчеты. Так, в информационной сводке Дон ЧК сообщалось, что иногда «не только простые, но даже самые серьезные приказы, отданные словесно... комиссарам, следователям и другим ответственным работникам, исполнялись, или не так, как было нужно, или несвоевременно, или, же оставались совсем не исполненными. И всегда в таких случаях следовали отговорки, как например: «Я так понял», «Мне не так было сказано», «Я позабыл» [12, л. 79]. Безусловно, эти недостатки нельзя списать только на непрофессиона-

лизм и недобросовестное отношение к работе, стоит учитывать частую ротацию кадров, отсутствие четких профессиональных компетенций, организационно-структурную и техническую неустроенность, что отрицательно влияло на работу донских спецслужб.

Так, уполномоченный секции по борьбе с контрреволюцией, Козинцев, писал, что «только вчера, 26-го октября» (1920 г. – Н.П.), Заведующий Секретно-оперативным отделом ознакомил меня с моими «прямыми обязанностями», а также «со схемой... борьбы с правыми партиями и духовенством» [12, л. 79]. Именно по этой причине «секция почти не проявляла себя; учета и конспирации по партиям и духовенству не велось надлежащим образом» [13, л. 81]. Назначенный 8 сентября 1920 г. на должность Заведующего Секретно-оперативным отделом Зявкин, сообщал Коллегии Дон ЧК, что «все уполномоченные были представлены самим себе, отсутствовало их полное инструктирование, часть писем и приказов из ВЧК оставалась без движения, находясь в папке секретаря»; работа следователей не контролировалась должным образом; связи с Политбюро почти не существовало, в результате чего информационные сводки из округов приходили с опозданием на 2 недели и больше, а иногда и вовсе не были получены [13, л. 81].

По-прежнему серьезным препятствием в работе донских чекистов являлась нехватка квалифицированных кадров. Даже в начале 1921 году руководство Дон ЧК обращается в Москву с просьбой прислать «минимум 50 человек ответственных чекистов» [14, л. 8]. Аргументировалась эта настоятельная просьба тем, что «здесь же, на месте, взять этого кадра чекистов нет возможности по многим причинам, не зависящим от Донпартком» [14, л. 8].

Сотрудники Дон ЧК предпринимали самые решительные и энергичные меры для упразднения имеющихся недостатков и повышения авторитета столь немаловажной для строительства советской государственности структуры. С целью повышения эффективности работы Дон ЧК, Заведующий

Секретно-оперативного отдела проводил ежедневно с 16 до 17 часов «совещания с Уполномоченными секциями, а по воскресеньям – общую беседу, что позволяло не только координировать деятельность, но и «выявить от своих сотрудников инициативу, их слабую сторону, и вообще, все недостатки, какие у них имеются» [13, л. 82]. Также было принято решение «Заведующим всеми отделами и Уполномоченным секций составлять еженедельно доклады о ходе своей работы и представлять их в пятницу» [13, л. 82]. Случаи нарушения исполнительской дисциплины не только были преданы порицанию, но и предполагали безжалостное увольнение.

Определенный вклад в формирование статуса чекистов внесло Постановление Совета Труда и Оборона РСФСР от 17 сентября 1920 г., согласно которому сотрудники центральных и местных ЧК были приравнены к военным действующей Красной Армии. Отныне чекистам было запрещено увольняться по собственному желанию, а «за свою деятельность они несли ответственность наравне с военными ... Красной Армии» [15, с. 354]. Уже осенью 1920 г. «все распоряжения, назначения на должность, перемещение с одной службы на другую, каждая командировка проходит теперь через особые приказы, которые раздаются по всем секциям и отделам Дончека» [16, л. 79]. Все эти меры должны были регламентировать, ужесточить, наконец-то, навести дисциплинарный порядок, в том числе и в Дон ЧК.

Однако решить все проблемы сразу было невозможно. Сложность ситуации заключалась в том, что Дон ЧК подчинялась не только ВЧК, но и местным партийным структурам. Предполагалось, что местная партийно-политическая элита будет контролировать, направлять Дон ЧК, и даже заботиться о формировании положительного имиджа донских спецслужб. Например, Укомам и Райпарткомам было рекомендовано «принять меры к поднятию авторитета органов ЧК...», а также «бережно относиться» к их деятельности [17, л. 57]. К сожалению, вместо консенсуса

и сотрудничества, взаимоотношения донских спецслужб и партийных структур зачастую носили деструктивный характер. Донские чекисты справедливо отмечали, что существует «много ненормальностей в планомерной работе с Ревкомом, где ставятся точки преткновения... как в административном, так и в оперативном» плане [2, л. 16–18]. Действительно, компетенции и функции Дон ЧК в начале 20-х гг. тщательно контролировались Ревкомом, Донисполкомом, что создавало определенные трудности и порой препятствовало эффективной работе. Эта временная издержка, к сожалению, доставляла множество профессиональных хлопот донским чекистам.

Особенно ярко это проявилось в решении кадрового вопроса Дон ЧК. Проработав в должности Председателя всего 7 месяцев, Савинов в августе 1920 г. был переведен в Ставропольскую ЧК. Новым Председателем Дон ЧК стал Малков Павел Иванович, который, ввиду своего кратковременного пребывания в должности, даже не упоминается в немногочисленных публикациях, посвященных истории донских спецслужб. Уже в декабре 1920 г. Малков был временно назначен «заместителем Полномочного представительства ВЧК на Кавказе», а заместитель Председателя Дон ЧК, Соловьев, был «откомандирован в распоряжение ВЧК» [18, л. 220]. В период с декабря 1920 по июнь 1921 г. руководство Дон ЧК возглавлял Буров Михаил Никитович, уход которого с занимаемой должности получит резонанс далеко за пределами донского региона и продемонстрирует конфликт и противостояние органов госбезопасности и партструктур в центре и на местах. Кадровая чехарда началась после того, как Бюро Донкома РКП (б) 20-го апреля 1921 отклонило заявление Бурова об отстранении его от занимаемой должности и «предложило ему в силу партийной дисциплины продолжать работу» [19, л. 41]. Сложно сказать, чем было продиктовано противостояние между Дон ЧК и Донкомом. Однако, на этом же заседании Коллегия Дон ЧК

была «обвинена в сепаратизме», ей напомнили, что она «всецело в своих действиях подчинена Донисполкому; и «призывали» ее «к Советской дисциплине» [19, л. 41]. Дальнейшие события развивались стремительно и противоречиво. Кандидатура Каширина, который распоряжением ВЧК был назначен вместо Бурова Председателем Дон ЧК, была отклонена Донкомом 27 мая 1921 г. Бюро Донкома приняло решение «категорически протестовать против действий В.Ч.К. о назначении т. Каширина председателем Д.Ч.К.», оценивая это как «нарушение постановлений партийных и советских съездов и установившейся практики». Донисполком настоятельно требовал «оставить председателем ДЧК. т. Бурова и предложить ему никому дел не сдавать» [20, л. 25]. Состоявшееся уже на следующий день заседание Юго-Восточного Бюро ЦК постановило: «временно назначить т. Емельянова, с совмещением обязанностей Преддончека; т. Русанову предложить сдать дела т. Емельянову, т. Бурова откомандировать в ЦК» [21, л. 31]. Но, кандидатура Емельянова с точки зрения Донобластка была якобы неподходящей. Абсурдность ситуации заключалась в том, что видимо позиция Донкома и Донобластка в отношении кандидатов-претендентов не совпадали. Донобластком настаивал на утверждении Каширина в должности Председателя и «поручил т. Вирганскому (Председателю Донобластка – Н.П.) это мнение отстоять» [22, л. 26]. Донком не желал сдавать своих позиций в этой кадровой баталии, поэтому «вторично... ходатайствует перед ЦК об оставлении члена ДИК тов. Бурова председателем ДЧК, отменив отозвание его ВЧК» [23, л. 33 а]. Очередная попытка блокировать решение о назначении Емельянова в пользу Бурова была предпринята Донкомом в середине июня 1921 г. [24, л. 37 а]. Столь затяжной кадровый кризис был разрешен назначением в июне 1921 г. Емельянова Александра Александровича Председателем Дон ЧК, который ранее занимал аналогичную должность в Курске [1, с. 25]. Однако Дон-

ком был непреклонен и постановил «ввиду отрицательного отношения к тов. Емельянову коллегии чека и Донской организации, просить ЦК через Юго-Востбюро заменить кандидатуру тов. Емельянова», а «на должность преддончека» предлагали назначить тов. Квирина, который был в то время зам. пред. Дончека» [25, л. 41].

Несмотря на недоброжелательное отношение Донкома к персоне Емельянова он будет занимать должность Председателя Дон ЧК больше, чем его предшественники, с июня 1921 по октябрь 1922 г. Сложно сказать каким было на самом деле отношение донских чекистов к новому Председателю, так как информация о нем весьма противоречива. Отмечают его «незаурядные организаторские способности, умение Емельянова работать с людьми, что способствовало успешному выполнению задач, поставленных перед чекистами Дона» и что «с большой теплотой его проводили на работу в Горский отдел ОГПУ» 20 октября 1922 г. [1, с. 26]. Однако известно также, что в октябре 1921 г. 12 сотрудников Дон ЧК «требовали снятия т. Емельянова», хотя при этом отмечалось, что «Преддончека т. Емельянов справлялся со своей работой, хотя и не проявил всех мер к ликвидации склоки» (видимо существовали разногласия внутри Дон ЧК – Н.П.) [26, л. 79 а].

В сентябре 1921 г. Дон ЧК состояла из Коллегии, отдела по бандитизму и экономическому отделу, секретного, агентурного, регистрационного, осведомительного, административного, регистрационного, военно-цензурного отделений, а также оперативного штаба, Секретно-оперативной части (СОЧ), общей части и хозчасти [27, л. 85]. Небезынтересным фактом является наличие в Дон ЧК нескольких беспартийных сотрудников. Например, беспартийными были: начальник агентурного отделения – Мурыгин Георгий Дмитриевич; уполномоченные Осведомительного отделения – Косьяненко Сергей и Трутнев Яков Петрович, а также сотрудник экономического отдела – Бьерквист Николай Алексеевич [27,

л. 85]. В подчинении Дон ЧК находились подведомственные органы: Сальское Политбюро, Политбюро Ростовского округа, Морозовское Политбюро, Миллеровское Политбюро, Политбюро 1-го Донокруга, Политбюро Верхне-Донского округа [27, л. 85]. «Политбюро являлись отделами уездных исполкомов и работали по заданиям и под непосредственным руководством и наблюдением губернских ЧК» [28, с. 335].

Трудности Дон ЧК в 1920–1921 гг., сопровождавшиеся частой сменой руководства, нехваткой кадрового состава, отсутствием профессиональных навыков, технической неустроенностью, сложным взаимодействием с местными партийными структурами, отсутствием прочных агентурных связей не смогли повлиять на результативность действий донских чекистов в борьбе с повстанческим движением в области и другими антисоветскими элементами. Донские спецслужбы ликвидировали антисоветскую организацию «Белый крест», белогвардейский отряд в составе 220 человек под командованием деникинского разведчика Лапина, обезвредили глубоко законспирированную структуру под руководством полковника Лошкарева, организацию Ухтомского-Назарова. Дон ЧК, как специальная служба местного областного советского аппарата власти управления не только активно и целенаправленно боролась с антисоветским подпольем, но и вместе с донской милицией, участвовала в противодействии уголовной преступности в Донской области, обезвреживала бандитов, налётчиков, спекулянтов, фальшивомонетчиков, мошенников, воров. Весомый вклад сотрудники донских органов госбезопасности внесли и в борьбу с детской беспризорностью в области. Во время своей деятельности в очень сложный период формирования и организационно-структурного становления в 1920–1921 гг., Дон ЧК достаточно успешно справлялась практически со всеми задачами, которые ставились перед ней областным партийно-советским руководством.

Литература

1. На страже отечества. Очерки, статьи, интервью, документы. Ростов-на-Дону, 2008.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Р-97, Оп. 3. Д. 7. (Доклад о деятельности Донской областной чрезвычайной комиссии с 1 марта по 1 апреля 1920 года).
3. ГАРО. Р-97, Оп.1, Д.516. (Вне всякой очереди Телеграмма. Ростов Дон Кубанская Чека. Ростов Дон Москвы ВЧК 4715/21601. 562911810).
4. ГАРО. Р-97, Оп.1, Д.516. (Донская ЧК 2 мая 1920 года №1625. В Донисполком).
5. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф.4, Оп.1. Д.11. (Протокол №24 заседания Донского Комитета Р.К.П. 31 марта 1920 г.).
6. ГАРО. Р-97. Оп.1. Д.516. Л.21. (Выписка из протокола заседания коллегии Дончека от 25 мая 1920 года в составе т.т. Савинова, Логинова).
7. ГАРО. Р-97. Оп.1. Д.99. (12215. 20 декабря 1920 года. Циркулярно Всем Губернским и Уездным Комитетам Р.К.П.).
8. Леонов С.В. Создание и реорганизация ВЧК // Исторические чтения на Лубянке. 1997 – 2007. (Общество изучения истории отечественных спецслужб). М., 2008.
9. ГАРО. Р-97. Оп.3. Д.7. (Доклад о деятельности Донской областной чрезвычайной комиссии с 1 марта по 1 апреля 1920 года).
10. ГАРО. Р-97. Оп.1. Д.155. (Приказ Всероссийской Чрезвычайной Комиссии №108. Москва, 1-го сентября 1920 года).
11. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.76. Оп.3. Д.19. (19.1.1921 Тов. Ксенофонтову).
12. ГАРО. Р-97. Оп.1. Д.725. (Информационная сводка Донской Чрезвычайной Комиссии за время с 1-го по 15-ое ноября 1920 г.).
13. ГАРО. Р-97. Оп.1. Д.725. (Информационная сводка Донской Чрезвычайной Комиссии за время с 15-го сентября по 1-е ноября 1920 г.).
14. РГАСПИ. Ф.65. Оп.1. Д.131. (Секретно. Информационная сводка. Донской Областной Чрезвычайной Комиссии за время с 1-го по 15-е февраля 21 г.).
15. Постановление СТО о приравнении сотрудников ВЧК и ее местных органов к военным действующей Красной Армии. 17 сентября 1920 г.// В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917 – 1922 гг.). М., 1987.
16. ГАРО. Р-978. Оп.1. Д.725. (Информационная сводка Донской Чрезвычайной Комиссии за время с 1-го по 15-ое ноября 1920 г.).
17. ЦДНИРО. Ф.104. Оп.1. Д.14. (О связи Дон ЧК с партийными структурами. Циркуляр Донецкого Губпарткома 18/322. Всем Укомам и Райпарткомам!).
18. ГАРО. Р-97. Оп.1. Д.516. (Приказ по Полномочному представительству ВЧК на Кавказе №12. «12» декабря 1920 года. Ростов-на-Дону).
19. ЦДНИРО. Ф. Р-4. Оп.1. Д.83. (Протокол №19 заседания Бюро Донкома РКП /б/ от 20-го апреля 1921 г.).
20. ЦДНИРО. Ф.Р-4. Оп.1. Д.80. (Протокол №... заседания Бюро Донкома 27-го мая 1921 г.).
21. РГАСПИ. Ф.65. Оп.1. Д.9. (Протокол №17 заседания Юговостбюро ЦК от 28 мая 1921 г.).
22. ЦДНИРО. Ф.Р-4. Оп.1, Д.80. (Протокол №... заседания Бюро Донобласткома 1-го июня 1921 г.).
23. ЦДНИРО. Ф.Р-4. Оп.1. Д.80. (Протокол №... заседания Бюро Донкома от 10-го июня 1921 г.).
24. ЦДНИРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 80. (Протокол №... заседания Бюро Донкома Р.К.П. /б/ от 14-го июня 1921 г.).
25. ЦДНИРО. Ф.Р-4. Оп.1. Д.80. (Протокол заседания Бюро Донкома РКП от 29-го июня 1921 г.).
26. ЦДНИРО. Ф.Р-4. Оп.1. Д.80. (Протокол №16 Внеочередного заседания Бюро Донкома Р.К.П. /б/ от 20-го октября 1921 г.).
27. ГАРО. Ф.Р-97. Оп.1. Д.643. (Список ответственных работников Дончека по состоянию на 29-ое сентября 1921 г.).
28. ВЧК.1917 – 1922. Энциклопедия. М., 2013.

УДК 947.8(470.62) (470.63)

Н. В. Романова**ВЛАСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА НА СТАВРОПОЛЬЕ И КУБАНИ
В 50-60-е гг. XX ВЕКА**

В статье на основе архивных документов изучены и проанализированы основные факторы, тенденции и конкретные формы процесса взаимодействия власти и художественной культуры на Кубани и Ставрополье в 50–60-е годы XX века.

Ключевые слова: культурная политика; органы управления культурой; «оттепель»; общественная жизнь; культурная история региона.

N. V. Romanova**THE POWER AND ART CULTURE IN KUBAN AND STAVROPOL REGIONS
IN 1950 – 1960-S**

The content of the article is based on archival documents. The author analyses main factors, trends and forms of interaction between the power and art culture in Kuban and Stavropol regions in 1950-1960-s.

Key words: cultural policy, cultural policy authorities, Khrushchev Thaw, social life, region cultural history.

Любые изменения политического курса в стране влияли не только на персональный состав управленцев, но и на структуру системы управления. Поэтому основные направления деятельности местных органов власти Ставрополья и Кубани в отношении художественной культуры в значительной степени определялись теми изменениями, которые наметились в духовной жизни советского общества эпохи «оттепели».

Реформирование государственных органов управления культурой началось с ликвидации громоздкого Комитета по делам искусств при Совете министров СССР и Союзно-республиканского Министерства кинематографии. В 1953 г. было создано единое Министерство культуры СССР, которое включало в себя подразделения и комитеты, управляющие такими далекими друг от друга по своим задачам, отраслями, как высшее образование, кинематография, трудовые резервы, радиовещание различные отрасли искусств [10, с. 197–198]. Целью было упрощение и удешевление управленческого аппарата и смена прежних кадров.

Вместе с тем, пестрота направлений обрекала управление культурой на неэффективность. Это стало очевидным уже в течение первого года. Вскоре из Министерства культуры выделились Министерство высшего образования и Главное управление трудовых резервов. В связи с политическими изменениями с 1957 по 1963 г. произошли и некоторые другие структурные перемены. Например, из Министерства культуры выделились самостоятельные комитеты по культурным связям с зарубежными странами, по радиовещанию и телевидению, по кинематографии.

О партийной роли в управлении культурой свидетельствовали изменения в аппарате ЦК КПСС. Так, в сентябре 1955 г. отдел науки и культуры ЦК был разделен на два отдела – науки и культуры. Реорганизация аппарата управления продолжалась в течение всего периода правления Н. С. Хрущева. Например, с 1962 г. отдел культуры ЦК был преобразован в подраздел идеологического отдела с сохранением его внутренней структуры.

Изменения высших структур влекли за собой реорганизацию всей иерархии управления культурой на местах. В Ставропольском и Краснодарском краях путем объединения отделов искусства и культурно-просветительской работы в 1953 г. были образованы краевые управления культуры. Структурные подразделения, управлявшие учреждениями культуры, имелись так же на городском и районном уровнях. Управления культуры отвечали за содержание работы местных культурных учреждений, за материальную базу культуры, за обеспечение этой сферы кадрами. Именно забота о капитальном строительстве, о ремонте, о подготовке и повышении квалификации творческих кадров были в центре повседневной деятельности этих управлений.

Тенденции, наметившиеся в руководстве духовной жизнью советского общества, своеобразно преломлялись в культурной истории регионов. Партийный контроль над культурной сферой общественной жизни в период «оттепели» действовал в провинции даже более жестко, чем в Центре. С одной стороны, культура, рассматриваемая партийной властью как идеологическое средство воздействия на умы людей, была одним из приоритетных направлений в идейно-воспитательной работе местных партийных органов, в частности на Кубани и Ставрополье. С другой, злободневные вопросы экономики и политики постоянно оттесняли вопросы культурной жизни на второй план.

Первая тенденция была отражена в самой структуре партийного руководства. В каждом крайкоме КПСС вопросы развития культуры в регионе решались непосредственно в отделах пропаганды. В начале 50-х гг. в краевых и областных комитетах партии были созданы специальные отделы науки и культуры. Наиболее крупные учреждения культуры курировал крайком, менее значимые оставались под контролем горкомов или райкомов КПСС. Партийные органы были главной инстанцией при открытии театров, создании отделений Союзов писателей, художников. Органы КПСС координировали деятельность всех госу-

дарственных и общественных организаций в сфере культуры. Проведение любого крупного мероприятия, кадровые вопросы, проблемы материально-технического развития учреждений культуры – все это непременно первоначально рассматривалось на том или ином уровне партийной машины. Например, вопрос о проведении краевого совещания работников учреждений культуры обсуждался 4 сентября 1953 г. на заседании бюро Ставропольского краевого комитета КПСС. Любопытна сама формулировка решения бюро крайкома: «разрешить Краевому управлению культуры провести в городе Ставрополе 22–23 сентября 1953 г. краевое совещание заведующих, городских, районных отделов культуры с обсуждением вопроса о состоянии и очередных задачах учреждений культуры» [3, с. 4]. Разрешение бюро Ставропольского крайкома необходимо было и для проведения краевого съезда культпросветработников в ноябре 1957 г., вплоть до состава делегатов съезда. В решении партийного бюро имелись директивные указания краевому управлению культуры: «направить всю подготовительную работу к предстоящему съезду на улучшение деятельности культпросветучреждений, на обеспечение их активного участия в подготовке к празднованию 40-летия Великой Октябрьской революции, на своевременную подготовку к работе в зимних условиях [6, с. 7]. Более того, ряд решений по проведению тех или иных мероприятий планировался не государственными, а партийными органами. Например, краевое совещание работников культуры крайком рекомендовал посвятить решениям январского Пленума ЦК КПСС [5, с. 8]. Только после утверждения крайкомом литературно-художественный «Ставропольский альманах» был переименован в альманах «Ставрополье».

Такой патернализм в отношении коллективов культуры, с одной стороны, душил творческую инициативу, а с другой, создавал для них тепличные условия, решая многие текущие организационные и материально-технические проблемы централизованно. На бюро крайкомов утверждался

репертуар театров, рассматривалась гастрольная политика творческих работников, принимались решения по кадровым вопросам. Руководители творческих объединений не только ждали руководящих указаний от партийных органов, но считали это обязательным условием успешной творческой работы. Например, секретарь Адыгейского Союза писателей сетовал, что отдел науки и культуры крайкома партии почти не вмешивался в работу писателей области, а это отрицательно сказалось на творческом процессе: «Лишь перед этим собранием заведующий отделом культуры счит нужным и возможным побеседовать со мной о состоянии работы, при этом было подсказано немало полезного» [11, с. 59].

В то же время грубое, порой некомпетентное вмешательство партийных идеологов в работу творческих коллективов мешала их работе. Так, спектакль Черкесского театра в селе Ивановка Либкнехтовского района Ставропольского края был сорван только потому, что секретарь райкома по телефону запретил показ из-за того, что руководители театра не взяли у него разрешение [4, с. 7].

Обязательным условием культурной политики, проводимой местными партийными органами, было неукоснительное исполнение всех решений центральных органов партии. По мнению Ставропольского крайкома КПСС, к примеру, в 1962 г. в основу работы творческих союзов, театров и филармонии Ставропольского края должно быть положены материалы XXII съезда партии [9, с. 3]. Пленум Краснодарского крайкома КПСС 4 сентября 1962 г. тоже был посвящен усилению идеологической работы в сфере культуры на основе решений партийного съезда. Идеальный прагматизм пронизывает партийные формулировки недостатков творческих коллективов в духе политики ЦК КПСС и его лидера о связи с практикой коммунистического строительства. Так, главным недостатком в работе театров называлась их слабая связь с промышленными предприятиями и сельскими районами.

Партийные органы наделяли краевое управление культуры контрольные функции по надзору над репертуаром театров и фи-

лармоний. Изменения в репертуарном плане допускались в исключительных случаях по согласованию с крайкомами КПСС. Подобное согласование в партийных органах касалось и планов изданий литературы. Так, в 1958 г. Ставропольское отделение Союза писателей просило краевой комитет КПСС о ряде таких изменений в разделе художественной литературы. Например, просьба касалась публикации книг членов Союза писателей РСФСР А. В. Попова «Первая ссылка Лермонтова» и К. Г. Черного «Пушкин-очерки».

Отличительной чертой работы государственных органов управления культурой в Центре и на местах была их подчиненность воле партийных решений. Как в Краснодарском, так и в Ставропольском краях местные управления культуры всю свою работу обязаны были координировать с партийными органами. Это не только лишало работников этих органов инициативы, но и с годами вырабатывало вялость при принятии решений, иждивенчество, бюрократическую волокиту. Поскольку государство рассматривало культуру как систему определенных мероприятий, направленных на решение идеологических и просветительских задач, то главным принципом работы государственных органов на местах становилось плановое начало, мало совместимое с творческим процессом: 1953 г. Ставропольское краевое управление культуры планировало свою работу поквартально, основе плана лежали партийные решения центральной власти – «дальнейшая работа по реализации исторических постановлений XIX съезда партии, Пятой сессии Верховного Совета СССР, сентябрьского Пленума ЦК КПСС, постановления Совета Министров РСФСР, постановлений правительства, краевых партийных и советских организаций по работе учреждений культуры» [8, с. 72].

Важнейшим направлением работы местных советских органов культуры было материальное обеспечение учреждений культуры. В решении этих вопросов приходилось преодолевать сложности жестко централизованного управления культурой. В то же время именно они непосредственно контро-

лировали распределение средств внутри учреждений культуры. Ярким примером может служить Краснодарское краевое управление культурой, которое, рассмотрев бухгалтерский отчет от 12 июля 1955 г., представленный дирекцией краевого драматического театра им. М. Горького, постановило: «Немедленно прекратить оплату квартир работников театра за счет предприятия. В случае их повторения такие расходы будут отнесены в начет виновным» [1, с. 36]. В творческих коллективах органы управления культуры воспринимались зачастую как снабженцы. Так, ансамбль кубанских казаков за приобретением 3-х баянов, фортепиано и новых шапок-кубанок обращался в Краснодарское краевое управление культурой [2, с. 87].

Реализуя партийный призыв к сближению творческой интеллигенции с трудящимися, работники управлений практически организовывали выезды творческих бригад в села и районы региона. К примеру, на период уборочной и хлебозаготовительной компании 1954 г. отдел искусств Краснодарского крайисполкома создал коллектив из артистов театра им. М. Горького, театра музыкальной комедии, Майкопского областного театра бригаду для проведения встреч во время 60 выездов в районы края. В 1957–1958 гг. Ставропольское краевое управление культуры организовывало концерты филармонии, показ спектаклей и работ передвижных художественных выставок на отгонных пастбищах [7, с. 12].

Работники краевых исполкомов выполняли функции исполнительной власти по реализации партийных решений, в частности в кадровых вопросах. Они от-

бирали кандидатуры деятелей культуры на утверждение их партийными органами для участия в смотрах, выставках совещаниях различного уровня. Местные органы управления культурой непосредственно занимались организацией работы во всех сферах культуры и искусства. Например, работники управлений культуры собственноручно проводили собрания членов того или иного творческого союза, формировали репертуарные комиссии и выставочные комитеты. Так, приказом № 72 от 29 мая 1956 г. по Ставропольскому управлению культуры для организации и проведения выставки художников города Ставрополя в срок с 10 июня по 10 декабря 1956 г. был сформирован и назначен выставочный комитет-жюри. В результате в его состав наряду с наиболее известными и авторитетными художниками П. М. Гречишкиным, А. А. Борматовым, В. В. Кленовым вошли и чиновники от культуры старший инспектор управления И. Г. Стадников, заведующий городским отделом культуры Н. Ф. Ильяшенко.

Таким образом, можно констатировать, что партийное руководство регионов координировало деятельность всех государственных, общественных структур в развитии учреждений культуры. Одновременно именно через местные партийные органы осуществлялся наиболее жесткий контроль над учреждениями культуры и практикой культурной работы на местах. В то же время, в действиях, как партийного, так и государственного аппаратов на местах усилился технократизм и проявилась тенденция мерить успехи культуры практической пользой для материального производства.

Литература

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). ФР. 1726. Оп. 1. Д. 97.
2. ГАКК. Ф. 1774-А. Оп. 4. Д. 1897.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф.1.Оп.1. Д.2214.
4. ГАНИСК. Ф.1.Оп.1. Д. 2234.
5. ГАНИСК. Ф.1.Оп.1. Д. 2455.
6. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2704.
7. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). ФР. 1626. Оп.1. Д. 161.
8. ГАСК. ФР.3798. Оп.1. Д. 3.
9. ГАСК. ФР. 3821. Оп. 1. Д. 39.
10. Собрание законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. М., 1975. Т.1. 1938 – 1975.
11. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф.1774-А. Оп.4. Д.2955.

УДК 327.7:341.1

В. Н. Садченко**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ АТР
НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АСЕАН**

В статье исследуются некоторые результаты и особенности интеграционных процессов, протекающих в регионе АТР, на основе анализа основных макроэкономических показателей АСЕАН за период 2000–2013 гг. (данные ВТО, Всемирного банка и форумов АСЕАН).

Ключевые слова: АТЭС, НАФТА, ЕС, АСЕАН, интеграция, ВВП, показатель ВВП на душу населения, прямые иностранные инвестиции (ППИ), торговый баланс, соотношение экспорта/импорта, общий объем торговли.

V. N. Sadchenko**THE EFFICIENCY OF INTEGRATION PROCESSES IN THE ASIA-PACIFIC REGION
ON THE EXAMPLE OF THE ASEAN**

The article examines some of the results and features of the integration processes taking place in the Asia-Pacific region. It is based on the analysis of key macroeconomic indicators of ASEAN for the period of 2000 – 2013 (data of WTO, the World Bank and ASEAN forums).

Key words: APEC, NAFTA, EU, ASEAN, integration, GDP, GDP per capita, foreign direct investment (FDI), trade balance, the ratio of exports / imports, total trade volume.

Интеграция на современном этапе стала основным вектором развития мировой экономики и международных отношений. На интеграционные процессы влияют различные факторы: глобализация в области хозяйственной жизни, разделение труда, международная НТР, интенсивный переход стран от замкнутых национальных хозяйств к экономикам открытого типа, обращённым к внешнему миру, близость уровней экономического развития и степени рыночной зрелости интегрирующихся стран и в связи с этим рост взаимозависимости экономик различных стран, формирование новых зон влияния государств и пр.

Учёные выделяют две формы интеграции: региональную и отраслевую. Региональная интеграция наиболее распространена, ее особенностью является территориальное соседство стран, наличие общих границ и совместных проблем. Основные интеграционные группировки сложились в развитых странах – это ЕС (Европейский Союз) и НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле). Среди развиваю-

щихся стран к числу крупных региональных группировок можно отнести МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южного конуса (Mercado Comúndel Sur) в форме таможенного союза, в состав которого входят Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай и Венесуэла); УНАСУР (Союз южноамериканских наций, региональная политическая и экономическая организация государств Южной Америки); Союз арабского Магриба (Алжир, Ливия, Мавритания, Марокко, Тунис); Совет арабского сотрудничества (Египет, Ирак, Иордания, ЙАР); АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество); КОМЕСА – Общий рынок Восточной и Южной Африки (Common Marketfor Easternand Southern Africa (COMESA))и АСЕАН, последняя лидирует среди стран с развивающейся экономикой.

Страны АСЕАН занимают выгодное геостратегическое и геополитическое положение, располагаясь на перекрёстке мировых коммуникаций и на самом коротком пути из Индийского в Тихий океан. Вследствие этого Юго-Восточная Азия исторически была до-

статочны́о плотно интегрирована в систему мировой торговли. Даже сегодня свыше 25 % мировых торговых потоков проходят через Малаккский пролив. Япония, Китай и Корея, напротив, ограждали себя от внешнего, в том числе экономического, проникновения посредством политики «самоизоляции».

Азиатско-Тихоокеанский регион является третьим по экономической и мировой значимости центром интеграции стран после Европы и Северной Америки. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) является сообществом, где проживает 616,614 миллионов человек в десяти странах с динамично развивающейся экономикой [1, р. 1].

Юридической базой взаимоотношений стран Ассоциации служат Декларация согласия АСЕАН 1976 г., Вторая Декларация согласия АСЕАН («Балийское соглашение-2») 2003 г., а также Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Балийский договор) 1976 г., допускающий с 1987 г. возможность присоединения внерегиональных государств. В октябре 2003 г. к нему присоединились Китай и Индия, в июле 2004 г. – Япония и Пакистан, в ноябре 2004 г. – Россия и Южная Корея, в июле 2005 г. – Новая Зеландия и Монголия, в декабре 2005 г. – Австралия, а также ЕС и Программа развития Организации Объединённых Наций (ПРООН). В феврале 2009 г. госсекретарь США Хиллари Клинтон заявила о намерении ее страны присоединиться к Договору. В 2004 г. было принято решение о разработке Устава АСЕАН для более эффективной работы Ассоциации. Хартия (Устав) АСЕАН, вступившая в силу 15 декабря 2008 г. была направлена на создание более эффективного механизма сотрудничества и координации действий стран ЮВА, против давления глобализации, а также на выстраивание сбалансированных отношений с соседями, не входящими в эту группировку. АСЕАН не является донором, выделяющим некоторым своим членам регулярную и немалую экономическую помощь, как в Европейском союзе. Страны-участницы рассчитывают

прежде всего на себя и на взаимопомощь, на синергетический эффект от сложения усилий на важнейших направлениях своего развития [11, с. 5–6].

Руководящим и Координирующим органом выступают ежегодные совещания министров иностранных дел (СМИД). Каждый год проходят совещания министров финансов, экономики и сельского хозяйства, однако важнейшие их решения подлежат утверждению министров иностранных дел. Повседневное руководство осуществляется постоянным комитетом в составе министра иностранных дел председательствующей страны и послов остальных стран-членов. Постоянный Секретариат расположен в Джакарте и возглавляется Генеральным секретарём. Также работа ведётся в 29 комитетах, 122 рабочих группах, что позволяет проводить ежегодно более 300 мероприятий в рамках АСЕАН.

Отличительной чертой институционального развития АСЕАН было то, что в работе всех структур страны Ассоциации участвуют в полном составе, даже если повестка дня не затрагивает интересы всех государств-членов. Исследователи отмечают под так называемым методом АСЕАН преимущественно неформальный стиль обсуждения большинства принимаемых решений и акцент на коллективном формате ведения дел с внешними партнёрами [3, р. 97].

Структуры, подобные «АСЕАН плюс три», возникшие путём выделения из числа диалоговых партнёров Ассоциации, находятся пока на стадии формирования. По мнению А. А. Байкова, управленческая машина АСЕАН служит основой функционирования как для АПТ, так и для Восточноазиатских саммитов (ВАС) [12, с. 153]. Они не имеют своего аппарата, должностных лиц или иных административных механизмов. Их институциональные потребности полностью «обслуживаются» аппаратом АСЕАН.

В 1992 г. на саммите в Сингапуре страны АСЕАН приняли решение о формировании зоны свободной торговли АФТА (ASEAN Free Trade Agreement – AFTA). Стратегическими задачами АФТА были провоз-

глашены: повышение конкурентоспособности стран-членов на основе устранения торговых барьеров, роста привлекательности государств для зарубежных инвестиций; достижение экономической стабильности в регионе; сокращение ставок пошлин до 0–5 % на промышленную и сельскохозяйственную продукцию; введение общего эффективного преференциального тарифа (СЕПТ).

Экономическая интеграция в АСЕАН началась с развития производственного сотрудничества, когда по рекомендации группы экспертов ООН во главе с О. Робинсоном было предложено 13 проектов создания совместных промышленных предприятий в сфере машиностроения и химической промышленности. Развитию сотрудничества в промышленной кооперации способствовала организация Финансовой корпорации АСЕАН в 1981 г., объединившей средства стран – ее членов [13, с. 227]. Соглашение о формировании Инвестиционной зоны АСЕАН (ASEAN Investment Area – AIA), подписанное 7 октября 1998 г. содействовало достижению целей Ассоциации в ближайшее время.

Эффективность интеграционных процессов АСЕАН подтверждается макроэкономическими показателями региона за период 2000–2013 гг. Так, по данным ежегодника «Ассоциация АСЕН в цифрах», ВВП АСЕАН (в текущих ценах в млрд. долл.) за 2000 г. составил 606, 448 млрд. долл., в 2005 г. – 915, 801 млрд. долл. [1, р. 4], в 2008 г. – 1 528, 871 млрд. долл., в 2009 г. – 1 526, 846 млрд. долл., в 2010 г. – 1 884, 0676 млрд. долл., в 2011 г. – 2 184, 4986 млрд. долл., в 2012 г. – 2 311, 315 млрд. долл. [7]. Иными словами, за 12 лет объем ВВП стран Ассоциации увеличился в 3,8 раза.

Макропоказатели экономического развития Всемирного банка немного разнятся от данных АСЕАН, но, тем не менее, мировым лидером по объёму экономики остаются США – 15, 094 млрд. долл., ВВП Китая – 7, 298 млрд. долл., Японии – 5, 867 млрд. долл., России – 2, 014 млрд. долл., Индии – 1, 841 млрд. долл. [1, р. 3].

Из стран Ассоциации наиболее высокие показатели ВВП у Индонезии – 0, 878 млрд. долл., далее идут Таиланд – 0, 366 млрд. долл., Малайзия – 0, 305 млрд. долл., Сингапур – 0, 277 млрд. долл., Филиппины – 0, 250 млрд. долл., Вьетнам – 0, 141 млрд. долл., Мьянма – 0, 052 млрд. долл., Бруней – Даруссалам – 0, 017 млрд. долл., Камбоджа – 0, 014 млрд. долл., наименьший показатель ВВП у Лаоса – 0, 009 млрд. долл. [7].

Другим маркером развития экономики является доля ВВП на душу населения. В этих показателях АСЕАН также демонстрирует тенденцию к росту. Так, в 2000 г. доля ВВП на душу населения составила 1,172 долл., в 2005 г. – 1,641 долл., в 2008 г. – 2,591 долл., в 2010 г. – 3,139 долл., в 2011 г. – 3,591 долл., в 2012 г. – 3,748 долл. Для сравнения эти показатели в 2012 г. для ЕС-28 – 16,584 долл., США – 15,685 долл., КНР – 8,227 долл., Японии – 5,964 долл., России – 2,022 долл., Индии – 1,825 долл. [1, р. 3].

Важным критерием экономического развития стран АСЕАН является торговый баланс, соотношением импорта к экспорту. Общий объем торговли стран АСЕАН в 2000 г. составил 759, 101 млн. долл., в 2009 г. он уже перевалил на миллиард – 1 536, 877 млн. долл., в 2012 г. составил 2 476, 427 млн. долл. Но в процентном соотношении эти показатели нестабильны. Так, в 2000 г. рост составил 21,1 %, в 2005 г. 15%, в 2009 г. наблюдалось значительное падение из-за мирового кризиса и показатели составили уже 19 %, в 2010 г. общий объем вновь вырос на 34 %, в 2011 г. – лишь на 18,9 %. В 2012 г. общий объем торговли АСЕАН увеличился на 3,7 % по сравнению с предыдущим годом. Отношение торговли к ВВП снизилось с 109,3 % до 107,1 %, из-за снижения доли экспорта в ВВП в течение года. Торговый профицит значительно сократился почти на две трети его уровня в 2011 г. от 95,9 млрд. долл. до 32,7 млрд. долл., что свидетельствует о расширении импорта товаров по сравнению с экспортом [1, р. 9].

ПОКАЗАТЕЛИ ТОРГОВОЙ АКТИВНОСТИ за 2009–2012 гг. *

Экономики развивающихся стран	Экспорт (в трлн. долл.)		Импорт (в трлн. долл.)		Общий объем торговли (в трлн. долл.)	
	2009	2012	2009	2012	2009	2012
ЕС	1525	2,166	1672	2,301	3197	4,467
АСЕАН	814	1,254	724	1,221	1538	2,475
МЕРКОСУР	217	340	186	325	403	665

Объем взаимной торговли стран АСЕАН в 2000 г. составлял 166,8 млрд долл., то в 2009 г. он достиг 304, 825 млрд долл., увеличившись в 1,8 раза. Даже в условиях мирового экономического кризиса страны АСЕАН удерживают оборот взаимной торговли на достойном уровне. По официальным оценкам, в 2012 г. он составил уже 602, 048 млрд. долл., увеличившись в 3,6 раза по сравнению с 2000 г. А его доля в общем объеме внешней торговли группировки оставалась достаточно высокой (24 %) [1, р. 14].

Растут экономические связи АСЕАН с Китаем. С сентября 2008 г. наблюдалось замедление взаимной торговли под влиянием мирового финансового кризиса. В результате АСЕАН не смогла войти в тройку крупнейших торговых партнеров Китая, уступив ЕС, США и Японии, в то время как КНР потеснила эти страны, заняв первую позицию среди внешних рынков АСЕАН [8, р. 174].

Ссылаясь на данные ЕС, можно заключить, что основная страна-импортер в 2012 г. была КНР (19,2 %), далее следуют Япония (14,4 %), ЕС (12,5%), США (9,7), Южная Корея (8,1 %). Что касается экспорта, то лидером выступает вновь Китай (15,3 %) далее следуют Япония (13,9 %), ЕС (13,6 %), США (11,8 %), Гонконг (8,5 %) и пр.[4, р. 9]. С 2009 г. наблюдается потеснение Китаем ЕС в качестве основного торгового партнера АСЕАН (11,6 % против 11, 2 % в 2009 г. и 12,9 % против 9,8 % в 2012 г. – соответственно) [1, р. 14].

Наблюдается увеличение показателей среднего роста торговли АСЕАН с Россией, Индией, Республикой Корея, а также с Но-

вой Зеландией за период 2009–2012 гг. С 2000 г. ведётся работа по созданию Восточноазиатской зоны свободной торговли, в которой принимают участие АСЕАН, Китай, Япония и Республика Корея. В отношениях АСЕАН и России приоритетными сферами сотрудничества являются транспорт, энергетика, военно-промышленный комплекс, космические разработки, машиностроение, нефтехимия, развитие малого предпринимательства, охрана окружающей среды.

Показатели соотношения экспорта/импорта стран АСЕАН за 2011 г. – 1242, 199/1146, 245 млн. долл. соответственно, за 2012 г. 1254, 580/1221, 846 млн. долл. соответственно; общий торговый баланс за 2011 г. составил 2388, 4440, а в 2012 г. – 2476,427 млн. долл. [2]. Эти показатели говорят о постоянном росте торгового баланса стран АСЕАН, несмотря на мировой финансовый кризис.

В совокупном взаимном экспорте и импорте большинства государств АСЕАН преобладают электроника, вычислительная техника, оборудование. Однородность ресурсов стран АСЕАН и высокая степень совпадения товарных структур экспорта и импорта обусловила невысокий удельный вес взаимной торговли, которая в 2004 г. составила 22,5 %. Основная её часть приходится на 2 страны: Сингапур (до 40 %) и Малайзию (до 25 %) [1, р. 36].

Следует обратить внимание на то, что 20 крупнейших экспортных товаров составляют чуть менее 50 % от общей стоимости экспорта, что свидетельствует о диверсификации экономик стана АСЕАН, о расширении своих

* Составлено по материалам: WorldTradeReport 2010. Factors shaping the future of world trade; World Trade Report 2013. Factors shaping the future of world trade [9, р. 28; 10, р. 32].

экспортных продуктов для удовлетворения возникающих глобальных потребностей. 20 лучших импортных товарных позиций составил менее 47 % от общей стоимости импорта.

Что касается прямых иностранных инвестиций (ПИИ или FDI), то страны АСЕАН активно соперничают с Китаем. Для привлечения внутренних и внешних инвестиций в 1998 г. было подписано соглашение о создании инвестиционной зоны АСЕАН (АИА). Страны обязались предоставлять инвесторам временное освобождение от уплаты или сокращение ставки налога на прибыль, беспошлинный ввоз оборудования и сырья, упрощение таможенных процедур, право на наем иностранного персонала.

Ежегодный объем притока иностранных инвестиций в экономики стран АСЕАН в 2004 г. в среднем составил 21,808 млн. долл., в 2009 г. – 49,045 млн. долл., в 2012 г. – 110,291 млн. долл. [1, р. 36]. Оправившись в 2009 г. от кризиса 2008 г., ПИИ к 2010 г. в Восточную Азию и Тихоокеанский регион снова упали в 2011 г. Причиной тому послужили потрясения в зоне евро и стихийные бедствия в Японии. Приток прямых инвестиций в 2011 г. был на 17 % ниже, чем в 2010 г. Чистые ПИИ потоки снизились на 5 %, в то время как приток портфельных инвестиций снизился до 1/5 от уровня 2010 г. [6, р. 94]. Менее всего в АТР пострадал Китай: объем ПИИ в Китай на январь-февраль 2014 г. составил – 19,31 млрд долл., тем самым свидетельствуя о привлекательности экономики Китая и постоянном увеличении внимания инвесторов в сторону стран АСЕАН.

Характерно, что и в потоке прямых иностранных инвестиций (ПИИ), идущем в страны АСЕАН, их собственная доля имеет тенденцию к росту, и довольно заметному. Если в период 2000 г. объем взаимных инвестиций составил всего 0,853 млн. долл., то в 2009 г. – 6,664 млн. долл., в 2012 г. – 20 160 млн. долл., т. е. увеличился более чем в 23 раза за десятилетие. Доля взаимных инвестиций в процентном соотношении за период 1995–2004 гг. демонстрировала тенденцию к уменьшению с 16,5 % до 9,5 %, но уже с 2005 г. вновь наблюдается рост –

с 9,9 % до 18,3 %, несмотря на мировой кризис. Этот рост свидетельствует о динамично развивающейся экономике стран АСЕАН.

В отдельных же случаях доля внутрирегиональных ПИИ намного выше среднего показателя по АСЕАН. Так, в 2008 г. эта доля составила в Индонезии 37,3 %, в Камбодже – 29,5 %, во Вьетнаме – 28,2 %, в Таиланде – 24,9 %, в Малайзии – 22 %. Сегодня, в отличие от колониальных времён, свыше 50 % ПИИ и внешней торговли стран ЮВА приходится на соседние восточноазиатские страны [5]. Это одно из свидетельств идущей в регионе экономической интеграции.

Как источник ПИИ для стран – членов Ассоциации, сами эти страны в 2000 г. уступали лишь ЕС и США (853 млн. долл.; 13 004 млн. долл.; 7 490 млн. долл. соответственно). В 2009 г. по уровню ПИИ страны АСЕАН были обогнаны странами ЕС (6 664 млн. долл. против 8 809 млн. долл.), в 2012 г. показатель стран АСЕАН составил 20 160 млн. долл. против 23 305 млн. долл. ЕС и 23 113 млн. долл. – ПИИ Японии [1, р. 36].

В 2012 г. увеличение притока ПИИ в регионе в значительной степени связано с собственными инвестициями, инвестициями ЕС-28 и Японии. Приток ПИИ из Японии увеличился почти в два раза за 2012 г., компенсируя уменьшение притока ПИИ из ЕС-28, Китая и США, Республики Кореи и пр. Это свидетельствует о том, что в последние годы внутри АСЕАН заметно крепнут связи по линии транспорта, коммуникаций и туризма, ускоряется и увеличивается в объёме трансграничного движения рабочей силы.

Большое внимание в АСЕАН придают промышленной кооперации, учитывая необходимость индустриализации экономики. Примерами могут служить совместные заводы по производству мочевины в Индонезии (Ача) и Малайзии (Бинтулу), заводы по производству дизельных двигателей в Сингапуре, производство «асеановского автомобиля» Протон-Сага. В авиационной промышленности создан Азиатско-Тихоокеанский аэрокосмический консорциум по типу европейского «Эрбасиндастри». Разрабатывается ряд энергетических программ,

среди которых строительство магистральных газопроводов АСЕАН – Южный Китай и Австралия – АСЕАН. В 2006 году страны-участницы АСЕАН приступили к строительству железной дороги Сингапур-Куньмин, которая пройдет через семь стран.

Приведенные некоторые макропоказатели свидетельствуют о динамично развивающейся экономике стран АСЕАН, невзирая на мировой кризис, стихийные бедствия в Японии в 2011 г. и их последствия. Благодаря снижению торговых и инвестиционных барьеров наблюдается рост взаимных инвестиций в экономике АСЕАН. Увеличиваются торговые контакты благодаря превращению в жизнь соглашений о свободной торговле стран-участниц АСЕАН с партнерами по диалогу Австралией, Китаем, Республикой Корея и Новой Зеландией. Растут показатели ВВП и ВВП на душу населения,

позволяя подойти АСЕАН к странам с доходом выше среднего по классификации Всемирного банка. Тем не менее, странам-членам АСЕАН надо повысить экономическую конкурентоспособность, чтобы справиться с факторами неопределенности в глобальной экономике.

Со времени создания АСЕАН был достигнут значительный прогресс в области экономической и политической модернизации. К бесспорным достижениям следует отнести формирование особой культуры международного общения участников Ассоциации, не предполагающей доминирования какой-либо страны – участницы процессов интеграции. Вполне вероятно, что формирование региональной идентичности в Юго-Восточной Азии как стратегическая цель интеграционных процессов также станет вполне достижимой.

Литература

1. ASEAN Community in Figures (ACIF) 2013. Jakarta: ASEAN Secretariat, February 2014. [Electronic resource] URL: <http://www.asean.org/images/resources/Statistics/2014/ACIF%202013.PDF> (Accessed: 13.04.2014).
2. ASEAN Trade, 2011-2012 as of December 2013. [Electronic resource] URL: <http://dspace.unimap.edu.my/dspace/bitstream/123456789/30777/1/asean%20trade,%202011-2013.pdf> (Accessed: 13.04.2014).
3. Christopher M. Dent. East Asian Regionalism. – London and New York: Routledge, 2008.
4. European Union, Trade in goods with ASEAN (Association Of South-East Asian Nations). [Electronic resource] URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113471.pdf (Accessed: 13.04.2014).
5. Global Economic Prospects 2005: Trade, Regionalism, and Development. – Washington, DC: World Bank, 2005.
6. Gross domestic product 2012 – World Data Bank. [Electronic resource] URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf> (Accessed: 09.04.2014).
7. Gross domestic product in ASEAN, at current prices (nominal), in US dollars. [Electronic resource] URL: <http://www.asean.org/images/resources/2014/Jan/StatisticUpdate28Jan/MacroeconomicsIndicator/Table5.pdf> (Accessed: 08.04.2014).
8. World Development Indicators 2013 – World Data Bank [Electronic resource] URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/WDI-2013-ebook.pdf> (Accessed: 20.04.2014).
9. World Trade Report 2010. Factors shaping the future of world trade. [Electronic resource] URL: http://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/world_trade_report10_e.pdf (Accessed: 08.04.2014).
10. World Trade Report 2013. Factors shaping the future of world trade. [Electronic resource] URL: http://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/world_trade_report13_e.pdf (Accessed: 08.04.2014).
11. АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / Л. Е. Васильев [и др.]. – М., 2010.
12. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / А.А. Байков; отв. ред. А.Д. Богатуров. – М., 2012.
13. Костюнина Г.М. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) // Международная экономическая интеграция: учебное пособие / Под ред. Н.Н. Ливенцева. – М., 2006.

УДК 940.1

Е. П. Тельменко**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕИ «ОБЩЕГО БЛАГА»
В ПРОПОВЕДЯХ ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛЫ**

Статья посвящена социально-экономическим и духовным аспектам толкования принципов «общего блага» флорентийским пророком и реформатором Джироламо Савонаролой.

Ключевые слова: Флоренция, Джироламо Савонарола, реформы, экономика, социум, «общее благо».

E. P. Telmenko**INTERPRETATION OF THE «COMMON GOOD» IDEA
IN GIROLAMO SAVONAROLA'S SERMONS**

Article is devoted to the socio-economic and spiritual aspects of interpretation principles of «common good» by Florentine prophet and reformer Girolamo Savonarola.

Key words: Florence, Girolamo Savonarola, reform, economy, society, «common good».

История Флоренции кон. XV в. тесно связана с личностью доминиканца Джироламо Савонаролы. В критический момент истории флорентийского государства конца 1494 г. – антимедичейский переворот и изгнание Пьеро Медичи, начало Итальянских войн и угроза разграбления города французскими войсками Карла VIII – монах наделил горожан уверенностью в положительной исторической перспективе. Фра Джироламо объявил Флоренцию избранным Богом городом, покровителем которого является Иисус Христос, а себе присвоил статус городского пророка, таким образом «превратившись в главное действующее лицо жизни города» [7, р. 5].

Главной целью этого пророка-реформатора, ведущего народ Флоренции к Господу, было достижение состояния «чистоты» (santità) верующих христиан, «ben vivere» – «добродетельной жизни» горожан, как основного условия обретения божественной благодати. Соответственно, пророчество о будущей судьбе Флоренции, обещание политического и экономического процветания, представлялось в качестве земной награды, знака обретения благодати и благоволения Господа к новому избранному народу.

Здесь следует отметить, что Савонарола, в целом соответствовал традиции, сложившейся в среде нищенствующих орденов, во-первых, мысливших целью проповеди не столько обращение отдельных людей, сколько народа, понимаемого, как некая общность, а, во-вторых, изменивших характер профетологии от апокалиптизма к более оптимистичному миллениаризму, где пророчество становилось эффективным орудием реформирования христианского общества в настоящем.

Проповедник-реформатор, в своих наставлениях пастве, выдвинул четыре условия, необходимые для обретения божественной благодати: страх божий, общественное благо, всеобщий мир и реформа [8, pp. 297, 343–344, 359–360]. Тема «общего блага», к которой обратился доминиканский проповедник, была не нова для Флоренции, эта проблема нашла свое отражение в трудах флорентийских гуманистов, проявивших большую широту взглядов в ее толковании: «общее благо» понималось как благо всего общества, а не отдельной социальной группы [11, с. 303]. Сходные положения можно найти и в проповедях Савонаролы, который, обращаясь к горожанам,

призывал: «О Флоренция, старайся сохранить все и заботиться об общем благе больше, чем о частном, а кто будет заботиться об общем благе, а не о частном, того пожелует Господь благами материальными, духовными и вечными. Кто желает жить по чести, а не по кривде, должен любить общее благо больше, чем собственное, как и любовь творений, поднимаясь от них к Богу, любит более свою первопричину, чем себя самого» [8, р. 222–223]. При этом доминиканец, настаивая на том, чтобы граждане Флоренции поставили коллективный интерес выше личного, указывал на неразрывную связь общего блага с частным: он убеждал горожан, что следуя принципам общего блага, те приобретут больше, нежели руководствуясь своими личными интересами. «Любовь к самому себе должна быть изгнана, – вещал фра Джироламо, – и тогда каждый будет иметь то, что общее для всех, и ты увидишь, что каждый получит свою часть, и таким образом любой добрый горожанин будет стремиться к любви и общему благу» [8, р. 274].

Здесь необходимо отметить, что флорентийский проповедник не был сторонником идей всеобщего равенства и общности имущества. Он следовал традиции, сложившейся в среде богословов XIII–XIV вв. и, практически полностью повторял томистскую концепцию, которая возводила частное право к праву народов, и таким образом доказывала ее законность и естественность [14, с. 157–166]. Джироламо Савонарола указывал на то, что согласно «естественному закону» (*ius naturale*) всякая вещь была общей, однако, затем «появляется *ius gentum* (право народов) и то, что было общим, стало различаться на «мое» и «твое» и это для большего спокойствия людей и для общего блага; и Господь допустил такой порядок, чтобы один обладал большим, а другой меньшим, дабы тот, кто богат, помогал бедному, а бедный терпением заслужил бы Рая» [8, р. 82]. В том, что касается отношения человека к вещам внешнего мира Савонарола, в соответствии с томистской концепцией выделял право владения, а точнее – управления собствен-

ностью и право пользования. В проповедях на Иова, испытания которого Господь начал с того, что отнял у него все имущество, Савонарола использовал слова этого праведника, касающиеся утраты богатства («Господь дал, Господь и взял») для того, чтобы показать пастве, что единственным владельцем, собственником всех вещей этого мира является Бог, человек же выступает в качестве управляющего. «Если бы ты, человек, – говорит проповедник, – считал себя управляющим в этой жизни и распределяющим имущество, которое ты имеешь, и которое не твое, а дано тебе Богом, чтобы ты распорядился им хорошо, ты бы не досадовал о его утрате и потере» [10, р. 88–89]. Сущность права пользования состоит в том, что человек потребляет блага как общие и должен делиться этими благами с другими, соответственно их нуждам. Савонарола в этом вопросе также ссылался на авторитет Св. Фомы, который, согласно флорентийскому проповеднику, «утверждает, что обладание вещами излишними является благом того, кто ими владеет, но не правом пользования ими, и что, если Бог предоставил это богачу, то он дал это ему, чтобы тот раздал все излишнее беднякам» [8, р. 152–153]. Таким образом, богатства даны людям с тем, чтобы они оказывали помощь бедным, передавая им все излишнее имущество и пребывая в состоянии умеренного процветания (*prosperita umile*).

Здесь перед Савонаролой встал очень важный вопрос о мере богатства, который он, как впрочем, и Фома, и другие богословы и проповедники, не смог разрешить, ограничившись указанием на то, что мера потребления должна соответствовать природе, естеству. «Посмотри, – указывает проповедник, – природа не желает никакого излишества...и если как-нибудь это проявляется, это не зовется вещью естественной, но чудовищной. Смотри, что природа учит тебя не желать, а напротив, отторгать излишества» [8, р. 152]. Материальные вещи, безусловно, являются благами для человека, ибо созданы для его тела, которое, в свою очередь, должно служить душе,

поэтому мирские блага, по мысли Савонаролы, являются не столько «основополагающими», сколько «уместными» [10, р. 86]. Призыв монаха обладать таким количеством имущества, которое не превышает естественной необходимости, в одной из его проповедей на пророка Аггея иллюстрируется на примере заболевшего человека, который принимает столько лекарства, сколько ему требуется, и не более. Савонарола укоряет тех людей, которые поступают противным образом: «но вы ищете своей смерти и своего вреда и все делаете против здоровья души своей» [8, р. 336].

Таким образом, собственность, соответствующая общему благу, представляется монахом как раз, как собственность, необходимая для удовлетворения потребностей. Обладание излишними благами, без стремления к их распределению среди нуждающихся, граничит с кражей, о чем, как указывает Савонарола, говорит большинство церковных авторитетов, таких как Св. Августин, Св. Иероним, Св. Василий [8, р. 152]. Таким образом, одним из условий следования общему благу является благотворительная практика как форма проявления любви к Богу и ближнему и способ избегания обществом потопа испытаний, которые могут быть посланы Богом Флоренции.

Следует отметить, что фра Джироламо в проповедях ставил жизнь созерцательную выше жизни деятельной. Однако флорентийский монах поместил в свой мистический корабль спасения, который он закончил возводить вместе с прихожанами в проповеди от 17 ноября 1494 г., людей, как созерцательной, так и активной жизни, поскольку, если первые имеют возвышенный разум и в силах познать вечный закон, то вторые преуспевают в делах милосердия. Последним, по мнению проповедника, для спасения достаточно обладать двумя вещами: любить Бога и ближнего и творить дела милосердия [8, р. 94]. Проявление милосердия является актом свободной воли, но в некоторых случаях становится законом, – говорит Савонарола, опираясь на авторитет Св. Августина. Человек не может не

оказать благодеяния в двух случаях: если он обладает излишним, и если видит, что ближний терпит крайнюю нужду и умирает от голода, иначе он совершает грех [8, р. 151].

Соответственно, представляется не безынтересным вопрос, касающийся эмоциональной окраски благотворительности, которая трактуется проповедником как акт радости. Так, взяв за основу нескольких своих проповедей Псалом 111 (*Beatus vir*), Савонарола, чтобы осветить означенную выше связь, обратился к стиху «*Bonus est homo, qui miseretur et commodat*» (Пс. 111:5: «Добрый человек милует и взаимы дает»), – и привел несколько его переводов: так Св. Иероним перевел его как «*bonus homo*», то есть «добрый человек»; Св. Августин – «*suavis homo*», то есть «приятный человек»; общепринятый перевод – «*iocundus homo*» – то есть «радостный человек». Итак, – говорит проповедник, – подумаем немного над всеми этими тремя словами, то есть *bonus*, *suavis*, *iocundus*, что все они проистекают от этого милосердия и того, кто является человеком милосердным» [8, р. 158]. Что касается последнего толкования, а именно того, что милосердный человек является радостным, Савонарола выделил три источника этого ощущения. Во-первых, милостыня, поданная охотно и из любви к Богу и ближнему, доставляет огромное наслаждение и радость. В доказательство фра Джироламо приводит следующее рассуждение: «Когда некто передает свое (добро) другим с охотой, это значит, что он любит то, что он дал другому, или, что он любит того, кому предоставил дар; и поскольку любовь есть вещь, объединяющая и переносящая любящего в любимое, поэтому это состояние щедрого подателя есть вещь, доставляющая наслаждение. Вторым источником радостного ощущения является то, что человек милосердный имеет доброе имя и добрую славу в народе, и потому обладает высшей степенью совершенства (*eccellenza*) среди людей, а, – согласно проповеднику, – «так как высшая степень совершенства является вещью, доставляющей удовольствие, то в результате, этот человек становится

радостным и счастливым». «В-третьих, – утверждал фра Джироламо, – человек становится радостным через познание, а когда он отдает свое добро посредством милостыни, в нем зарождается познание жизни иной, следовательно, это делает человека радостным и счастливым» [8, р.160–161].

Итак, Савонарола рисует в проповедях идеальный образ «доброго богача», который в отношении тех вещей, которыми обладает, должен ощущать себя не собственником, но управляющим Господа; ему не следует стремиться к излишествам, любя Бога, а не пустые вещи; кроме того, он, как истинный христианин, должен любить своих ближних и творить дела милосердия, делясь тем, что превышает его необходимость.

С другой стороны, в выступлениях доминиканца представлен тип «доброго бедняка». Такой человек, – по мысли фра Джироламо, – испытывая мучения, не должен роптать на других, ему следует понимать, что страдания являются следствием его грехов; этот человек должен поручить себя Богу и молиться за тех, кто оказал ему помощь в нужде. Кроме того, монах поучает бедных прихожан не брать милостыню больше необходимого, в противном случае вернуть излишек; не принимать милостыню, если они не ощущают большой нужды, или «в силах испытать другой путь», то есть работать [8, р. 141–142].

Как видим, тема общего блага, затрагивала насущные социальные и экономические вопросы городской жизни. Но здесь монах не вышел за рамки сложившейся среди церковных проповедников его времени традиции. Отрицая жажду приобретения и наживу как самоцель, Савонарола не являлся и апологетом бедности, оправдывая богатство в его умеренных проявлениях с обязательным обращением к благотворительности. Её Савонарола понимал, прежде всего, как обычное подаяние в виде милостыни и раздачи хлеба. Видимо, ни одна религиозная процессия в период духовного лидерства приора монастыря Сан Марко не обходилась без пожертвований в адрес бедных. Современники

событий оставили нам красочные описания подобных актов. Так, торговец Лука Ландуччи в своем «Дневнике», обращаясь к событиям карнавала 1496 г., преобразованного монахом и его сторонниками в духовное празднество, отмечал проявления значительной щедрости: «казалось, что каждый хотел отдать все, что он имел, и особенно женщины», милостыня «была оценена во многие сотни флоринов». При этом автора, описывающего подобные мероприятия, восхищала не столько величина собранного подаяния, сколько эмоциональный настрой граждан, являвших собой пример великой любви и милосердия, и дающих «без жадности» все, вплоть до козынок и полотенец [6, р. 125]. Другой автор – биограф Савонаролы, фра Пачифико Бурламакки, отмечал, что пожертвования «каждый год значительно росли и умножались», а их сбору способствовали *elemosinieri* («собирающие милостыню») – специальные представители «детских отрядов», созданных в городе на Арно под покровительством фра Джироламо. Эти *elemosinieri* в обычные дни и во время карнавалов дежурили у алтарей «с крестом и яркими светильниками» и, обращаясь к прохожим, «брали прекрасный сосуд, поставленный на алтарь, и, поклонившись, с величайшим почтением просили милостыню для бедняков, и каждый подавал, сколько пожелал»; при совершении же процессий они «несли сосуды для сбора милостыни для стыдливых бедняков», а после передавали ее в распоряжение религиозному братству «Добрых мужей Св. Мартина» для распределения среди нуждающихся [5, р. 122–123; 131, 134]. Итак, трезвомыслящие и расчетливые деловые люди Флоренции, прежде склонявшиеся к «упорядоченным и рациональным формам проявления веры» [13, с. 46–47], предались религиозной экзальтации, сопровождавшейся к тому же неумеренной щедростью, изумлявшей их самих.

Действия доминиканца, направленные на поощрение различного раздачи, в целом соответствовали принципам общего блага, но коренным образом не решали стоящих перед обществом социально-эко-

номических проблем. На фоне этих широко распространенных в савонаролианской Флоренции практик милосердия, заявления монаха о необходимости открыть боттеги (ит. bottega – мастерская, где производились ткани по типу смешанной мануфактуры) и дать работу бедным, выглядят довольно бледно. «Подойди сюда, – обращается, видимо, к своим оппонентам Савонарола, – ты, кто говорит, что я не желаю, чтобы работали, и что я смущаю народ..., ты плохо слушал: я проповедую это открыто и приватно, побуждая многих к работе..., если бы я не делал этого, многие не работали бы так, как трудятся в это тяжелое время» [9, р. 38–39].

Здесь следует отметить, что воплощение принципа общего блага, согласно проповеднику, заключалось не только в помощи бедным, но и государству. Так, Савонарола призывал флорентийцев возвратить свои долги частным лицам и республике: «Каждый обязан возместить то, что им несправедливо было захвачено у частных лиц или у коммуны» [8, р. 255–256]. Монах, рассуждая в одной из проповедей на пророков Амоса и Захарию о ростовщичестве, укорял граждан в нежелании предоставить обществу безвозмездный заем: «Скажи мне: кто защитит дом твой, имущество, жизнь, семью, если не коммуна? А ты ей даешь в долг, если ей это необходимо. Следует стремиться, говорю, предоставлять безвозмездно» [9, р. 230]. Кроме того, в своих выступлениях флорентийский монах проводил мысль о необходимости ограничения ссудного процента за счет основания «Монте ди Пьета» – дешевого ломбарда, который взимал бы 5–7 % годовых вместо 32,5 %, что и было введено 28 декабря 1495 г. [5, р. 128–129; 15, с. 121; 12, с. 227–229]. Савонарола проповедовал также необходимость установления таких налогов, когда граждане «платили бы справедливо, по благам, а не по произволу» [8, р. 223–224]. В соответствии с этой мыслью монаха во Флоренции 5 февраля 1495 г. был принят закон, отменявший экстраординарные поборы и вводивший дециму – единый налог с 1/10 стоимости недвижимого имущества [6, р. 99].

Поддержка авторитетным проповедником возврата долгов коммуне, введения ограничения процентов по ссудам и установления справедливого налога – все это должно было повлиять на реальное улучшение экономической ситуации в республике. Однако и здесь монах вполне традиционен, во многом повторяя практику и предложения своих предшественников. Кроме того, увещания доминиканца в необходимости благотворительности, как в адрес отдельных лиц и групп, так и всего государства имеют ярко выраженную этическую составляющую: практически все действия, к которым призывал проповедник для достижения «bene comune» в социальной и экономической сферах, по сути, направлены на культивирование «ben vivere» граждан Флоренции, представляющих в своей совокупности общее мистическое тело, главной целью которого является обретение божественной благодати.

Реакция общественного окружения Савонаролы на его действия в этой области заслуживает отдельного рассмотрения и требует более глубокого анализа. Здесь же ограничимся указанием на ее разнообразие и отдельные качества. Так, в ряде публичных писем оппоненты брата критиковали его за поддержку и стимулирование отягощающей граждан финансовой политики государства. Например, один из противников монаха – Франческо Альтовити, упрекая пророка-реформатора, заявлял: «...когда по-новому реформировалось государство, он утверждал, что не будет больше отягощений, и затем были введены тяжелейшие налоги и габеллы и общественные платежи, чем были в каком-либо другое время» [1, р. 142]. «Вы обещали, – пенял Савонароле другой анонимный автор, – что при новом управлении, сотворенном Богом, больше не будет никаких непомерных налогов (balzello)..., а случилось противоположное» [4, р. 127]. Кроме того, введенный монахом режим, заменявший светские увеселения религиозными процессиями и постами, также получил специфическую интерпретацию в трудах его критиков, которые обвиняли Савонаролу в том, что он своими практиками способствует обедне-

нию части флорентийских граждан. Так упомянутый выше анонимный оппонент доминиканца, в полемическом задоре, писал, что брат организует «великое множество постов, так что мясники вопиют о том, что пойдут по миру», а Альтовити, желая подчеркнуть «жестокость» этого флорентийского проповедника, указывал, что тот «является постоянным врагом бедняков, и, проповедуя, не желает, чтобы богатые тратились на праздники, бракосочетания или на званые обеды – дружеские и скромные, с тем чтобы бедные ремесленники не смогли получить какого-либо заработка» [4, р. 132; 1, р. 145].

Несомненно, практика участия в раздачах милостыни, будучи следствием религиозного порыва, реализовывала потребность состоятельных и предприимчивых горожан в катарсисе, духовном очищении. Но, в свою очередь, последователи доминиканского монаха – «плаксы», которые на время, – как образно выразилась итальянская исследовательница А. Бенвенути, – «ослабили завязки кошелька и души» [2, р. 169], очевидно, ощущали необходимость в более радикальных мерах по оживлению флорентийской экономики.

Так, в трактате савонаролианца Д. Чекки, относящемся к 1496 г., отмечается негативная тенденция, ведущая к закрытию боттег и, соответственно, к сокращению рабочих мест в городе. Чекки указывал, что средства, имеющиеся у горожан, не вкладываются активно в производство и тор-

говлю, а перекачиваются из производства и торговли в банковские депозиты и приобретение недвижимости [3, р. 204-205]. Этот сторонник брата представил свой политико-религиозный проект превращения Флоренции в «город Господа Бога». Согласно его мысли только активная предпринимательская деятельность, когда «деньги оборачиваются по сему городу шесть раз в день», может способствовать укреплению общего блага, поскольку таким образом возникнут новые рабочие места и бедняки смогут прокормиться. «Если каждый богатый откроет 2–3 боттеги или лавки и будет много торговать и накапливать ежегодно, тогда и неимущий будет призван богатым для работы, и про доброго торговца скажут бедные: «Он делает хорошо для народа и коммуны, и если я соединюсь с ним, я тоже заработаю» [3, р. 204]. Позиции этого флорентийского горожанина очевидны: позитивная оценка стремления к накоплению и приумножению средств; толкование социальной благотворительности как организации большего количества новых рабочих мест. Представляется, что подобного импульса жителям Флоренции не хватало от своего духовного лидера, который, как показывает изложенный выше материал, не смог выйти за рамки традиций современного ему богословского мышления и сформулировать религиозно-этические принципы, отвечавшие новым запросам торгово-предпринимательской прослойки горожан.

Литература

1. Altoviti, F. *In difesa de' magistrati e delle legge e antiche cerimonie al culto divino della città di Firenze contro alle invettive e offensione di Fra Girolamo* // Garfagnini, G.C. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. – Firenze, 2000.
2. Benvenuti, A. *I Bruchi di Frate Gerolamo. L'eversivo anacronismo del Savonarola* // Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19-20 ottobre 1996) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze, 1997.
3. Cecchi, D. *Riforma santa e preziosa per conservazione di Firenze* // Mazzone, U. *El buon governo: un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana*. – Firenze, 1978.
4. *Epistola responsiva a frate Ieronimo da Ferrara dell'ordine de'frati predicatori da l'amico suo* // Garfagnini, G.C. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. – Firenze, 2000.
5. *La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti*. – Firenze, 1937.
6. Landucci, L. *Diario fiorentino : dal 1450 al 1516: continuato da un anonimo fino al 1542 / pubblicato sui codici della Comunale di Siena e della Marucelliana con annotazioni da Iodoco Del Badia*. – Firenze, 1883.

7. Leonardi C. *La crisi della cristianità medievale il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola*// *Verso Savonarola: misticismo, profezia, empiti riformistici fra Medioevo ed Età moderna. Atti della giornata di studi (Poggibonsi, 30 aprile 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini, Giuseppe Picone.* – Firenze, 1999.
8. Savonarola, Girolamo. *Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della città di Firenze / a cura di Luigi Firpo.* – Roma, 1965.
9. Savonarola, Girolamo. *Prediche sopra Amos e Zaccaria / a cura di Paolo Ghiglieri.* – Roma, 1971. – Vol. 2.
10. Savonarola, Girolamo. *Prediche sopra Giobbe / a cura di Roberto Ridolfi.* – Roma, 1957. – Vol. 1.
11. Брагина Л.М. Самосознание флорентийцев по сочинениям гуманистов XV в. // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей.* – М., 2000. Виллари П. Джироламо Савонарола и его время: В 2 т. в 1 кн. /пер. с итал. Д. Н. Бережкова. Репринт. воспроизведение изд. 1913 г. – М., 1995. – Т.1.
12. Краснова И. А. Влияние культуры Возрождения на духовную жизнь флорентийцев // *Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи.* – М., 1997.
13. Кудрявцев О. Ф. Схоласты о собственности // *Средние века.* – М., 1990. – Вып. 53.
14. Ченти Т. С. Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. Джироламо Савонарола. Молитвы из темницы. – М., 1998.

УДК 947[470.6]

А. С. Ткаченко

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ И КАРТОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

Статья рассматривает вопросы исследования Северо-Кавказских этнических групп с точки зрения реализации российских геополитических интересов в регионе российскими научными кругами и имперскими военными практиками.

Ключевые слова: военно-политическая история Северного Кавказа, историко-литературные описания, военная администрация, Академические экспедиции, картографирование.

D. S. Tkachenko

THE NORTH CAUCASUS ETHNIC GROUPS IN HISTORICAL NARRATIONS AND CARTOGRAPHICAL DESCRIPTIONS PERFORMED IN THE LAST DECADES OF THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XIX CENTURIES

The article focuses on the issues of the Caucasus ethnic groups' investigation by the Russian scientists and military authorities from the point of view of the Russian Empire's geopolitical interest realisation.

Key words: Military and Political History of the North Caucasus, historical narrations, the Military Authorities, Academicals expeditions, cartography.

Северный Кавказ в XIX веке являлся одним из наиболее изученных регионов Российской Империи. С XVIII в. в регионе нарастало российское присутствие, в свя-

зи с чем военной и гражданской администрации необходимо было знать не только географию местности, но и все стороны жизненного уклада своих союзников и про-

тивников. Это стремление стало движущей силой в организации разносторонних исследований Кавказа.

Первые попытки узнать далекую южную окраину относятся еще к середине XVI в. – времени заключения вассально-дружественных договоров с кабардинскими и ногайскими князьями. Они, однако, не носили сколько-нибудь научный характер, ведь договоры не устанавливали прямой власть московского царя на территории присягнувших ему на верность народов, и сведения о землях новых союзников в Московском царстве были очень туманными. Показательно, что одна из карт начала XVII в. размещала Кабарду на Юго-восточном побережье Азовского моря, а «Пятигорье» в районе современного Маныча [6]. По справедливому замечанию современного американского исследователя Чарльза Кинга, создавая систему своей этнической классификации, русские исходили из прагматической идеи. В основу ее была положена лояльность местных народов к политике России. Московских стратегов со времен походов на Терек воевод Бутурлина и Плещеева волновали не столько реальные этнические, культурные и лингвистические корни местных народов, сколько то, выступит ли данная группа «туземцев» против русских или против Крымских татар, а позже – на чьей стороне будет местный владетель в очередной Русско-Турецкой войне. Для тех же, кто не принадлежал какому-то владетелю использовался аморфный термин «горец». «За рамками этого российская военная элита мало что знала» [2, p.101].

Подход к изучению Северного Кавказа принципиально не изменился вплоть до конца XVIII в. Даже знаменитый Азовский поход Петра I позволил уточнить только географию небольшого участка Северного Кавказа – района от Аграханского залива до Дербента. В это место высадились русские войска, а позднее была основана крепость Св. Крест. Карты остальной части Кавказа в петровские времена, изобилуют географическими ошибками. Например, северные иранские провинции представ-

лялись продолжением Кавказского побережья, а между Кабардой и Кахетией – в районе горы Казбек – изображена огромная долина вместо горного хребта [16]. Подобные ошибки ярко показывают уровень осведомленности в России о положении дел на Северном Кавказе.

Только с конца XVIII в., в связи с активизацией внешнеполитической деятельности на Южном направлении, начинается серьезное научное изучение Северного Кавказа. Основанная во второй половине XVIII в. Академия Наук начала организовывать экспедиции в регион. Они ставили перед собой задачи проведения обширных комплексных исследований. Благодаря деятельности академиков немецкого происхождения, в России уточняются не только географическое положение земель, но и описывается рельеф, исследуются полезные ископаемые и ресурсы. Так, по распоряжению Г.А. Потемкина, астраханским военным губернатором И. В. Якоби и полковником Генерального штаба Германом фон Ферзеном была обследована местность от Моздока в северо-западном направлении к Азовскому морю. Данные, собранные ими легли в основу знаменитого проекта создания Азово-Моздокской линии.

Однако официальные карты Кавказа, бывшие в это время в ходу в Российской империи, продолжали грешить неточностями. Характерной ошибкой было увеличение Каспийского и уменьшение Черноморского побережья Кавказа, незнание точной длины и конфигурации рек, из которых наиболее подробно была представлена лишь одна р. Волга [13]. Следует отметить, что данные ошибки в русской картографической традиции закрепились надолго и повторялись даже на многих картах, составленных после вхождения Предкавказья в состав России [11].

На момент создания Азово-Моздокской Линии недостаточная изученность региона привела к путанице в нумерации и расположении крепостей, часть из которых в последствие либо быстро утратила свое значение, была перенесена на другое место или вообще упразднена. Интересно отметить,

что в потемкинском проекте последней крепости (под № 10) в районе между Егорлыком и Манычем из всех фортификационных сооружений Линии придавалось наиболее важное, ключевое значение. Однако после детального изучения на практике характера местности между Кубанью, Кумой и Манычем эта крепость за ненадобностью вообще не была построена, а деньги, требовавшиеся на ее строительство, было решено израсходовать на возведение Константиногорского фортификационного сооружения в Пятигорье.

В целом, систематические исследования Северного Кавказа активизировались с конца XVIII в., когда реальная граница российского государства прошла по землям Предкавказья. Освоение Кавказа требовало не простого завоевания территорий, но и проведения особой культурной и национальной политики по отношению к проживавшим здесь народ. Необходимо было комплексное изучение народов, населявших регион. Таким образом, на рубеже XVIII–XIX вв. оформилось «военно-разведывательное» направление описания территорий и племен Кавказа. Оно, практически не изменяясь, просуществовало всю первую половину XIX в. вплоть до завершения Кавказской войны.

Одним из первых о северокавказских этносах упоминал еще П. С. Потемкин-Кавказский, наместник и инициатор колонизации Предкавказья. Составленное Потемкиным «Краткое описание о кабардинских народах» получило значительное распространение в рукописном виде. Оно представляет собою разностороннюю характеристику кабардинского народа, в нем описаны формы правления, нравы, религия, обряды, пища, одежда. В сочинении впервые встречается сообщение об аталычестве. Ценность труда состоит в том, что Потемкин, живя длительное время на Кавказе, писал о том, с чем был знаком непосредственно.

Основанная в конце XVIII в. Академия Наук также занялась сбором сведений о Северном Кавказе. Экспедиции на рубеже XVIII–XIX вв., названные «академиче-

скими», проводились по специальной программе исследования малоизвестных, а то и вовсе неизвестных территорий иностранцами на российской службе.

Наибольшую известность получила экспедиция 1768–1773 гг. под общим руководством академика Петра-Симона Палласа. Отряды, входившие в ее состав, фактически действовали самостоятельно. 1-ю и 2-ю Астраханские экспедиции возглавили С. Г. Гмелин и И. А. Гильденштедт. Каждый из отрядов должен был исследовать природные богатства определенных территорий, дать оценку перспективам их экономического освоения. В пограничных регионах империи производилась политическая рекогносцировка, подразумевавшая упрочение позиций Российского государства. Инструкции, составленные Медицинской, Коммерции и Берг-коллегиями, Вольным экономическим обществом, предписывали руководителям экспедиций обращать пристальное внимание на условия для разработки месторождений полезных ископаемых, для развития земледелия, а в южных районах – и виноградарства, на перспективы торговли, качество воды в источниках, а также изучать целебные свойства минеральных источников и болезни местного населения. В дополнение к этому академическая инструкция предписывала углубляться в отдаленные уголки обследуемых районов и наблюдать там нравы местных жителей, их «светские и духовные обряды», записывать «древние повести» народов. Задачей Гильденштедта было так же установление контактов с местными правителями [2, р. 102].

Первоначально предполагалось обследование Кавказа в пределах Астраханской губернии того времени, что и было поручено И. А. Гильденштедту. Однако по предложению С. Г. Гмелина программа исследований была расширена, и работы распределились между двумя учеными: Гмелин отправился обследовать побережье Каспийского моря, Гильденштедт – Северный Кавказ и Грузию.

Судьба отрядов, вошедших в «академическую экспедицию», сложилась по-разному: экспедиция Гмелина бесследно исчезла

на Северо-Восточном Кавказе. И. А. Гильденштедт побывал в районе Кизляра, в Кабарде, Осетии, Грузии. Собранные им всевозможные сведения о народах, живущих близ Кавказской линии: черкесах, абзах, ногайских татарах, балкарцах и карачаевцах, а также замечания общего характера о кистинах, ингушах и осетинах легли в основу фундаментального труда «Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг.» [7]. Заслуга исследователя была многогранна. Несмотря на то, что не Гильденштедт придумал используемые им этнонимы: Кабарда, Дагестан, Осетия, «никто до него не догадался четко обозначить границы их земель и требовать величайшей точности в использовании географических названий» [2, р. 103].

Труд Гильденштедта был продуктом своей эпохи, отражая «страсть Просветителей к описательству» [2, р.103.]. Автор рассортировал этносы и их территории по логичным в условиях XVIII в. категориям, не задумываясь над объяснением самих принципов категоризации. Где-то он давал пространные описания, а в чем-то ограничивался лишь несколькими чертами, что в целом устраивало научные круги того времени. Он очень неаккуратен и непостоянен при использовании этнических терминов и особенно в их написании. В результате сильной стороной его работы стало деление Кавказа на географические зоны, описание их природы и условий, а слабой – описание морали и обычаев населявших их народов [2, р.103].

Вместе с тем исследователь не дожидаясь публикации своего труда, а после его смерти у Академии Наук на руках осталась лишь кипа выписок и плохо систематизированного материала. Позднее, Петр-Симон Паллас, обобщил, дополнил и исправил материалы Гильденштедта в труде «Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.», где привел дополнительные данные об адыгах, кабардинцах, абазинах, ногайцах, осетинах, ингушах, чеченцах и сванах. Однако к моменту издания этой работы, ситуация в приграничье радикально изменилась и территории, которые были только обозначены

Гильденштедтом как зона российских интересов, вошли в состав расширяющейся империи. Это стало основанием для организации нового исследования Кавказского приграничья.

В начале XIX века было совершено последнее, предпринятое Академией наук и порученное иностранцу путешествие в целях изучения Кавказа. В 1804 г. Генрих-Юлиус фон Клапрот был приглашен русской Академией наук и был командирован на Кавказ для историко-филологических и этнографических исследований. Кроме этнографических описаний, он должен был дать оценку того, какие народы могут управляться Россией, а кого «из-за их грубых нравов» или каких-то иных материальных соображений лучше оставить за рамками влияния Санкт-Петербурга. Заодно следовало обратить внимание на местных правителей не только с точки зрения того, кто будет полезен экспедиции, но и кто будет полезен интересам Российской политики [2, р.104]. Теперь Академия Наук составила для экспедиции четкие критерии описания приграничья: ее интересовали вопросы политики и практической деятельности, география и этнология и даже проверка сведений Античных авторов.

Клапрот был на Северном Кавказе дважды – в 1807 и 1808 гг. Выехав в сентябре 1807 г. из Петербурга, он в конце ноября был в Ставрополе и Георгиевске. После чего посетил район Пятигорья и развалины Маджара. В 1808 г. Клапрот посетил Кабарду, проехал вдоль Кавказской военной линии до устья Лабы, затем вернулся в Ставрополь, откуда по зимнему пути, через Черкасск, Воронеж, Тулу и Москву направился в Петербург, куда прибыл в январе 1809 г.

Имея научные познания в самых различных областях, Клапрот с успехом справился со стоящими перед ним на Кавказе сложными научными задачами. В частности, ему принадлежит заслуга подробного описания племенного состава населения Северного Кавказа, этнографии горских народов, их хозяйства, социально-политического строя, нравов и обычаев. Свое путешествие на Кавказе Клапрот описал

в обширном двухтомном труде, изданном в 1812 г. за границей на немецком языке (в Галле и Берлине), который практически сразу же был переведен на другие европейские языки [3]. При этом, по справедливой оценке Ч. Кинга, «Клапрот покинул Петербург как этнограф, заинтересованный в исследовании неведомых народов, а вернулся в него как стратег, обдумывающий пути их покорения» [2, р. 105].

Сведения, собранные академиками-иностранцами, носили больше научный, чем прикладной характер, и были больше известны не в России, а за рубежом иностранной общественности. Не удивительно, что уже в 1788 г., взяв за основу труды Гильденштедта, Паласса и «ряд заметок о Грузии», английский исследователь Джордж Эллис составил карту земель, «расположенных между Черным и Каспийским морями», снабдив ее обстоятельными комментариями [1]. Карта была составлена столь детально, что, кроме всех укреплений российской Азово-Моздокской линии, на ней были отмечены даже колодцы в ногайской степи. Карта содержала лишь одну грубую ошибку – искажала линию Черноморского побережья в районе Анапы и Суджук-Кале (Новороссийска). Академические экспедиции в силу особенностей социально-политического развития черкесских племен, находившихся в это время в состоянии постоянных межплеменных конфликтов, не могли затронуть Закубанье. Поэтому Гильденштедт, ехидно комментировавший, что если бы он даже в относительно спокойной Кабарде «не соблюдал всевозможную осторожность и осмотрительность, то... наверняка стал бы мучеником естественной истории» [7, с. 39], не описал береговую линию. Английскому составителю карты пришлось воспользоваться искаженными сведениями почти тысячеклетней давности и взять за основу античных авторов – Страббона, Плиния и Птолемея [1, р. IV]. Несмотря на это, английская карта по своей точности намного превосходила существовавшие одновременные с ней российские образцы [14].

Ситуация с популяризацией знаний о Северном Кавказе изменилась в первой половине XIX в. Российские исследователи этого времени, принимавшие, по большей мере непосредственное участие в Кавказской войне, оставили богатый литературный материал.

В 1803–1810 гг. по инициативе министерства иностранных дел российский исследователь С. М. Броневский составил фундаментальный труд «Новейшие известия о Кавказе», где привел не только географические и этнографические описания северокавказских народов, но и проследил историю их взаимоотношений с Российским государством. Перед С. М. Броневским стояли непростые задачи: прежде всего он должен был свести воедино все существовавшие в ту пору сведения о Кавказе, разбросанные по разным источникам, а также ознакомить чиновников царской администрации с историческим прошлым региона и положением дел в нем накануне первой русско-иранской войны [1804–1813]. Автор стремился показать успехи и неудачи политики Российского государства на Кавказе, объяснить причины проникновения России в этот край, рассказать о его природных богатствах и ресурсах, отметить своеобразие воспитания горцев, а также уклада их жизни. В 20-е гг. XIX в. труд С. М. Броневского был не только опубликован, но и лег в основу составления детальной этнической карты Северного Кавказа [12]. Карта точно локализовала этнические территории проживания северокавказских народов, отмечала города и станицы и была составлена довольно скрупулезно. Ее составитель не позволял себе делать отступления от текста С. М. Броневского, и если в нем не содержались необходимые для картографирования сведения, честно писал: «Земля безымянная» [12].

Однако белых пятен на карте Кавказа оставалось еще очень много. Недостаток в знаниях о конфигурации Черноморской береговой линии – так называемого «черкесского берега» – обусловили в первой половине XIX в. поиски в этом направлении.

Летом 1818 г. находившийся на службе у Российского правительства французский исследователь Тебу де Мариньи на шхуне «Черкес» совершил разведывательную экспедицию от Севастополя до Геленджика; этнографические, географические и историко-культурные сведения, собранные им во время экспедиции, были тщательно систематизированы и опубликованы [18]. Несмотря на чисто военные цели своей разведывательной акции, являясь ярким противником эскалации военных действий в Закубанье, Мариньи писал: «Какие плоды можно получить от войны против этих воинственных народов в неизведанной стране, к которой трудно подступиться, которая полна ущелий и бесчисленных лесов, жителям которых нечего терять?» [18, с. 77].

Идея создать береговую линию укреплений вдоль Черного моря, высказанная императором Николаем I, активизировали в 30-е гг. XIX в. военно-разведывательное изучение побережья. Этим вопросом теперь, в отличие от академиков XVIII в., занялись военные. Наиболее известный и яркий труд проделал офицер кавказского корпуса Ф. Ф. Торнау. В 30-е гг. он по заданию Генштаба провел секретную разведывательную миссию среди закубанских горцев – под видом горца, выдавая себя за чеченца Гасана, пробрался за Линию из Абхазии на Черноморское побережье для сбора сведений о Северо-Западном Кавказе. Торнау совершил 2 экспедиции, о которых стало известно даже в Турции, но во время последней попал в плен к «беглым кабардинцам» и стал прообразом знаменитых «кавказских пленников». Бежав из плена, он опубликовал свои наблюдения не только в официальном отчете, но и в целой серии записок, которые давали яркое представление о жизненном укладе и быте кавказских народов, методах ведения войны [17].

Кроме исследователей-практиков в первой половине XIX в. появились и обобщающие кавказоведческие труды. Наибольшую известность имела работа, проделанная в 1834 г. И. Бларамбергом, ставшая основой его труда – «Историческое, топографи-

ческое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа» [4]. Будучи офицером генштаба И. находился в Тифлисе при командующем армией и имел доступ к описаниям и этнографическим материалам, составленным до него. Он совершил ряд экспедиций в Ставрополь, Пятигорье и на их основе составил энциклопедический труд. И. Бларамберг проделал огромную этнолингвистическую работу и создал одну из первых классификаций северокавказских народов, которая до сих пор представляет для ученых определенный интерес. Современники-военные засекретили его труд, который использовался в военных целях.

На основе полученных в первой половине XIX в. данных Генеральным штабом были составлены первые детальные карты Северного Кавказа.

Военные топографы, следуя со своими армейскими частями в экспедициях, составили большое количество точных карт – сначала маршрутов, пройденных войсками по разным направлениям. Эти карты, несущие на себе исключительно военное содержание – измерение в днях пройденного военной частью пути, по ширине охвата местности не могли быть более нескольких верст, становились, при всей своей ограниченности, тем не менее, первыми точными путеводными нитями на практически неизвестной кавказской «Terra Incognita», начавшейся для русских сразу за границей Кавказской области. Маршрутные карты, содержащие, кроме рельефа местности, еще и сведения о горских обществах и аулах, со временем становились материалом для обобщений. Знания постепенно накапливались, и схемы маршрутов из примитивных описаний все больше превращались в географическую карту региона, которая могла быть очень детальной [8]. На основе подобных маршрутных карт генеральный штаб проделал основательную топографическую работу. Так, например, в 1836 г. корпусный топограф поручик Колоколов составил обзорную «Карту Российских владений за Кавказом», а позднее военно-исторический отдел Кавказской ар-

мии составили «Военно-историческую карту восточного Кавказа» [5].

Для своих же внутренних нужд Кавказский корпус имел достаточно сведений, чтобы в 30–40 гг. XIX в. составить детальную контурную карту Северокавказских земель [15], на которую по мере необходи-

мости наносились этнографические, социально-экономические или чисто военные данные [10].

Со временем собранные военными сведения и составленные ими карты становились доступны и для гражданского населения Кавказа.

Литература

1. Ellis G. *Memoir of a Map of the Countries comprehended between the Black Sea and the Caspian*. – London, 1788.
2. King Charles. *The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus*. – NewYork, 2008.
3. *Travelers in the Caucasus and Georgia Performed in the Years 1807 and 1809 by Commands of the Russian Government by Julius von Klaproth*. – London, 1814.
4. Бларамберг И. *Кавказская рукопись*. – Ставрополь, 1992.
5. *Военно-историческая карта Восточного Кавказа, составленная военно-историческим отделом // Исторический очерк кавказо-горской войны в Чечне и Дагестане / Сост. редактор военно-исторического отдела, подполковник С. Эсадзе*. – Тифлис, 1909.
6. Герритс Г. *Карта России Гесселя Герритса с планом Москвы*. 1613г.
7. Гильденштедт И.А. *Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг.* - СПб., 2002.
8. Духовский С. *Даховский отряд на южном склоне Кавказских гор в 1864 году*. – СПб., 1864. Карта к описанию военных действий Даховского отряда.
9. *Карта движения главного действующего отряда в 1845 г. от крепости Внезапной к Герзель-аулу // Кавказский сборник. Т.VI*. – Тифлис, 1882.
10. *Карта Кавказского Края, составлена при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса*. – Тифлис, 1842.
11. *Карта Кавказского Наместничества и земли Донских и Черноморских казаков // Атлас Российской империи, состоящий из 52 карт, изданный во граде Св. Петра в лето 1796 г.* – СПб., 1796.
12. Максимович Г.Д. *Карта Кавказских земель и части Великой Армении, изданная Семеном Броневским к описанию Кавказа*. – СПб., 1823.
13. *Положение мест между Черным и Каспийским морями, представляющее Кубань, Грузинскую землю и остальную часть Волги с ее устьем // Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями*. – СПб., 1745.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.192. Оп.1. Д.30. (Положение мест между Черным и Каспийскими морями, представляющее Кубань и горские земли, а так же часть реки Волги с ее устьем).
15. РГАДА. Ф.192. Оп.1. Д.60. (Карта Кавказского края с приграничными землями, составлена при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1834 г.).
16. РГАДА. Ф.192. Оп.1. Д.26. (Западный берег Каспийского моря с прилежащими странами, как то Большая и Малая Кабарда, Кахетия, Грузия, Армения).
17. Торнау Ф.Ф. *Воспоминания Кавказского офицера*. – М., 2008; Он же. – *Воспоминания русского офицера*. – М., 2002.
18. Тэбу де Мариньи. *Путешествие по Черкесии*. – Нальчик, 2001.

УДК 378.147:[37.68:947](470.63)

А. Е. Трегубов

СТУДЕНЧЕСКИЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОТРЯДЫ СТАВРОПОЛЬЯ: ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ (К 55-ЛЕТИЮ ДВИЖЕНИЯ ССО)

В статье анализируются исторические условия возникновения общегосударственной тенденции 1950-х гг. – формирование движения студенческих стройотрядов и ее проявление в Ставропольском крае.

Ключевые слова: история, студенческие строительные отряды, комсомол.

A. E. Tregubov

STUDENT CONSTRUCTION TEAMS OF STAVROPOL: THE PECULIARITIES OF APPEARANCE AND DEVELOPMENT. (TO THE 55-TH ANNIVERSARY OF THE MOVEMENT SCT)

The article analyzes the historical conditions of occurrence of national trends 1950s – formation of the movement of student construction teams and its manifestation in the Stavropol territory.

Key words: history, student construction teams, comsomol.

В наступившем 2014 году исполняется 55 лет студенческим строительным отрядам (ССО), внесшим огромный вклад как в дело нравственно-патриотического воспитания студенческой молодежи, так и в развитие народного хозяйства страны. Не случайно сегодня, спустя более полувека после зарождения, студенческие отряды, пережив кризис 1990-х – начала 2000 гг., успешно продолжают свою деятельность.

О заинтересованности государства в совершенствовании движения студенческих отрядов, что является одним из основных условий для его развития, говорится в Послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному собранию 2012 г. [13]. Правовой статус студенческих отрядов установлен рядом законов, в том числе Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 329-ФЗ. (в ред. от 03.02.2014 г.) «Об образовании в Российской Федерации» [25]. Министерство образования и науки Российской Федерации на заседании коллегии в июле 2013 г. определило задачи в области совершенствования молодежной политики, решение которых связывается, в том числе с участием студентов в ССО [11].

Были приняты ряд других решений, комплекс которых позволяет сделать вывод о том, что государство создало необходимую базу для развития студенческих отрядов.

Вместе с тем, создание правовой базы является обязательным, но недостаточным условием для развития студотрядов. Для достижения ожидаемого результата, т.е. максимального раскрытия созидательного и воспитательного потенциала ССО, необходимо выполнение второго условия – наличие у студентов готовности и желания работать в стройотрядах. Увеличение численности всероссийского студенческого отряда с 130 тыс. чел. в 2004 г. до 505 тыс. чел. в 2013 г. [9] свидетельствует о выполнении и этого условия. Аналогичные процессы воссоздания студенческих отрядов идут и на Ставрополье. Так, численность краевого студенческого отряда увеличилась с 1674 чел. в 2000 г. до 9672 чел. в 2013 г. [8].

Таким образом, в настоящее время возникли необходимые условия для динамичного развития студенческих отрядов. Отмечая рост их численности как безусловно положительный фактор, обратимся к другому показателю – экономическому.

Статистика говорит о том, что экономический эффект деятельности современных ССО растет год от года. Факт бесспорный, но он требует оценки, т.е. определения масштаба полученного экономического эффекта. Если он, эффект, окажется незначительным, то необходима выработка новых методов организации производственного периода в жизни стройотряда. Возможно использование методов,

зарекомендовавших себя ранее, т. е. в 60–80-е годы XX века. В этой связи представляется уместным сравнить показатели деятельности современных стройотрядов с показателями отрядов предыдущего периода. В таблице приведены данные за 1966 и 2012 гг., т. е. время, когда численность всесоюзного и всероссийского студенческих строительных отрядов была примерно равна [11, с. 6].

№	Год	Численность стройотрядов* (чел.)	Освоено за год на стройплощадках	
			В ценах соответствующего года	В ценах 2012 года
1	1966	60000	104 млн. руб.	42, 9 млрд. руб.
2	2012	50500	2,1 млрд. руб.	2,1 млрд. руб. **

Из приведенных выше данных следуют выводы.

Во-первых, экономическая эффективность современных строительных отрядов значительно ниже, чем в предыдущий период.

Во-вторых, организаторам современного стройотрядовского движения необходимо разработать и реализовать комплекс разноплановых мер, включающих в себя, прежде всего, совершенствование подготовительного и производственного периодов. Это будет способствовать повышению экономической эффективности ССО.

В-третьих, разработка такого комплекса невозможна без всестороннего анализа опыта стройотрядовского движения, накопленного в советский период.

Таким образом, изучение истории движения строительных отрядов является достаточно актуальной проблемой, привлекающей внимание ряда исследователей [7].

Знакомство с опубликованными работами по истории ССО показывает, что наряду с общими тенденциями, характерными для всей страны, в каждом регионе проявляются свои особенности. Очевидно, они прослеживались и на Ставрополье, но до настоящего времени остаются неизученными.

Так, например, открыт вопрос о времени возникновения строительных отрядов в крае. По мнению Ставропольского регионального отделения.

МООО «Российские Студенческие Отряды», движение ССО в крае развивается с 1965 г., когда четыре студенческих отряда численностью примерно 200 чел. выехали на стройки Сергиевского района Северо-Кавказской области [8]. Вместе с тем, в хронике основных событий истории ВЛКСМ говорится, что стройотрядовское движение родилось летом 1959 г. [10, с. 258]. В этой связи возникают два вопроса: действительно ли стройотрядовское движение на Ставрополье появилось с пятилетним опозданием и, возможно, оно возникло ранее, но сведения об этом утрачены?

Изучив ряд архивных документов, публикаций в научных изданиях и воспоминания непосредственных участников первых строительных отрядов, сформировалось мнение о том, что возникновение стройотрядовского движения является достаточно длительным процессом, явившимся результатом студенческой инициативы, развивавшейся в нескольких городах страны независимо друг от друга и не координировавшимся из центра. По этой причине не представляется возможным назвать один, первый, стройотряд, так же как определить точный год, город и вуз, где родилось движение ССО.

Обобщая всесоюзную информацию, можно утверждать, что стройотрядовское движение зародилось в первой полови-

* «Учитывается численность отрядов, занятых только на строительстве

**При расчете использована методика, основанная на соотношении курса доллар США – рубль в 1966 и 2012 гг.

не 1950-х гг. Уже в 1954 г. студенты вузов ряда областей Украины и Литвы, а также Москвы, Ленинграда, Горького, Ставрополя, Челябинска и др. сформировали студенческие отряды, успешно работавшие на строительстве сельскохозяйственных объектов своих регионов [17, с. 87; 4; 5].

Через незначительный промежуток времени движение ССО стало приобретать массовый и организованный характер, вышло на всесоюзный уровень. По оценкам ЦК ВЛКСМ в 1956–1958 гг. 400 тыс. студентов приняли участие в уборке Целинного урожая, строительстве производственных и культурно-бытовых объектов [24].

Как было отмечено выше, в 1950-е гг. студенческая молодежь Ставрополя, наряду со студентами других регионов, приняла участие в формировании первых в стране ССО. Участие в хозяйственной деятельности региона было свойственно студенчеству Ставрополя с начала 1930-х гг., т. е. сразу после создания в Ставрополе педагогического и сельскохозяйственного институтов (1930 г.) и пединститута в Пятигорске (1939 г.). Так, например, в 1931–1932 гг. студенты Ставропольского пединститута по направлению администрации работали на заводе «Красный металлист» и консервном заводе, участвовали в уборке урожая в зерносовхозе «Гигант» Сальского района. Студенты И. Усик, И. Зубков, П. Чичканов и Н. Белый образовали «ударный комсомольский агрегат», перевыполнивший норму на 150 %. Все они были награждены грамотами ЦК ВЛКСМ [12, с. 15].

После освобождения Ставрополя от немецко-фашистских захватчиков студенчество участвовало в ликвидации разрушительных последствий оккупации. По инициативе комсомольской организации Ставропольских вузов были созданы строительные бригады, работавшие на восстановлении учебных корпусов, других объектов города. В летние периоды большое количество студентов принимали участие в уборке урожая [12, с. 32, 45; 16, с. 20; 21; 22].

Вместе с тем, участие студентов 1930–1940-х гг. в хозяйственно-экономической жизни края не является стройотрядовским движением. В основе ССО лежат принци-

пы, сформировавшиеся в 1950–1960-е гг. и закреплённые в ряде документов: «Уставе студенческого строительного отряда», «Положении о студенческих строительных отрядах», «Типовом договоре на работы, выполняемые студенческим строительным отрядом» и других. Основными из этих принципов являются: единообразная структура отрядов; формирование отряда на добровольных началах; организация внутриотрядной жизни на принципах самоуправления; материальное поощрение бойцов отряда по итогам производственного периода; обязательное обучение студентов рабочим специальностям и правилам техники безопасности; заключение хозяйственных договоров, регламентирующих права, обязанности, ответственность, как отряда, так и принимающей хозяйственной организации; проведение агитационной, культурно-массовой, другой шефской работы среди населения и др. Студенческие бригады, сформированные в довоенный или послевоенный периоды, перечисленными выше принципами не руководствовались.

Одним из первых строительных отрядов Юга страны, в том числе и Ставрополя, можно считать студенческий отряд, сформированный в 1951 г. в Ставропольском пединституте. Его численность составила 110 человек, а местом дислокации стала Орловская межколхозная электростанция [11] комсомола института. Идея создания такого строительного отряда была подсказана доцентом А. С. Трайниным, приехавшим в 1950 г. на работу в Ставрополь из Ленинграда, где такие отряды уже действовали.

Опыт студентов пединститута оказался удачным и заинтересовал комсомольские организации других вузов города, горком и крайком комсомола. В результате 1953/54 учебном году из числа студентов трех ставропольских вузов: педагогического, медицинского и сельскохозяйственного – был создан сводный строительный отряд численностью 200 человек, работавший на строительстве того же объекта – межколхозной Орловской электростанции [15].

В основу организации жизни отряда были положены принципы добровольности и самоуправления. Войти в число бой-

цов отряда было модно, престижно и тогда это расценивалось как акт своеобразной инициации молодого человека. Секретарь комитета комсомола Ставропольского пединститута Рем Татаршао вспоминает, что комитеты комсомола всех трех вузов были буквально завалены заявлениями студентов о включении в отряд. Количество желающих работать в отряде во много раз превосходило число мест. Отбор в число бойцов отряда проводился на конкурсной основе. Учитывались такие показания, как: успеваемость, дисциплина, участие в общественной работе, семейное положение и др. [23].

Все вопросы внутренней жизни отряда как производственного, так и бытового характера решались Советом строительства. Возглавлял Совет его председатель – командир отряда, избранный на общем собрании бойцов. Первым командиром сводного отряда стал Ю. Трухачев. Решения Совета были законом для всех членов отряда. В отряде действовала строгая дисциплина.

Производственный процесс в отряде был организован эффективно. Так, ежедневная выработка студенческих бригад бетонщиков (бригадиры И. Пшеничный и А. Лопатин) составляла 180–190 %. Еще больших успехов достигли бригады землекопов (бригадиры Ю. Ландышев, В. Жданов, В. Зикеев). В отдельные дни их выработка составляла 400 % сменного задания [15].

Жизнь стройотряда не ограничивалась только производственной деятельностью. Ее важной составляющей стала общественная работа, включавшая в себя пропагандистскую и культурно-просветительскую работу среди местного населения. Студенческая агитбригада выступала с концертами в станичном клубе. Неформальный интерес у местных жителей вызывала работа лекторской группы. Тематика читаемых лекций отличалась актуальностью, т. к. соответствовала профилям вузов, где обучались студенты. Селян действительно интересовали вопросы воспитания, здравоохранения, сельскохозяйственного производства. Проводились разнообразные спортивные соревнования [20].

К концу 1950-х гг. в стройотрядовском движении приняли участие большинство

студентов всех 6 вузов Ставропольского края. Только в Ставропольском пединституте в 1958/59 учебном году на целину поехали 1 035 чел., что составляет почти 60 % от общего числа обучающихся в вузе. Стройотряды работали на возведении Невинномысского химического комбината, Большого Ставропольского канала, других объектов Ставропольского края и Калмыкии; участвовали в уборке урожая [3].

Таким образом, к концу 1950-х гг. на Ставрополье был накоплен значительный опыт в организации работы студенческих строительных отрядов. В 1960-е годы он получил дальнейшее развитие. Благодаря всесторонней поддержке со стороны государства, выразившейся в принятии ряда решений, в том числе Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 мая 1967 г. № 483 «О мерах по улучшению организации и повышению эффективности летних работ студентов» [14], формирование организационных структур стройотрядовского движения вошло в заключительную фазу. Во всероссийском масштабе – это создание в январе 1967 г. Центрального штаба Студенческих строительных отрядов. Ставропольский штаб ССО был организован в июне 1968 г. решением бюро Ставропольского крайкома ВЛКСМ [18; 8].

Завершение организационного оформления стройотрядовского движения не означает окончание процесса развития самого движения. В 1971 г. студенческие отряды «перешагнули» границы строительных площадок. Были сформированы первые т. н. отряды нестроительного направления: научные, педагогические, сельскохозяйственные. За 18 лет своего существования, т. е. до 1989 г. (включительно), в этих отрядах трудилось 5 977 577 чел., а общая стоимость произведенной продукции составила 5 644,3 млн. руб. [18].

Тенденция, связанная с возникновением новых форм студенческих отрядов, прослеживается и в современной России. Сегодня МООО «Российские студенческие отряды» определяют пять направлений их деятельности. Среди них строительные, педагогические, отряды проводников, сельскохозяйственные отряды и специализированные (отряды пра-

вопорядка, спасательные, медицинские, экологические и др.) [9]. Настоящим феноменом стало студенческое волонтерское движение, получившее особый импульс к развитию в связи с проведением Зимних олимпийских игр в Сочи. Среди 25 тыс. волонтеров большую часть, или 60 %, составили молодые люди в возрасте до 25 лет, в том числе и студенты

[2]. В составе Олимпийского волонтерского отряда работали 52 студента СКФУ [19].

Таким образом, движение студенческих строительных отрядов, зародившись в середине XX в., продолжает развиваться в современных условиях и реализует большой воспитательный потенциал и способствует решению народно-хозяйственных задач.

Литература

1. Бурахина О.А., Олейников Д.М. Студенческие стройотряды: истоки движения // Грамота – 2011 – №2(8). – Ч. II.
2. Волонтерская сборная «Сочи 2014» готова к работе на Играх [Электронный ресурс] URL: <http://vol.sochi2014.com> (Дата обращения: 29.06.14).
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.2306. Оп.73. Д.246. Л. 37.
4. ГАРФ. Ф.605. Оп. 1. Д.341. Л.220.
5. ГАРФ. Ф.605. Оп.1.Д.14. Л.30.
6. Еременко О.А. Студенческие строительные отряды Ростовской области 1960 – 1980 гг.: страницы истории // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №5.
7. Иваненко С.П., Сазонов И.Е. Студенческие трудовые отряды: опыт, анализ, перспективы [Электронный ресурс] URL: <http://ivanenkovs.narod.ru/monorar/10.htm> (Дата обращения: 29.06.14).
8. Информационный портал «Молодежь Ставрополья» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kdm26.ru/napravleniya-deyatelnosti/vozhatskoe-let/informatsiya-o-rabote-studencheskikh-otryadov-v-2013-godu.html> (Дата обращения: 29.06.14).
9. История студенческих отрядов с 2003 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.shtabso.ru> (Дата обращения: 29.06.14).
10. Комсомол и высшая школа. Документы и материалы съездов, конференций, Центрального Комитета ВЛКСМ по работе вузовского комсомола (1918 – 1968 гг.) М., 1968.
11. Материалы коллегии на заседании коллегии Министерства образования и науки Российской Федерации по вопросу «О мерах по совершенствованию реализации молодежной политики в Российской Федерации» 18 июня 2013г. [Электронный ресурс] URL: http://www.youthrussia.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=31&Itemid=137 (Дата обращения: 29.06.14).
12. Очерки истории Ставропольского педагогического института. – Ставрополь, 1991.
13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 2012 г. [Электронный ресурс] URL: <http://президент.рф/новости/17118> (Дата обращения: 29.06.14).
14. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 мая 1967 г. № 483 «О мерах по улучшению организации и повышению эффективности летних работ студентов» [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=19704> (Дата обращения: 29.06.14).
15. Пшеничный И. Молодость как песня // За медицинские кадры. – 1973. – 13
16. СГПИ – 50. – Ставрополь, 1980.
17. Соколова В. В. Студенческая целина: партийное руководство и самостоятельность // Опыт осуществления политики КПСС в отношении молодежи: история и современность. Сборник научных трудов. – М., 1989.
18. ССО вчера и сегодня [Электронный ресурс] URL: <http://www.fvso.ru/history.htm> (Дата обращения: 29.06.14).
19. Ставропольская правда. – 2014 г. – 28 марта.
20. Ставропольская правда. – 1981 г. – 23 июня.
21. Ставропольский государственный аграрный университет. История [Электронный ресурс] URL: <http://www.stgau.ru/obschinf/history/wartime.php> (Дата обращения: 29.06.14).
22. Ставропольский государственный медицинский университет в годы войны [Электронный ресурс] URL: <http://stgmu.ru/?s=academy&page=38> (Дата обращения: 29.06.14).
23. Татаршао Р. Этапы большого пути // За педагога – ленинца. – 1958. – 28 октября.
24. Федеральный закон от 29. 12.1012 (в ред. от 03.12.2014 г.) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158429/ (Дата обращения: 29.06.14).
25. Шаповалов С. Н. Деятельность студенческих отрядов в современной России // Общество: политика, экономика, право. – 2013. – № 2.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 371.3(34)

З. В. Бочкарева

МЕТОДИКА ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

В статье раскрываются современные методологические подходы к правовому воспитанию школьников, сущность проектного метода, других методов, таких как фасилитация и фасцинация, а также сущность и содержание такой перспективной методологии, как коучинг-тренинг. Большое значение придаётся структуре социальной интеграции

подростков, изучению такого неоднозначного явления как депривация, исследованию приобщения школьников к идеям свободы и добра, в котором по высшему счёту и состоит смысл и идеал воспитания.

Ключевые слова: депривация, фасилитация, фасцинация, коучинг-тренинг, девиация, проектный метод.

Z. V. Bochkareva

TECHNIQUE OF LEGAL EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN

The article discusses modern methodological approaches to legal education of schoolchildren and the essence of the project method and other methods such as facilitation and fascination, as well as the essence and the content of such a promising methodology as coaching-training. Great importance is attached to the structure of social inte-

gration of adolescents, the study of the controversial phenomenon as deprivation, the study of familiarizing students with ideas of freedom and goodness, which is the meaning and the ideal of education.

Key words: deprivation, facilitation, fascination, coaching, training, deviation, project method.

Отечественная методология профилактической работы среди подростков за последнее время претерпела существенные новации. И связаны они не столько с усовершенствованием педагогических и иных технологий (в соответствии с духом времени), сколько с катастрофическим ростом проблем, которые нам стали доставлять наши дети и подростки.

Новое в методологии правового воспитания, образования и профилактики правонарушений у детей и подростков у отечественных авторов проявляется по многим направлениям и во многих областях. Здесь появились и новые подходы, и локальные методические разработки, и, наконец, серьёзные, большие методические проекты,

которые заслуживают самого серьёзного аналитического внимания.

Прежде всего, отметим представляющий огромный интерес и развивающийся сейчас проектный метод в правовом воспитании, образовании и профилактике детей и подростков. Об этом перспективном методе Е. Н. Кондрат пишет в своей работе «Профессиональное самоопределение подростков с антисоциальным поведением» следующее: «У многих подростков с делинквентным поведением отсутствуют твёрдые жизненные планы, наблюдается явный разрыв их профессиональных намерений с жизненными. Поэтому так важно в содержание профориентационного курса включить материалы, направленные на

философское осмысление жизни и бытия человека как творца этой жизни и самого себя». Особенно важно для этого именно правовое просвещение, говорит Е. Н. Кондрат, формирование идеалов и ценностей. Суть проектного метода работы с такими подростками: они сами должны проектировать себя, своё будущее (он лишь отчасти напоминает подробно описанный метод спрашивания совета у самого делинквентного подростка, как же его воспитывать, который столь настойчиво рекомендуют кроме В. А. Леви и американские специалисты. На самом деле, сходство лишь внешнее, а истинно проектный метод всё же заключается несколько в другом, гораздо большем). Как полагает Е. Н. Кондрат, только этот метод сейчас наиболее перспективен, поскольку лишь он «позволяет комплексно решать задачи обучения, воспитания и развития». Крайне важны собственные творческие проекты и проектирования подростков, которые выводят их на очень высокие ступени развития, духовного и интеллектуального [2, с. 47]. Но все они, по существу, сводятся к различным толкованиям древнего правила: «Познай самого себя!» (Nosce te ipsum).

Для понимания значения и сути проектного метода в правовом воспитании, образовании и профилактике девиаций и правонарушений у подростков большой интерес представляет исследование А. К. Самохиной «Использование проектного метода в правовой подготовке старшеклассников» (2003 г.). Вот что она пишет о том, что из себя в действительности представляет новая прогрессивная методология.

Проектный метод представляет собой такой способ обучения, который, по словам Дж. Дьюи, можно охарактеризовать как «обучение через делание», когда учащийся самым непосредственным образом включён в активный познавательный процесс, самостоятельно формирует учебную проблему, осуществляет сбор необходимой информации, планирует возможные варианты решения проблемы, делает выводы, анализирует

свою деятельность, формируя «по кирпичикам» новое знание и приобретая новый учебный и жизненный опыт.

Проектный метод в правовой подготовке школьников – это дидактический инструмент, который создаёт уникальные предпосылки для развития целеустремлённости и самостоятельности учащегося в постижении нового, стимулируя его природную любознательность и творческий потенциал». Таким образом, речь идёт о действительно новаторской педагогической технологии: человек на самом деле, реально делает себя сам. А только человек, сделавший себя сам («self-made-man»), является полноценно развернувшейся, по-настоящему состоявшейся человеческой личностью.

Проектному методу, полагает А. К. Самохина, имманентно присущи следующие свойства:

1. Проект – это цельная работа, её нельзя не закончить, остановиться посередине, так как оценивается конечный продукт, представляющий собой объективно новое знание или опыт.

2. Проект – сложная работа, состоящая из принципиально разных видов деятельности: составление плана, работа с информацией, работа с людьми, анализ полученных материалов, составление рекомендаций, – все основные части проектной деятельности объединены цельностью.

3. Обязательным моментом является присутствие реальной практической деятельности (а не просто её моделирование) – практика в данном случае является системообразующим компонентом, непосредственно связанным с формированием мировоззрения ученика.

4. Выполнение проекта предполагает работу с первичной информацией (не существующей до начала работы), которая реально учит делать умозаключения.

5. Проектная деятельность основана на активном использовании элементов игры. Игровая компонента помогает усилить мотивацию и увеличить количество обрабатываемой информации, потому что:

- ассоциативно связана со всем положительным, что было у человека (игрушки, кот);

- отсутствует страх неудачи (может быть только большая или меньшая удача);

- существует реальная свобода проявления и выбора: когда человек имеет возможность сам задать себе правила и цель, он становится активным субъектом, свободно манипулирующим информацией, людьми, отношениями.

Центральным принципом проектной работы является совместная работа учителя и учащихся, то есть, ученики вместе с учителем формулируют тему работы, определяют задачи, разрабатывают план работы, контролируют этапы выполнения работы и оценивают полученный результат. Эффективность проектной работы во многом зависит от того, насколько учитель уважает выбор, сделанный учениками, в определении темы, организации рабочего процесса и выполнении самой работы. С другой стороны, учащиеся несут полную ответственность за сделанный выбор и выполнение плана работы вплоть до получения конечного результата».

«Конечный продукт проектной работы может быть представлен в виде письменного отчёта, статьи, доклада, фильма, презентации, выставки или в каком-либо ином виде». Главное, чтобы эту работу могли оценить другие и воздать должное от имени общества.

Виды подростковых проектов (по А. К. Самохиной):

- 1) индивидуальные и групповые проекты. Групповые более перспективны, ибо «позволяют формировать коммуникативные навыки (способность к сотрудничеству и взаимодействию), которые наиболее востребованы на рынке труда и необходимы в любых сферах деятельности»;

- 2) онопредметные и межпредметные проекты – для подростков самые сложные и одновременно самые перспективные;

- 3) краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные – последние два лучше выполняются группами;

- 4) информационный, исследовательский, практико-ориентированный проект. Исследовательский, практико-творческий, экспериментаторский проект требует самостоятельного «определения цели, объекта и предмета исследования, выдвижения гипотезы и детализации её положений в задачах, аргументированного выбора методов исследования, проведения различного рода экспериментов, глубокого осмысления полученной информации и формулирования выводов в соответствии с поставленными задачами». Результат может быть представлен в виде отчёта, публикации, участия в конкурсе проектов.

Творческий проект развивает творческие способности, реализуется в подготовке сценариев школьных праздников, выпуска газет, радиопередач, съёмки видеофильмов, оформления выставок.

Практико-ориентированный проект имеет следующий конкретный результат: «выработка конкретных рекомендаций по реально существующим проблемам, создание вспомогательных средств, в том числе учебных (создание каталога журнальных и газетных статей, их рубрикация, работа с техническими средствами)».

Все эти виды проектов в чистом виде реализуются редко. Чаще всё-таки – комбинированно. «Оценки за проектную работу выставляются группе в целом. На основании общей групповой оценки выставляются индивидуальная оценка каждому члену группы в соответствии со степенью его реального участия в общей работе» [5, с. 4–6, 9–10, 14].

Проектный метод не является единственной новацией, позволяющей радикально преобразовать правовое воспитание, правовое образование и профилактическую работу с подростками. Существуют и другие технологии, существенно облегчающие задачи воспитателям, педагогам, правоохранителям и другим специалистам по работе с несовершеннолетними.

Существенную роль в них играют так называемые фасилитация и фасцинация, вполне разработанные, современные и до-

вольно результативные методики, имеющие конкретных авторов и своих последователей-исполнителей. Сведения о фасилитации можно почерпнуть, в частности, из исследования А. М. Рябкова «Фасилитация в профессиональном образовании» (2008 г.).

Фасилитация, как термин, происходит от англ. *to facilitate* – облегчать, способствовать, содействовать, создавать благоприятные возможности. У фасилитатора главная задача состоит в том, чтобы донести до подростка или юноши, что самым важным результатом его обучения и воспитания может быть только самостоятельно выработанная «способность к интенсивному и грамотному поиску знаний. Личностные изменения, а не статистическое знание, являются единственным, что имеет смысл при выборе цели образования в современном мире». Поэтому каждый педагог, каждый воспитатель просто обязан быть фасилитатором, делает вывод А. М. Рябков.

Есть фасилитация социальная (ФС) и фасилитация педагогическая (ФП). ФС предполагает, как пишет автор, «повышение скорости или продуктивности деятельности личности вследствие актуализации в её сознании образа другого человека (или группы людей), выступающего в качестве соперника или наблюдателя за её действиями». А вот ФП – это «усиление продуктивности образования (обучения, воспитания) и развитие субъектов профессионально-педагогического процесса за счёт особого стиля общения и личности педагога». Вообще высшее умение фасилитатора состоит в обучении навыкам «стряхивания мелочей», фасилитатор учит подвсплывать над частным и необязательным, скользить по проблемам, а не напирать на них, всё больше и безнадежно погружаясь в них.

Создателем метода фасилитации считается у нас Р. С. Димухаметов. Именно он разработал концепцию и технологию фасилитации. Суть предложенной им технологии фасилитации состоит «в инициировании самоактуализации педагога посредством обеспечения ведущей роли деятельности, развития сознания, независимости, свободы

выбора в воспроизводстве новых знаний, личностно-профессиональном росте. Определён алгоритм управленческих действий преподавателя и обучающегося, представленный в виде «атрибутивного кольца»: 1) фасилитация мотивирующей деятельности; 2) фасилитация формирования цели; 3) фасилитация поиска предмета познания; 4) фасилитация поиска метода деятельности; 5) фасилитация поиска средств познания; 6) фасилитация реализации процесса; 7) фасилитация рефлексии».

А. М. Рябков предельно высоко оценивает искусство фасилитации, считая его главным в ремесле педагога и воспитателя, гармонизирующим и нормализующим в сущности ненормальную жизнь и деятельность педагога и воспитателя. Он пишет: «Психологическая безопасность достигается в процессе фасилитации за счёт признания безусловной ценности личности и создания обстановки, в которой отсутствует внешнее оценивание». «Фасилитация позволяет открывать сокровенные мысли, чувства и состояния», сбрасывать закрепощённость, зажатость, «зацикленность». Чтобы овладеть искусством фасилитации, нужен «достаточный уровень развития таких качеств, как эмпатия, рефлексия, лидерство и коммуникативность» [4, с. 78–82].

Е. Г. Белякова в исследовании «Смыслоориентированная педагогическая позиция» (2008 г.) даёт профессиональный портрет такого воспитателя-фасилитатора, чем и как он на самом деле должен заниматься, чем и как владеть. Воспитатель как фасилитатор должен быть прежде всего компетентен. И не только в предмете воспитания. И это не случайно. Сейчас в педагогике, в теории воспитания широко применяется компетентностный подход. Главное в нём – «понятие смыслоориентированных компетенций, реализуемых в работе педагога с ценностной сферой воспитанника. Содержательно близки к нему такие различные по характеру педагогические знания и умения, как способность к диалогу (С. В. Белова), личностная референтность (В. М. Галузяк), психологическая культура (Е. Н. Исаев,

Ю. Н. Кулюткин, М. И. Лукьянова), этическая культура (В. Н. Наумчик) и т.д.

С. В. Кульневич включает в состав смыслоориентированных компетенций умение учителя и воспитателя организовывать поиск источников смысла, формировать способность соотносить сущность явления с актуальными значениями, устанавливать причинно-следственные и интуитивные связи смыслов, выстраивать новый смысл [1, с. 49]. Виктор Франкл («Человек в поисках смысла», 1990 г.) полагал, что «смысл нельзя дать, его нужно найти... при восприятии смысла речь идёт об обнаружении возможности на фоне действительности» [6, с. 37]. В сущности это, конечно, неоплатонизм. Поскольку исходный посыл состоит в утверждении и понимании того, что смыслы не создаются, в том числе образованием, учением и воспитанием. Они, эти смыслы, существуют изначально. Просто нужно сделать так, чтобы ребёнок, подросток или юноша их САМ нашёл. Нужно только подготовить условия для движения в поисках смысла, для его выявления и «опознания», а затем осуществления, реализации. Об этом, самостоятельном поиске смысла, своеобразном самообразовании (до В. Франкла), говорил ещё великий педагог и просветитель И. Г. Песталоцци, предлагая ввести в начальное образование самостоятельную деятельность учеников по поиску знаний [3, с. 66–89, 101–118].

В. В. Сериков полагает, что целостная, компетентная, способная к самостоятельным решениям личность педагога-фасилитатора формируется не на основе научения, а исключительно посредством рефлексии своего опыта. Поэтому здесь более чем очевидна ключевая роль педагога, как фасилитатора, как организатора условий для «запуска» психолого-педагогических механизмов взаимопонимания воспитателя и воспитанников. Он – это та ось, вокруг которой вертится всё.

Е. Г. Белякова пишет дальше: «Составляющими профессионально-личностной компетентности являются личностная зрелость и профессиональная готовность к роли фа-

силитатора смыслоактуализации. Педагогическое взаимодействие на уровне смыслов предполагает, что учитель способен к глубокой рефлексии собственных мотивов (это взгляд, что воспитывать нужно самим собой, как личностью: «Делай, как я»), ценностей, к самоконтролю профессионально-личностных деструкций, непродуктивных установок межличностного общения. Педагог, вступающий во взаимодействие с ребёнком как со сложной, самостоятельной, уникальной личностью, способной к порождению смысла, должен быть готов к «встрече» с его субъективностью и субъектностью: иметь гуманистическую позицию; строить общение, не разрушая «экологию» личности; владеть способами взаимодействия на уровне смысловых установок и ценностей; осознавать вероятностный характер своего варианта понимания ребёнка (не считать себя его единственным «понимателем» и «толкователем» – З. Б.); обладать высоким уровнем профессионально-личностной рефлексии». «Сущность смыслоориентированной позиции состоит в том, что педагог выступает проектировщиком педагогической ситуации (выделено мною – З. Б.), исследователем рождающейся педагогической реальности и одновременно вовлечён в процессе её «рождения» в качестве субъекта понимания и интерпретации актуальных задач развития ребёнка...» [1, с. 53–54].

Фасцинация дополняет фасилитацию, являясь одним из её наиболее важных инструментов. Таково мнение исследователей, посвятивших педагогической фасцинации довольно содержательные работы. В. Д. Ширшов в исследовании «Педагогическая фасцинация» (2006 г.), предваряя основные выводы, пишет о том, совершенно естественно, всюду всем и всегда известном обстоятельстве, что в процессе воспитания решающее значение безусловно имеет личность воспитателя, его магнетизм, его харизма, что описывается термином «фасцинация». В педагогике, в теории воспитания сейчас довольно серьёзно поднимается общая проблема фасцинации (от латинск. *fascino* – что означает: околдовывать, зачаровывать). Сейчас фасци-

нацию в повседневной практике обычно трактуют как очарование, обольщение, колдовство, магию, обман, манипуляцию.

В. Д. Ширшов подчёркивает, что фасцинация действует исключительно на бессознательном уровне. И ссылается на мнение Ю. В. Кнорозова, согласно которому фасцинация есть сигнал, который «не оставит равнодушным, пробивает любые фильтры и захватывает мозг, нервную и гормональную системы, порождает мгновенную реакцию, панику, минуя сознание, обостряет критичность. Знаки и символы фасцинации опираются на самые сильные эмоции: восторг, испуг, шок и т. д.».

Главное встряхнуть человека и тем покорить. На этом основан весь PR, реклама, политика, массовые зрелища и т.д. На этом базируется и высокое педагогическое искусство по-настоящему эффективного воспитателя. Из разряда фасцинации и известные «встряивающие» «математические» задачи упоминавшегося Григория Остера, расшевеливающие и придающие острый смысл даже самым скучным предметам. Многие опытные воспитатели, тот же А. С. Макаренко, также всегда сначала шокировали своих воспитанников, а потом уж, расположив их к себе, быстро достигали нужной педагогической цели. Конечно, фактически налицо приёмы манипуляции. И поэтому ими необходимо пользоваться достаточно осторожно. Суггестия всегда опасна, даже в малых дозах. Но тут, уточняет В. Д. Ширшов, практически вся фасцинация и есть скрытое принуждение, обман и часто приводит лишь к одностороннему «выигрышу». И ею как приёмом можно пользоваться лишь для разрешения острых фаз конфликтов в качестве крайнего средства.

Однако существуют и рациональные, более приемлемые и потому распространённые приёмы использования фасцинации. В. Д. Ширшов выделяет следующие средства фасцинации (как манипуляции) в воспитании, в том числе и в правовом:

1. «Полное (откровенная ложь) или частичное (подтасовка фактов, подмена понятий) искажение информации».

2. «Утаивание информации от полного умолчания о каких-либо фактах и значимых событиях и до частичного их освещения; иногда это делается для создания имиджа активиста, отличника».

3. «Особая компоновка сведений так, чтобы следовал однозначный и нужный для педагога вывод».

4. «Выбор конкретного момента подачи информации, когда ученик напуган, расстроен или, наоборот, благодушен».

5. «Предъявление материала в «сыром», несистематизированном виде или мелкими порциями, где трудно проследить связь».

6. «Воздействие на психологические механизмы, которые «запускают» типичное поведение какого-то ученика («настукал», «ябеда», «высочка» и т.д.)».

Есть и своеобразная «техника безопасности» при использовании фасцинации, предупреждает В. Д. Ширшов. «Манипулятивный стиль с применением фасцинации в каких-то экстремальных ситуациях может быть востребован, но он опасен как для окружающих людей, так и для педагога-манипулятора». Педагогу, ступившему на этот рискованный путь, можно и не сорвать ожидаемого успеха, а наоборот, зайти слишком далеко и перейти грань нормы. И потому пасть жертвой собственной фасцинации. В то же время есть и действительно требуют своего применения методы положительной фасцинации, во многом уже позабытые. К примеру, отличительные значки – БГТО, ГТО, «Ворошиловский стрелок», «Осоавиахим», «Красные» дипломы, выпелы и пр. и др. Сейчас подростков «околдовывают», фасцинируют в основном красивыми, переливающимися обложками учебных пособий и тетрадей.

Иногда фасцинация выступает в форме быстрой и напористой подачи учебного материала. Нечто вроде «мозгового штурма», в который неудержимо вовлекается и подросток. Особенно это важно для правового воспитания, когда, к примеру, несовершеннолетнему можно предложить сыграть роль следователя для распутывания какой-либо криминальной ситуации.

Иногда фасцинация выступает в форме речевой экспансии, чем чаще всего пользуются учителя (громкий окрик). А есть обратные способы (речевой спад). Во время неистового буйства подростков одна учительница тихонько прикрывала дверь в классе и торжественно шептала им: «А теперь мы, наконец-то, займёмся математикой!». Это действовало шокирующе, смешило, подкупало, вызывало доверие. В общем это можно расценить как факт положительной фасцинации.

В. Д. Ширшов особо подчёркивает: «Дети любят тех учителей, кто шутит, использует неожиданные сравнения, меткие словечки, каламбурит, проявляет артистические способности». Если воспитатель –

артист, он уже практически добился воспитательной задачи.

А вот фасцинационные приёмы, известные ещё риторам Древней Греции и Древнего Рима: смена ритмов речи, которые нагнетали напряжённость, голосовые модуляции, умение держать паузу – смысловую и размерную, впечатляющие повторы, двойные финалы, спектаклизации, декламации, занимательные истории, анекдоты, притчи, ключевые фразы и наконец публичное пение. Если последовать этим древним методикам, не всегда может произойти конфуз и в наши дни [7, с. 29–33].

Ведь сказано было ещё древними: когда спотыкается мудрец, за ним спотыкается и масса.

Литература

1. Белякова Е. Г. Смыслоориентированная педагогическая позиция // Педагогика – 2008. – № 2.
2. Кондрат Е. Н. Профессиональное самоопределение подростков с антисоциальным поведением // Педагогика – 2004. – № 3.
3. Песталоцци К. В. и его мысли о воспитании и учении // Семья и школа. – 1880. – Отд. II.
4. Рябков А. М. Фасилитация в профессиональном образовании // Педагогика – 2008. – № 1.
5. Самохина А. К. Использование проектного метода в правовой подготовке старшеклассников. / Правовое образование: организация внеучебной деятельности (региональный опыт). Выпуск III. Сборник материалов. (Серия «Организация правового образования»). – М., 2003.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.
7. Ширшов В. Д. Педагогическая фасцинация // Педагогика – 2006. – № 9.

УДК 349.23/24

Т. Ф. Вышеславова

УРОВНИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ГАРАНТИЙ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Статья посвящена сравнительному анализу образовательного законодательства Российской Федерации, республик Украины, Белоруссии, Казахстана в сфере предоставления участникам образовательных правоотношений социально-трудовых государственных гарантий.

Ключевые слова: сфера образования, образовательное законодательство, Закон «Об образовании», социальные гарантии, трудовые гарантии, расширение мер социальной поддержки, социальная защищенность, трудовые отношения.

T. F. Vysheslavova

LEVEL OF SOCIO-LABOR WARRANTY IN RUSSIAN AND FOREIGN EDUCATIONAL LAW

This article deals with a comparative analysis of educational legislation of the Russian Federation and the republics of Ukraine, Belarus, Kazakhstan in the provision of educational participants of social and labor relations of state guarantees.

Key words: education, education legislation, the Law "On Education", social security, labor warranty, expansion of social support, social security, labor relations.

Образовательное законодательство РФ представляет собой довольно обширную правовую базу. Совокупность действующих источников образовательного права достаточно велика. В сфере образования по самым скромным оценкам насчитывается более 20 000 нормативно-правовых актов и нормативных договоров. Только на федеральном уровне за последние восемь лет было принято более 500 нормативно-правовых актов в форме федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ и нормативных актов Минобразования России [9].

Подтверждением этому служит новый закон «Об образовании в РФ» от 29.12.2012г. № 273-ФЗ. При неоднозначной оценке данного закона учеными, можно признать, что он закрепил целый комплекс социально-трудовых норм, регламентирующих статус обучающихся и работников образовательных учреждений. Что же изменилось в социально-трудовой сфере с принятием указанного закона, по сравне-

нию с ранее действующими нормами.

Основные социально-трудовые права закреплены в главах 4–5 закона, основанные на прямом действии Конституции РФ и Трудового кодекса РФ.

По мнению В. М. Сырых, социальные и иные льготы и гарантии, которые предоставляет закон работникам сферы образования, как раз и являются наиболее ярким показателем степени общественного признания труда педагога, а также подлинного желания государства иметь в качестве учителей и воспитателей общества его наиболее достойных представителей [2].

В действующем законе значительно детализированы и расширены меры социальной поддержки обучающихся. Помимо традиционных мер – охраны здоровья, обеспечение питанием, механизмов защиты обучающихся при прекращении деятельности образовательной организации – появились новые гарантии по обеспечению жилыми помещениями, транспортное обеспечение, пользование учебниками, полу-

чение стипендий и другой материальной помощи, образовательного кредита и др. Так, ст. 36, 37, 38 предусматривают определенный круг материального стимулирования и льготы [12].

Расширены меры социальной поддержки по охране здоровья обучающихся, привитию навыков здорового образа жизни, а так же психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи обучающимся, испытывающим трудности в освоении основных общеобразовательных программ, развитии и социальной адаптации. Существенной гарантией для обучающихся и их родителей представляется норма об образовательных кредитах. Реализации данной возможности служит Постановление Правительства РФ от 18.11.2013 г. № 1026 «Об утверждении Правил предоставления государственной поддержки образовательного кредитования» [10]. В соответствии с данным постановлением граждане на льготных условиях могут получить основной и (или) сопутствующий образовательные кредиты. Первый предоставляется на оплату обучения по основным профессиональным образовательным программам. Второй – на оплату расходов на проживание, питание, приобретение учебной и научной литературы и других бытовых нужд в период обучения.

На первые 2 года пользования кредитом устанавливается льготный период по уплате процентов. Возвратить образовательный кредит нужно в течение 10 лет после завершения обучения.

Эти меры гарантируют большую социальную защищенность обучающихся. Однако из действующего закона исчезли нормы соответствующие статьям 52.1. «Плата, взимаемая с родителей (законных представителей) за содержание ребенка в образовательных организациях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования» и 52.2. «Компенсация за содержание ребенка в образовательных организациях, реализующих основную общеобразовательную

программу дошкольного образования» ранее действующего закона РФ «Об образовании» от 10.07.1992 г. № 3299-1[3]. Данные изъятия в действующем законе снижают социальную защищенность в первую очередь малообеспеченных граждан Российской Федерации при реализации своих прав на образование.

В сфере регулирования трудовых отношений педагогических работников государственные гарантии почти не претерпели изменений или расширения. Пункт 5 главы 5 закона № 273-ФЗ регламентирует трудовые и социальные права педагогических работников, действующих в совокупности с 52 главой Трудового кодекса РФ. Так, устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени, право на дополнительное профессиональное образование по профилю педагогической деятельности не реже чем один раз в три года, на досрочный выход на пенсию, предоставление удлиненного ежегодного и долгосрочного отпуска за стаж педагогической работы, на первоочередное предоставление жилой площади. Педагогические работники, проживающие и работающие в сельской местности, рабочих поселках, имеют право на предоставление компенсации расходов на оплату жилых помещений, отопления и освещения. При регулировании данных вопросов большую роль приобретают законы субъектов РФ и локальные акты образовательных организаций. И как во всех законах, регламентирующих социальные гарантии, происходит дифференциация уровня этих гарантий по месту проживания педагогических работников, и что никоим образом не связано ни с качеством, ни с объемом выполняемой педагогической и научно-педагогической деятельности. В практике применения минимальных социальных гарантий в данной сфере тоже немало вопросов. Так, не урегулирован вопрос привлечения педагогических работников к сверхурочной работе по инициативе работодателя с оплатой в повышенном размере. Положением об осо-

бенностях режима работы педагогических и других работников образовательных учреждений от 27.03.2006г. № 69 урегулирован вопрос, связанный с разделением рабочего дня на части. Данным документом указано, что при составлении графиков работы педагогических и других работников перерывы в рабочем времени, не связанные с отдыхом и приемом пищи, не допускаются [11]. Таким образом, составляя расписание учебных занятий, образовательное учреждение обязано исключать нерациональные затраты времени педагогических работников, ведущих преподавательскую работу, что нарушается на практике. Правовое регулирование рабочего времени педагогических работников требует конкретизации и закрепления минимальных стандартов на федеральном уровне в силу разноплановости и значимости работы педагогических работников. Такой подход вызван особым характером их работы, требующего значительного интеллектуального и непрерывного напряжения [1]

Новый закон «Об образовании» не регулирует оплату труда педагогических работников. В ранее действующем законе данное правоотношение регулировалось статьей 54, предусматривалась оплата за выполнение работ по дополнительным договорам. Заработная плата должна состоять, в соответствии с ТК РФ, из должностного оклада, компенсационных и стимулирующих выплат. Компенсационная выплата на приобретение педагогической литературы – 100–150 рублей – не выдерживает никакой критики и не меняется уже на протяжении многих лет. Стимулирующие выплаты, регулируются локальными актами и могут составлять до 30 % оплаты педагогического работника. Однако, даже после суммирования всех указанных выплат, средняя заработная плата педагогических работников остается низкой, что не способствует привлечению в отрасль молодых профессиональных кадров.

Проблемы в становлении образовательного законодательства существуют

и в зарубежных странах, особенно в странах ближнего зарубежья, опирающихся на традиции советской модели образования.

Социально-трудовой сфере образовательных правоотношений уделено значительное внимание законодательством Украины, Белоруссии, Казахстана и других стран. Так закон Украины «Об образовании» предусматривает в системе образования государственную психологическую службу. Статья 22 закона предусматривает организацию социально-педагогического патронажа в системе образования, который способствует взаимодействию учебных заведений, семьи и общества в воспитании детей, их адаптации к условиям социальной среды, обеспечивает консультативную помощь родителям, лицам, их заменяющих. Педагогический патронаж осуществляется социальными педагогами [7]. Заслуживает внимания и положение Закона Украины о создании при общеобразовательных учреждениях фондов всеобщего обязательного обучения для оказания материальной помощи учащимся, проведения культурных мероприятий, других расходов. На время производственного обучения, практики учащимся и студентам обеспечиваются рабочие места, безопасные и безвредные условия труда. Порядок оплаты выполненной работы во время производственного обучения и практики определяется Кабинетом Министров Украины.

Трудовые гарантии педагогическим работникам включают, помимо надлежащих условий труда, быта, отдыха, медицинского обслуживания, также и повышение квалификации не реже одного раза в пять лет, компенсации, установленные законодательством, в случае потери работы, в связи с изменениями в организации производства и труда. В отличие от российского закона, закон Украины предусматривает выплату педагогическим и научно-педагогическим работникам надбавок за выслугу лет ежемесячно в процентах к должностному окладу в зависимости от стажа педагогической работы в следующих размерах: вы-

ше 3 лет – 10 процентов, свыше 10 лет – 20 процентов, свыше 20 лет – 30 процентов. Гарантируется предоставление педагогическим работникам ежегодного денежного вознаграждения в размере до одного должностного оклада за добросовестный труд, образцовое выполнение служебных обязанностей; выплату педагогическим и научным работникам помощи на оздоровление в размере месячного должностного оклада при предоставлении ежегодного отпуска.

Законом Украины «О высшем образовании» конкретизируется регламентация рабочего времени педагогических работников. Улучшению организации учебного процесса служат нормы о возможности привлечения педагогических и научно-педагогических работников к работе, не обусловленной трудовым договором, только с согласия работника и в случаях, предусмотренных законом. Педагогическим работникам гарантируется получение льготных кредитов для индивидуального и кооперативного жилищного строительства, получение государственных стипендий, обеспечивается зачисление в научно-педагогический стаж работ по совместительству при выполнении учебных обязанностей не менее 180 часов в год [6].

Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13.01.2011г. № 243-З дает понятие социальной защиты обучающихся, это – комплекс мер, установленных государством в целях обеспечения получения образования обучающимися, направленных на их материальное обеспечение, предоставление им государственных социальных льгот, прав и гарантий. Мерами социальной защиты обучающихся являются: пользование учебниками; обеспечение питанием; охрана здоровья; стипендии и другие денежные выплаты; имущественное обеспечение; предоставление кредита на льготных условиях для оплаты первого высшего образования; транспортное обеспечение; поддержка выпускников и другие [4]. Интересной новацией представляется статья 48 о поддержке выпускников. Поддержка

выпускников – предоставление первого рабочего места, а также гарантий и компенсаций в связи с распределением. Выпускникам гарантируется предоставление первого рабочего места в соответствии с законодательством о труде путем распределения, а также путем трудоустройства в счет брони в соответствии с законодательством о занятости населения.

Закон Республики Казахстан «Об образовании» также имеет нормы, регулирующие социально-трудовые правоотношения. Так, в отличие от российского закона, статья 41 закона Казахстана гарантирует обучающимся информированность о положении в сфере занятости населения и профессионально-диагностическое обследование, совмещение обучения с работой в свободное от учебы время. Достаточно подробно регламентируется государственный подход к системе оплаты труда работников образовательных организаций. Согласно статье 46 закона к должностным окладам профессорско-преподавательского состава и руководящих работников высших учебных заведений, имеющих особый статус инновационных и национальных вузов, применяются повышающие коэффициенты в размере 2,5 для инновационных и 1,75 для национальных вузов. В законе устанавливается дифференцированная максимальная нормативная учебная нагрузка для исчисления месячной заработной платы педагогических работников государственных образовательных организаций [5]. Статья 47 закона регламентирует социальные гарантии, в частности устанавливается продолжительность ежегодного отпуска педагогических работников, единовременное пособие к отпуску в размере двух должностных окладов, единовременное пособие на приобретение учебной литературы в размере 1 месячного расчетного показателя, обладателю государственного гранта «Лучший преподаватель вуза» в размере 2000 кратных месячных расчетных показателей. Педагогическим работникам, работающим в сельской

местности, по решению местных исполнительных органов могут устанавливаться повышенные не менее чем на 25 % оклады и тарифные ставки, имеющие скот в личной собственности обеспечиваются кормами, земельными участками для пастыбы скота и сенокосения наравне с работниками сельскохозяйственных организаций. Данный подход к регулированию оплаты труда педагогических работников на уровне специального закона гарантирует прозрачность и демократичность в установлении заработной платы конкретным педагогическим работникам.

Анализ социально-трудовых государственных гарантий, закрепленных в образовательном законодательстве исследуемых государств, говорит о внимании и заботе государств об образовательной сфере. Однако уровень многих социально-трудовых норм остается желать лучшего и не дает оптимистического утверждения о высокой роли и значении педагогических кадров в современном обществе. Значительное количество государств не только сохранили объем прав и льгот, которые предоставляло педагогам советское государство, но расширили и совершенствовали социально-трудовые нормы образовательного законодательства. Краткий обзор отдельных положений законов об образовании РФ и стран ближнего зарубежья показывает, что зарубежный законодательский опыт содержит немало ценных, заслуживающих внимания нормативно-правовых решений, знание которых значительно расширяет наши представления о путях, способах, конкретных вариантах совершенствования социально-трудовых норм образовательного законодательства.

Таким образом, при осуществлении сопоставительного анализа действующего

образовательного законодательства РФ и стран ближнего зарубежья можно прийти к следующим выводам:

1) образовательное законодательство РФ и данных государств имеет одни общие корни – образовательное законодательство СССР;

2) все страны реформируют свое образовательное законодательство в соответствии с изменением социально-экономических условий жизни;

3) все государства в той или иной степени включают в образовательное законодательство регулирование социально-трудовой сферы для обучающихся и работников образовательных организаций;

4) уровень предоставляемых социально-трудовых государственных гарантий в целом одинаков, однако повышение общего уровня напрямую зависит от уровня развития экономики этих стран;

5) образовательное законодательство этих государств имеет достаточный массив норм отсылочного характера, которыми устанавливаются отдельные виды социальной помощи участникам образовательных правоотношений органами исполнительной власти и самими учебными учреждениями;

6) заработная плата участников образовательных отношений остается низкой с тенденцией постепенного доведения ее размера до уровня оплаты труда работников образования развитых европейских государств;

7) использование сравнительного метода при анализе образовательного зарубежного законодательства будет способствовать правильному поиску путей и способов совершенствования российского законодательства с учетом зарубежного опыта.

Литература

1. Бриллиантова В.А., Архипов В.В. Проблемные нормы Трудового кодекса РФ, регулирующие рабочее время педагогических работников / Бриллиантова В.А., Архипов В.В. // Законодательство и экономика. – 2008. – № 7.

2. Вступительное слово к книге Образовательное законодательство зарубежных стран/ под ред. В.М. Сырых. – М., Готика, 2003. [Электронный ресурс] URL: http://www.lexed.ru/pravo/notes/?cyryh_01.html (Дата обращения: 25.06.2014).
3. Закон «Об образовании» Федеральный закон от 10.07.1992г. № 3266-1 [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/popular/edu/> (Дата обращения: 25.06.2014).
4. Закон республики Белоруссия. Кодекс республики Беларусь об образовании. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2012 г., № 62, 2/1928 H11200376 [Электронный ресурс] URL: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=Hk1100243 (Дата обращения: 25.06.2014).
5. Закон республики Казахстан «Об образовании» от 27.07.2007г. № 319-III. [Электронный ресурс] URL: <http://www.zakon.kz/141156-zakon-respubliki-kazakhstan-ot-27.html> (Дата обращения: 25.06.2014).
6. Закон республики Украины «О высшем образовании» // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 2002. – № 20.
7. Закон республики Украины «Об образовании» // Ведомости Верховной Рады УРСР (ВВР). – 1991. – № 34.
8. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 27 марта 2006 г. N 69 «Об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и других работников образовательных учреждений» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2006/08/12/pedagogi-rejim-dok.html> (Дата обращения: 25.06.2014).
9. Отчет Федерального центра образовательного законодательства [Электронный ресурс] URL: http://www.lexed.ru/pravo/theory/cyryh/?cyryh1_41.html (Дата обращения: 25.06.2014).
10. Постановление Правительства РФ от 18.11.2013г. № 1026 «Правила предоставления государственной поддержки образовательного кредитования» [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru> – 2014 (Дата обращения: 25.06.2014).
11. Российская Федерация. Законы. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // Российская газета. – 2012. – 31 декабря (№ 5979).

УДК 343.985

В. К. Дадабаев, А. А. Стрелков

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕНТГЕНОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА СПИРАЛЬНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТОМОГРАФИИ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКЕ

В статье описано использование в судебно-медицинских и криминалистических экспертизах современных методов исследования, в частности СКТ (спиральная компьютерная томография), которое даст возможность экспертам объективно и научно обосновано отвечать на вынесенные вопросы экспертизы. Совместное сотрудничество при проведении исследований сотрудниками кафедры судебной медицины с курсом правоведения ТГМА и СУ СК РФ по Тверской области, способствует укреплению

взаимных контактов между сотрудниками силовых структур, преподавателями судебной медицины и судебно-медицинскими экспертами, направленное на эффективное расследование преступлений против жизни, здоровья, чести и достоинства граждан.

Ключевые слова: инновационные технологии, судебная медицина, криминалистическая экспертиза, спиральная компьютерная томография, юридические аспекты доказательной базы.

V. K. Dadabaev, A. A. Strelkov

THE USE OF RADIOLOGICAL METHODS OF SPIRAL COMPUTED TOMOGRAPHY IN FORENSIC MEDICINE AND FORENSIC PRACTICE

The use of modern methods of research in forensic medical and forensic examinations, in particular SKT (spiral computed tomography) will allow experts objectively and scientifically answer submitted questions of examination. The joint cooperation of the research staff of the Department of forensic medicine with a course of jurisprudence Tver State Medical Academy and Investigation Department of the Investigative Committee

of the Russian Federation in Tver region contributes to strengthening of mutual contacts between employees of law enforcement agencies, professors of forensic medicine and forensic experts aimed at the efficient investigation of crimes against life, health, honor and dignity of citizens.

Key words: Innovative technologies, forensic medicine, forensic examination, spiral CT, legal aspects of the evidential base.

Жизнь человека в соответствии со статьей 2 Конституции Российской Федерации является высшей ценностью в демократическом правовом государстве. Поэтому умышленное причинение смерти представляет наибольшую общественную опасность среди совершаемых преступлений. И одним из важнейших доказательств при расследовании преступлений данной категории является судебно-медицинская экспертиза трупа, которая позволяет установить время наступления и причину смерти, механизм образования телесных

повреждений и степень вреда причиненного здоровью.

Основным методом как патологоанатомического, так и судебно-медицинского исследования, остается аутопсия – т. е. секционное исследование мертвого тела (трупа).

Данный метод при всех преимуществах имеет ряд существенных недостатков. Эксперт оценивает давность повреждений мягких тканей, преимущественно на основании морфологических изменений выявленных визуально на макро- и микроуровнях. Однако определить точное время

образования (давность) и прижизненность повреждений мягких тканей на основе одних только внешних признаков не представляется возможным. Это также затруднено и при гистологическом исследовании по воспалительным реакциям и связано не только с воздействием внешних и внутренних факторов на ткани и их правильностью забора.

При возникновении спорных вопросов со стороны следствия или иных участников уголовного судопроизводства подтверждение обоснованности полученных выводов из акта судебно-медицинского исследования трупа, вызывает большие сложности. Мягкие ткани подвержены разложению и при этом существенно изменяют всю морфологическую картину, в связи с этим назначение и проведение повторных, дополнительных или комиссионных экспертиз существенно затягивает сроки расследования, но не может дать объективных, научно обоснованных ответов на поставленные вопросы.

Кроме того, существует проблема вскрытия (патологоанатомического и судебно-медицинского исследования) трупа в некоторых регионах РФ в виду религиозных канонов, что не позволяет дать объективное судебно-медицинское заключение о причине смерти и характере травмы, так как родственники категорически заявляют свои возражения. Международная конференция медицинских организаций (1983 г., Париж) считает обязательным уважительное отношение к религиозным убеждениям и мнению родственников, если семья отказывается дать согласие на вскрытие трупа по религиозным мотивам.

В связи с этим медицинские работники зачастую ссылаются на религиозную мораль и желание родственников пытаются объяснить снижение числа судебно-медицинских и патологоанатомических исследований с применением аутопсии и выдают неисследованными тела умерших в условиях стационара. Будем откровенны: все (или многие) отговорки о возможности выдачи тел без патологоанатомического вскрытия, необходимого в случаях, установленных нормативно-правовой базой, прикрывают жела-

ние главных врачей лечебных учреждений таким способом сократить численность неправильно поставленных диагнозов при лечении больных. В связи с этим установить причинную связь между неверным лечением и наступившими последствиями, повлекшими за собой смерть пациента, невозможно. Во многих таких случаях причина смерти остается неясной.

Отсутствие эффективного патологоанатомического контроля качества оказания медицинской помощи населению делает крайне высоким процент латентных преступлений по фактам причинения смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей медицинскими работниками.

Выявление и расследование преступлений данной категории представляет собой повышенную сложность для следствия. Как правило, поводом для проведения проверки в порядке ст. ст. 144-145 УПК РФ, а при наличии оснований – и к расследованию уголовного дела в отношении медицинских работников служат жалобы родственников умерших, которые утверждают, что летальные последствия наступили вследствие неправильного лечения. Труп умершего чаще всего оказывается уже захороненным, протокол патологоанатомического исследования или заключение (акт) судебно-медицинской экспертизы нередко отсутствует или нуждается в перепроверке первоначальных выводов, в результате чего возникает необходимость эксгумации и проведении повторной экспертизы.

В этой связи, на протяжении более 10 лет – с 2002 по 2013 годы – особую актуальность представляют собой научно-практические разработки альтернативных способов посмертного вскрытия, без использования инвазивных методов и с незамедлительным погребением в ходе применения, наряду с «классической» аутопсией – «виртуальной», проводимой с использованием компьютерной томографии и 3D технологий.

Так, в настоящее время впервые в РФ, при взаимодействии Следственного

управления по Тверской области и Тверского государственной медицинской академии осуществляются исследования по возможному использованию метода СКТ в судебной медицине и криминалистике, проведен анализ сравнительной картины КТ-изменений, при предварительном исследовании и данным вскрытия за трехлетний период (2010–2013 гг.) в Тверском областном бюро судебно-медицинской экспертизы и в Тверской областной клинической больнице.

Целью исследования является:

- возможность использования метода СКТ в судебной медицине в исследовании трупа, трупного материала «бескровным методом»;
- возможность применение данного метода для решения криминалистических вопросов – характера огнестрельного ранения, размер, локализация и свойство осколка (пули и т.д.), направление раневого канала и др.;
- отождествление личности по костям методом реконструкции в 3D-изображении.

Количество работ, посвященных использованию методов лучевой диагностики (традиционной рентгенографии, РКТ, МРТ, изотопной диагностики) в судебной медицине и пограничных ей областях науки, в отечественной литературе очень невелико. Они имеют единичный разрозненный характер, в отличие от специальной литературы многих зарубежных стран, где эти методы диагностики часто являются плановым и существенным дополнением к традиционной аутопсии, а в некоторых случаях заменяют её.

Какие-либо работы, посвященные установлению характера и степени тяжести причиненного повреждением вреда здоровью, давности и механизму причинения повреждения по морфологическим проявлениям травмы, выявленной при компьютерной и магнитно-резонансной томографии у мертвых тел, в настоящее время в нашей стране отсутствуют.

В то же время за рубежом, в таких странах, как в США, Великобритания, Израиль

и Швейцария, отдельные методы «виртуальной» аутопсии уже применяются.

Поэтому в начале своего исследования мы провели анализ рентгенологических методов, применяемых в судебно-медицинской практике, для выявления основных параметров, возможности их применения с целью получения результата в рамках вышеописанных задач исследования. Кроме того, согласно Приказу Минздравсоцразвития России от 12.05.2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации», применение рентгенологического метода при некоторых видах смерти является обязательными.

Данные, полученные нами при проведенном исследовании, позволяют высказать мнение, что метод СКТ-исследований превосходит как ныне используемый при судебно-медицинском исследовании традиционной рентгенологический метод, так и метод аутопсии.

Достоинствами метода СКТ являются следующие факторы:

- данный метод позволяет минимизировать ошибки судебно-медицинских экспертов и патологоанатомов при первичном исследовании трупа и значительно сократит количество эксгумаций для его повторного исследования, учитывая, что мягкие ткани организма, в первую очередь, подвержены разложению. Кроме того, впервые у судебно-медицинских экспертов и криминалистов появится возможность при исследовании трупов умерших, при идентификации трупа, объекта (фрагмента) исследования избежать заражения особо опасными инфекциями, в том числе, в частности СПИДом.

Скорость проведения «виртуальной аутопсии» значительно превосходит выполнение традиционной физической аутопсии, а также позволяет сравнить степень поверхностных повреждений с внутренними, не подвергая мертвое тело секционному исследованию. Предварительное проведение лучевого обследования перед вскрыти-

ем в заведомо сложных случаях позволит судебно-медицинскому эксперту целенаправленно «идти» на зону выявленных патологических изменений. Возможности компьютерной томографии также актуальны при проведении экспертизы замерзшего трупа, т. к. нет необходимости ожидать его размораживания в течение нескольких суток, что нередко может привести к необратимым изменениям и безвозвратной потере улик;

- полученные данные позволяют по морфологическим проявлениям травмы и данным на рентгеновской компьютерной томографии устанавливать локализацию, время образования повреждений, прогнозировать и устанавливать тяжесть причиненного вреда здоровью, что значительно облегчило получение дополнительной информации работникам, проводящим следственные мероприятия в раскрытии преступления;

- возможность идентификации личности по костям, основанное на индивидуальной пористости костной ткани человека, и воссоздания целого объекта – туловища, верхних и нижних конечностей – по обнаруженным фрагментам (костной и мягкой ткани трупа), методом реконструкции в 3D-изображении путем предварительного исследования их на компьютерном томографе.

Метод компьютерной томографии уникален своей мобильностью: полученные с

его помощью данные можно распечатать в традиционном виде или же сохранить на электронном носителе, они поддаются длительному хранению, занимают минимальный объем. Метод позволяет получать цифровое изображение и 3-мерную реконструкцию изображения с последующим воспроизведением на экране, определять формы объектов с заданной интенсивностью. Полученные данные в 3D-реконструкции можно хранить в электронном архиве, они более информативны в отличие от тех, что дает традиционный рентгенологический метод, что позволит значительно снизить количество эксгумаций для проведения повторных экспертиз, сократить сроки проведения судебно-медицинских исследований, а соответственно – и сроки следствия по уголовным делам.

Таким образом, научно-практическая разработка и реализация методики использования компьютерной томографии (СКТ) и техники 3D-изображений в практике криминалистики и судебно-медицинских исследований, официальное признание ее как одного из методов, наряду с традиционными, позволит не только качественно улучшить результаты в следственной и экспертной работе, но и поспособствует укреплению конституционной законности России.

Литература

1. Дадабаев В. К. Применение компьютерной томографии в судебной медицине. / В. Н. Троян, В. К. Дадабаев, В.А. Путинцев, Э.А. Ковтун. – Военно-медицинский журнал № 12, 2010 год. Стр. 52-53.
2. Дадабаев В. К. Использование 3D технологий в судебной медицине. /к.м.н. В. К. Дадабаев, д.м.н. Д. В. Сундуков. Журнал Медицинская экспертиза и право №4 2011 год. Стр. 19-20.
3. Дадабаев В. К., Стрелков А. А. Перспективы и возможности использования компьютерной томографии (СКТ) и 3D технологий в криминалистике и судебной медицине. /сборник научно-практических трудов «Расследование преступлений: проблемы и пути их решения» ФГКОУ ДПО «Институт повышения квалификации Следственного комитета РФ», выпуск 2, М., 2013 г., с. 141-146./
4. Израиль замени вскрытие трупов компьютерной аутопсией [Электронный ресурс] : медицинская библиотека. – 2009. – Режим доступа: <http://www.medlinks.ru/article.php> – дата доступа: 10.10.2010.

УДК 339.9(470)

А. В. Заровная

**ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ДОЛГОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ**

В статье рассматриваются негативные экономические последствия, вызванные проблемами по долговым обязательствам. В связи с этим автор уделяет большое значение антикризисным мерам по минимизации политических и экономических угроз. Поэтому особое внимание уделяется анализу и реализации государственно-право-

вой долговой политики, направленной на эффективное функционирование финансов и экономики, а значит укреплению государства и его безопасности.

Ключевые слова: государственный долг, долговая политика, долговой кризис, дефолт, дефицит бюджета.

L. V. Zarovnaya

STATE LEGAL DEBT POLICY OF RUSSIA: THE MAIN DIRECTIONS OF IMPLEMENTATION

The article discusses the negative economic consequences caused by debt problems. In this regard, the author attaches great importance to anti-crisis measures to minimize the political and economic threats. Therefore, special attention is paid to the

analysis and implementation of state legal debt policies for the effective functioning of the economy and finance, and thus strengthen the state and its security.

Key words: State debt, debt policy, the debt crisis, default, budget deficit.

Государственный долг как правовая и экономическая категория анализируется в научных изданиях уже в течение длительного времени. Значимость данной научной проблемы уже ни у кого не вызывает подозрения, а наоборот, в силу новых финансовых угроз и кризисов, приобретает большую остроту и важность как теоретического, методологического исследования, так и практического осмысления.

Мировой финансовый кризис, начавшийся в США, оказал свое негативное влияние на все сферы экономики, на всю финансовую систему в целом, не оставив в стороне проблемы в области государственных заимствований. Государства столкнулись с ухудшением экономических показателей, безработицей, инфляцией, дефицитом бюджета, а значит и с резким ростом государственного долга. Глобальный кризис для ряда стран Европейского Союза принял форму долгового, что не просто подрывает экономическое развитие государств, но и создает разного рода риски как политического, экономического, так

и национального характера. Поэтому проблемы государственного долга все больше притягивают внимание к экономической и с юридической сторонам вопроса.

В контексте долговых кризисов стало необходимым разрабатывать теоретические и практические знания для решения сложившихся и надвигающихся проблем по государственному долгу, и тщательному анализу полученных результатов. Основой формирования и исполнения бюджетов всех уровней должны стать четко заданные цели проводимой государством политики и ожидаемые результаты их достижения.

Любое государство экономически развивается согласно конкретному стратегическому и тактическому плану, то есть руководствуясь определенными целями и задачами, которые определяют специфику финансовой политики государства. Е. В. Покачалова справедливо считает, опираясь на положения экономической теории, что для достижения качественного роста экономики любой страны необходимо, чтобы в основу принимаемых решений публичных

органов власти была положена взвешенная и хорошо продуманная финансовая (экономическая) политика. Аналогичное значение несет и финансово-правовая политика. Являясь одним из самостоятельных направлений правовой политики России, она имеет не только важное ориентирующее значение для развития финансового права, но и влияет на эффективность функционирования финансов и экономики страны, реализацию задач социального развития, укрепление государства и его безопасности [3].

Финансово-правовая политика осуществляется в различных сферах финансовой деятельности государства, в том числе в области государственного долга. В целях формирования научно обоснованной и практически значимой правовой политики государства в данной сфере необходимо системное осмысление проблем, определение приоритетных направлений его развития.

Формирование финансовых ресурсов самым тесным образом связано с эффективностью функционирования системы государственного долга, поскольку она помогает обеспечивать формирование финансов государства и возможности эффективной реализации финансовой политики.

Также стоит обратить внимание на то, что в условиях мирового финансового и долгового кризиса резко возрастает значение антикризисных мер по минимизации его последствий. В связи с этим повышается роль инструментов государственной долговой правовой политики как регулятора (согласно Бюджетному кодексу ст. 6) источников финансирования дефицита бюджета, необходимого для экономического развития.

Неупорядоченная долговая политика на макроуровне обуславливает низкий кредитный рейтинг страны, на фоне которого рейтинги отдельных хозяйствующих субъектов оказываются неразличимыми, что сдерживает их продвижение на международных рынках. Напротив, высокий страновой рейтинг способствует активизации хозяйствующих субъектов на мировых рынках, открывает им доступ к относительно дешевым кредитным ресурсам в силу низких процентных

ставок в развитых странах. Таким образом, долговая макроэкономическая политика во многом определяет политику позиционирования компаний на международных рынках, обуславливает их инвестиционную привлекательность, позволяет диверсифицировать кредитные ресурсы, снизить их стоимость, следовательно, непосредственно влияет на корпоративную политику заимствований и инвестиционную политику.

Итак, непродуманная долговая политика является источником экономических и политических рисков, чему свидетельствует августовский кризис 1998 г., который признан одним из самых тяжелых экономических кризисов в России. Основная причина данных потрясений связана именно с большим государственным долгом, и как следствие – технический дефолт, объявленный 17 августа 1998 г. В результате экономика России получила тяжёлый удар, произошла девальвация российского рубля, снизилось доверие иностранных инвесторов, произошёл значительный спад производства и уровня жизни населения, резкий скачок инфляции.

Все эти негативные экономические последствия подтолкнули страну к выработке взвешенной правовой политики в области государственного долга, что способствовало успешному реформированию бюджетного процесса в России. В целях повышения результативности бюджетных расходов Правительство РФ своим Постановлением от 22 мая 2004 г. № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов», действующим с изменениями от 23 декабря 2004 г., одобрило Концепцию реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004-2006 годах, разработанную Министерством финансов РФ. Согласно этой Концепции именно государственной долговой политике отведена одна из ведущих ролей в повышении эффективности государственного управления и реструктуризации бюджетного сектора. Ведь, как известно, формирование бюджетной политики в области управления государственным долгом выступает составной

частью системы управления государственными финансовыми ресурсами [4].

Успешные комплексные меры по управлению государственным долгом реформирования бюджетного законодательства, вместе с развитием инновационной экономики снизили острую долговую проблему конца прошлого столетия, а значит, укрепили само государство.

Государственно-правовая долговая политика как средство юридической легитимации, имеет нормативно-правовое закрепление. В нашей стране она опирается на Конституцию, Бюджетный кодекс (глава 14,15), федеральные законы о федеральном бюджете, Бюджетные послания Президента Федеральному собранию, Постановления Правительства РФ «О мерах по реализации Федерального закона «О федеральном бюджете на текущий год и плановый период» и т. д.

Согласно ст. 170 Бюджетного кодекса РФ, Бюджетное послание Президента Российской Федерации направляется Федеральному Собранию, в котором определяется бюджетная политика России на очередной плановый период. Данное послание является программным политико-правовым документом, выражающим видение главой государства стратегических направлений развития России на ближайшую перспективу. Оно включает в себя как положения политического, экономического, идеологического характера, так и конкретные предложения, касающиеся законотворческой работы парламента.

Как и в предыдущих Посланиях Президента, в Бюджетном послании Президента РФ Федеральному собранию от 13.06.2013 «О бюджетной политике в 2014 – 2016 годах» актуализируются вопросы правовой политики в области государственного долга, также содержатся закрепления основных стратегические и тактические направлений государственно-правовой долговой политики Российского государства. Конкретно, в разделе 3, касающемся основных целей и задач бюджетной политики, делается вывод, что в отличие от стран с более диверсифи-

цированной экономикой, Россия не может позволить себе иметь хронический дефицит бюджета и высокий уровень государственного долга, которые ставят национальную экономику в зависимость от внешних условий и «вымывают» из нее инвестиционные ресурсы [1].

Таким образом, государство понимает, что проблемы по государственному долгу способны дестабилизировать всю экономику и могут негативно влиять на национальную независимость, создавая угрозу государственному суверенитету.

Правовая политика напрямую связана с государственным управлением, проводится и контролируется властными структурами. В частности, политика в области государственного долга, согласно Конституции РФ, реализуется и исполняется Правительством РФ и уполномоченным им Министерством финансов Российской Федерации. В структуре данного министерства существует департамент государственного долга и государственных активов для эффективной работы по управлению государственной задолженностью.

Министерство финансов РФ разрабатывает основные направления государственной долговой политики Российской Федерации, последний документ датируется 28.12.2012 г. годом и прогнозируется на 2013–2015 года. Государственная долговая политика в 2013–2015 гг. будет направлена на обеспечение финансирования дефицита федерального бюджета путем привлечения ресурсов на российском и международном рынках капитала на благоприятных условиях, обеспечение доходности суверенных долговых обязательств, формирование адекватных ориентиров по уровню кредитного риска для российских корпоративных заемщиков [2]. Также долговая политика нацелена на поддержание высокого уровня кредитных рейтингов страны, которые, по мнению Министерства финансов РФ, являются недооцененными, так как в России в процентном выражении низкий показатель государственного долга в сравнении с большинством развитых стран.

В соответствии со сценарными условиями и основными параметрами прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2013–2015 гг. реализация долговой политики в предстоящий период осуществляется и будет осуществляться в условиях ускорения темпов роста национальной экономики, постепенного снижения инфляции, умеренного роста цен на нефть и относительной стабильности курса рубля.

Основным источником финансирования дефицита федерального бюджета в 2013–2015 гг. выступают государственные заимствования. При этом государство ориентируется на покрытие дефицита на 90 % за счет государственных внутренних заимствований [2]. Подобная политика в

области увеличения доли внутреннего долга не случайна, ведь большой внешний долг создает угрозы экономического и политического характера, негативно сказывается на национальную безопасность.

Таким образом, исторический опыт развития нашей страны показал, что от взвешенной правовой политики в области государственного долга зависит не только экономическая ситуация, но и политическая конъюнктура. Сейчас, когда для мировой экономики все более актуальным становится вопрос о привлечении денежных средств посредством заимствований, механизмы формирования и обслуживания государственного долга должны стать объектом более пристального внимания.

Литература

1. Бюджетное послание Президента РФ Федеральному собранию от 28.12.2012 «О бюджетной политике в 2014 – 2016 годах» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 25.05.2014).
2. Основные направления государственной долговой политики российской Федерации на 2013 – 2015 гг. (28.12.2012 г.) // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://www.minfin.ru/ru/> (Дата обращения: 25.05.2014).
3. Покачалова Е. В. Государственная долговая правовая политика как основа бюджетного реформирования в России // Финансовое право – 2005 – № 7.
4. Покачалова Е.В. Правовые проблемы в сфере государственного долга в условиях реформирования бюджетного процесса // Финансовое право – 2006 – № 4.

УДК 341.64

Н. В. Петров

ФАКТИЧЕСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС В ДОГОВОРЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ

Статья посвящена одному из самых многозначительных и потому спорных понятий, такому как титульное страхование. Рассматривается юридическая природа страхового интереса в титульном страховании, правовые последствия его отсутствия.

Ключевые слова: страховое право, договор страхования, договор имущественного страхования, договор титульного страхования, страховой интерес, недействительные сделки.

N. V. Petrov

FACTUAL AND LEGAL INTEREST IN THE CONTRACT OF PROPERTY INSURANCE

The article is devoted to one of the most meaningful and therefore controversial concepts, such as title insurance. The author considers the legal nature of an insurable interest in the title insurance and the legal consequences of its absence.

Key words: insurance law, insurance contract, the contract of property insurance, title insurance contract, insurable interest, invalid transaction.

В арбитражной практике среди вопросов, касающихся оспаривания договоров страхования, наиболее часто рассматривается вопрос о наличии интереса у страхователя (выгодоприобретателя) в сохранении застрахованного имущества на момент заключения договора страхования (п. 2 ст. 930 ГК РФ). Этот вопрос также является наиболее важным и достаточно спорным с точки зрения правоприменения.

Принято считать, что интерес в сохранении имущества может быть фактическим и юридическим.

Фактический интерес выражает озабоченность определенного лица в сохранности имущества в силу того, что данное имущество удовлетворяет те или иные потребности этого лица, в силу чего это имущество ему нужно, представляет для него определенную значимость. Таким интересом могут обладать лица, не имеющие к данному имуществу никакого юридического отношения. Так, В.И. Серебровский приводит в качестве примера такого лица постоянного посетителя театра, который заинтересован в целостности театрального здания, декораций, обстановки и пр. [8, с. 375]. По законодательству некоторых

стран фактического интереса уже достаточно для того, чтобы лицо могло заявить о себе в качестве страхователя.

Однако ГК РФ говорит о том, что интерес в сохранении имущества был основан на законе, ином правовом акте или договоре, т. е. требует наличия юридического интереса.

Юридический интерес выражает озабоченность лица в сохранении имущества в силу того, что данное лицо имеет определенные права на это имущество или несет по отношению к нему определенные обязанности.

Интерес в сохранении имущества как выражение субъективного отношения лица к этому имуществу всегда должен быть основан на сочетании фактического и юридического интересов. Наличие одного фактического интереса недостаточно уже в силу требования закона. В то же время право на имущество (например, право собственности) хотя и предполагает наличие у субъекта интереса в сохранности этого имущества (как следствие заинтересованности в сохранении самого права), но может и не порождать такого интереса. С юридической точки зрения право собственности хотя и

возлагает на собственника бремя содержания принадлежащего ему имущества, однако не включает в себя обязанности по его сохранению. Более того, ГК предусматривает возможность отказа от права собственности (ст. 236 ГК). Никакое право собственности не может заставить человека любить принадлежащую ему вещь и дорожить ею. Иначе говоря, само по себе право на имущество автоматически не порождает у обладателя этого права интереса в сохранении данного имущества. В результате может возникнуть ситуация, когда лицо, являющееся безупречным с точки зрения юридического отношения к имуществу, страхует его, не имея интереса в сохранении предмета страхования.

Таким образом, интерес в сохранении имущества должен вобрать в себя две составляющие: фактический и юридический интересы. Отсутствие одного из них приводит к отсутствию самого интереса в сохранении имущества как обязательного условия правомерности страхования. При этом сам интерес в сохранении имущества должен существовать независимо от того, страхуется это имущество или нет. Более того, он должен сохраняться и в случае, когда имущество застраховано. Причем интерес в сохранении имущества должен быть выше интереса в получении страхового возмещения, т. е. интерес в получении страхового возмещения не должен привести к утрате интереса в существовании имущества. К этому, в частности, приводит страхование на сумму, превышающую действительную стоимость имущества. Кстати, представляется ошибочной точка зрения, согласно которой интерес в сохранении имущества, выражая собой имущественный (иногда его называют страховым) интерес, выступает в качестве объекта страхования. Застраховать интерес в сохранении имущества невозможно, так как страхование не обеспечивает сохранности имущества. Страхователь осуществляет страхование имущества не на предмет его сохранения, а на предмет защиты своего материального положения, что, в частности, выразится

в использовании полученной страховой выплаты на возмещение того убытка, который возникнет у него в случае утраты или повреждения данного имущества.

То обстоятельство, что интерес в сохранении имущества имеет две составляющие (фактическую и юридическую), вызывает у страховщиков определенные сложности в установлении наличия этого интереса. И если это сравнительно нетрудно сделать в отношении юридической составляющей (достаточно проверить титул страхователя применительно к предмету страхования), то в отношении фактического интереса сделать это гораздо сложнее. Отсюда столь часты случаи страхования, безупречного с формально-юридических позиций, но дефектного в силу отсутствия у страхователя фактического интереса в сохранности имущества. И не случайно, что в зарубежной практике страхового дела выявлению мотивов потенциального страхователя уделяется большое внимание, для чего применяется система специальных тестов, анкет, опросных листов, позволяющих выяснить истинные интересы этого лица.

Возможность осуществления страхования имущества любым лицом, имеющим интерес, связанный с владением, пользованием, распоряжением имуществом, а также интерес в сохранении этого имущества привели к тому, что страхование имущества стало делиться на страхование собственных и чужих объектов. Страхователем собственного объекта выступает, естественно, собственник страхуемого имущества или лицо, обладающее им на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. Страхователем чужого объекта выступает соответственно лицо, не являющееся собственником.

Надо сказать, что такой подход в науке страхового дела вызывает определенные сомнения. Так, В. П. Крюков по поводу практики, когда имущество может застраховать любой гражданин независимо от того, является это имущество собственным или чужим, в свое время писал, что «страхование собственного объекта полноправно мо-

жет быть осуществлено только фактическим владельцем лично, и притом, непременно, на свое имя; всякие же другие лица, страхующие на свое имя и за свой счет, но чужое имущество, не могут быть отнесены к разряду полноправных контрагентов» [4, с. 43]. Данная тема продолжает оставаться актуальной и в настоящее время. В частности, существуют вопросы: правомерно ли страхование имущества третьим лицом без ведома и согласия собственника, правомерно ли страхование чужого имущества в свою пользу, возможно ли страхование своего имущества хотя и в свою пользу, но за счет третьего лица и др.

Страхование чужого имущества в пользу его собственника достаточно распространено на практике. Например, страхование арендатором арендуемого строения в пользу арендодателя, страхование грузоотправителем груза в пользу грузополучателя, являющегося собственником этого груза, страхование хранителем вещей в пользу поклажедателя и т. п. Такого рода договоры страхования нередко порождаются обязанностью, предусмотренной основным договором, и выступают в качестве условия последнего. Обычно в этих случаях имеет место перемещение риска гибели или утраты имущества с его собственника на другое лицо. Однако при этом не следует путать страхование имущества в пользу его собственника со страхованием риска ответственности за нарушение договора, которое является самостоятельным видом имущественного страхования.

В целом же представляется, что страхование любого чужого имущества (даже если его собственник выступает в качестве выгодоприобретателя) должно осуществляться с согласия или, по крайней мере, с уведомлением собственника этого имущества. И это правило следовало бы закрепить, по нашему мнению, в законе, как это сделано в страховом законодательстве некоторых стран.

Обращаясь к легальному определению страхователя как субъекта страховых отношений, видно, что конститутивным

признаком его статуса является само участие в страховом обязательстве. Однако это не отражает особенностей правового положения страхователя. Нормы ст. 5 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» акцентируют внимание на том, что страхователь – это лицо, либо заключившее договор страхования, либо являющееся таковым в силу указания закона. Ряд специалистов совершенно справедливо полагают, что именно участие лица в согласовании условий договора страхования, позволяет признать такое лицо страхователем. Поэтому легальное определение понятия страхователя в большей степени отвечает указанным признакам [11].

Поскольку титульное страхование, без сомнения, следует отнести к имущественному страхованию, страховой интерес проявляется в форме возмещения лицу убытков, связанных с утратой имущества в результате оспаривания или прекращения права собственности на него вследствие требований третьих лиц, а также ограничением права собственности. Носителем такого интереса, в первую очередь, является, конечно же, собственник имущества. Но следует помнить, что в гражданском законодательстве содержится немало оснований для прекращения или ограничения права собственности помимо воли самого собственника. Например, покупателю может быть передан товар, который обременен правами третьих лиц (вещными или обязательственными) либо их притязаниями, которые были впоследствии признаны правомерными. Наличие подобных обременений, само по себе способное причинить имущественные потери новому собственнику, может стать причиной изъятия у него вещи в пользу третьих лиц по решению суда, т. е. к эвикции.

Сегодня среди юристов-практиков распространено мнение, что страхователем в договоре титульного страхования может быть только собственник имущества. Так, главный операционный юрист юридической компании Berger&Partners М. Бородиня считает, что титул застраховать можно только после получения имущества в соб-

ственность [10]. Но напомним особенность титульного страхования, которая заключается в том, что оно защищает не от предполагаемых катаклизмов, а от уже произошедших событий, не известных страхователю и не проявившихся на момент заключения договора страхования. Поэтому можно утверждать, что в качестве страхователя может выступать и добросовестный приобретатель. Более того, можно предположить, что для договора титульного страхования не может быть различий между собственником и добросовестным приобретателем.

Как известно, добросовестным считается владелец, который не знает и не должен знать о незаконности своего владения. При этом, несмотря на многочисленные попытки определения правового статуса добросовестного приобретателя, данный вопрос до сих пор далек от своего окончательного разрешения, как в науке гражданского права, так и в правоприменительной практике. Поскольку обозначенная проблема имеет непосредственную связь с исследуемыми правоотношениями, остановимся на этих вопросах более подробно.

В научной среде, да и в судебно-арбитражной практике, достаточно распространено мнение, что фигура добросовестного приобретателя есть продукт виндикационного иска, и вне соответствующих судебных процессов возможность его защиты ограничена. Нередко высказываются мнения о том, что «ссылка на добросовестное приобретение является мерой обороны, мерой пассивной (ответной)» [3, с. 12].

Сходную позицию можно проследить и в некоторых судебных решениях. Так, принимая решение по одному из дел, рассматривая иск о признании лица добросовестным приобретателем, арбитражный суд указал, что единственный способ защиты права добросовестного приобретателя лежит в рамках виндикационного иска. Там же отмечалось, что доказывание факта добросовестного приобретения имущества возможно лишь при разрешении спора об истребовании имущества из чужого незаконного владения в порядке статьи 301 ГК РФ [7].

Конечно, вероятность удовлетворения иска о признании приобретателя добросовестным вызывает определенные сомнения. Однако с предложенным, как нам представляется, ограничительным толкованием статуса добросовестного приобретателя, тоже вряд ли можно полностью согласиться.

Думается, что применительно к данной проблематике, заслуживает внимания точка зрения В. Богданова, который, опираясь на положения ст. 234 ГК РФ, утверждает, что установление добросовестности у приобретателя необходимо не только в рамках виндикационного процесса. Так, при установлении факта владения имуществом как своим собственным, также может рассматриваться вопрос о доброй совести приобретателя. В. Богданов обращает внимание, что закон помимо общего правила исчисления срока приобретательной давности устанавливает особый порядок исчисления этого срока для владения вещами, которые могут быть истребованы у добросовестного приобретателя (п. 4 ст. 234 ГК РФ). Указание на различие в сроках для двух этих владельцев должно расцениваться как указание на необходимость установления добросовестности при рассмотрении вопроса о возможности применения приобретательской давности в отношении имущества, которым владеет добросовестный приобретатель, даже если он и не был признан таковым в рамках виндикационного процесса. Полагаем, что вполне возможны такие ситуации когда собственник не заявляет иск о виндикации имущества или в таком иске ему отказано по мотивам пропуска сроков исковой давности [1, с. 36].

Мы полагаем, что в рамках исследования данной проблемы можно взять за основу точку зрения Э. Ломидзе, которая в своих рассуждениях использует разработанные М. И. Брагинским критерии наличия или отсутствия у лица имущественного страхового интереса [5]. Пользуясь этими критериями, в структуре страхового интереса необходимо различать интересы негативный и позитивный, полагая, что содержание позитивного интереса состоит в том, что при

наступлении соответствующего события (страхового случая) страхователь сможет потребовать от страховщика возмещения убытков, а содержание негативного интереса сводится к заинтересованности лица в том, чтобы страховой случай все же не наступил [2, с. 536].

На основе анализа правоприменительной практики, изложенной в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 28 ноября 2003 года № 75 [6], Э. Ломидзе приходит к следующим выводам.

Во-первых, Президиум ВАС РФ поддерживает позицию судов, признающих действительность договора страхования имущества, в котором страхователем выступило лицо, не являющееся собственником застрахованной вещи, но владеющее вещью на основании договора независимо от того, перенесен ли на это лицо риск случайной утраты (гибели) или повреждения вещи. Однако такой подход сам по себе еще не гарантирует получение страхователем возмещения при наступлении страхового случая. Страхователю необходимо обосновать свое право на получение возмещения по договору страхования имущества, исходя из положений ст. 930 ГК РФ.

Во-вторых, Президиум ВАС РФ ориентирует практику на достаточно гибкое решение вопроса о том, в какой именно сумме может быть выплачено страховое возмещение страхователю, который не несет риска случайной гибели (повреждения) имущества [6]. В частности, в п. 4 Обзора изложен следующий казус: страхователь, получивший автомобиль по договору безвозмездного пользования, застраховал его от угона в свою пользу. Наступил страховой случай. Страховщик отказал в выплате страхового возмещения и, защищаясь в суде, ссылаясь на недействительность договора страхования, указывая на то, что страхователь является в отношении застрахованного имущества ссудополучателем, соответственно не несет риска утраты имущества, этот риск несет собственник; угон автомобиля затрагивает имущественный интерес собственника, а не страхователя. Суд пер-

вой инстанции согласился с доводами страховщика, суд апелляционной инстанции, напротив, иск страхователя удовлетворил, исходя из следующего. Ссудополучатель заинтересован в сохранении автомобиля для последующего возврата, и такой риск мог быть застрахован в качестве риска ответственности по договору. Также суд констатировал наличие заинтересованности ссудополучателя в сохранении имущества для себя. На этом построен итоговый вывод суда о действительности рассматриваемого договора, однако при разрешении вопроса о размере страхового возмещения суд пришел к выводу, что возмещение может быть выплачено только в пределах тех убытков, которые понес ссудополучатель в связи с невозможностью использования вещи в своем интересе вследствие наступившего страхового случая.

Анализ представленного в гражданско-правовой науке спора и развития практики приводит исследователя к выводу, что выражение «интерес в сохранении имущества», рассматриваемое как негативная составляющая страхового интереса либо как обозначение страхового интереса применительно к страхованию имущества, и не может выступать в качестве эффективного критерия допустимости страхования имущества в пользу арендатора или ссудополучателя.

Арендатор и ссудополучатель, как правило, заинтересованы в сохранности переданного им в пользование имущества. Заключив соответствующий договор страхования, они проявили свой интерес в данном имуществе. Констатируя наличие негативного интереса у арендатора, ссудополучателя, Президиум ВАС РФ приравнивает их в этом вопросе к собственнику. Оценивая позитивную составляющую интереса, Президиум ВАС РФ дифференцирует положение собственника и иного законного владельца при решении вопроса о размере страхового возмещения [6].

Считаем, что полученные выводы в полной мере можно отнести и к договору титульного страхования. В результате пороков

титула арендодателя имущество может быть истребовано у арендатора, который, во-первых, заинтересован в использовании имущества (иначе он бы не заключал договор аренды), во-вторых, он может терпеть убытки в связи с прекращением возможности пользоваться арендованным имуществом.

Подводя итоги, можно сформулировать следующие выводы:

1) на стороне страховщика в договоре титульного страхования выступает стра-

ховая организация, лицензия которой позволяет заключить договоры данного вида страхования;

2) в качестве носителя страхового интереса, выражающегося в непорочности титула владения, могут выступать: собственник имущества, добросовестный приобретатель такого имущества, а также лица, права владения и пользования которых основаны на договорах аренды и безвозмездного пользования.

Литература

1. Богданов В. И вновь о защите добросовестного приобретателя // ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 21.
2. Брагинский М.М., Витрянский В.В. Договорное право: Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М., 2002.
3. Катунин Д. Сделки: черная воля «доброй совести» // Бизнес-адвокат. – 2005. – № 2.
4. Крюков В.П. Очерки по страховому праву. Систематическое изложение и критика юридических норм страхового дела. – М., 1992 (переизд. 1925 г.).
5. Ломидзе Э. Значение содержания страхового интереса для выбора вида имущественного страхования // Хозяйство и право. – 2005. – № 11.
6. Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28 ноября 2003 года № 75 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2004. – № 1.
7. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 29.01.2004 № Ф04/331-1а/А45-2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AZS;n=7276> (Дата обращения: 22.06.2014)
8. Серебровский В.И. Очерки советского страхового права // Избранные труды. – М., 1997.
9. Страхование право России: Учебное пособие / Отв. ред. В.С. Белых. – М., 2009.
10. Титульное страхование [Электронный ресурс]. URL: www.kvadroom.ru (Дата обращения: 10.10.2010).
11. Фогельсон Ю.Б. Договор страхования в российском гражданском праве: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. – М., 2005.

УДК 347.466

Р. Ю. Сапунков

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ПУБЛИЧНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
КАК СУБЪЕКТОВ ЗАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

В статье рассматриваются особенности способов участия юридических лиц и публичных образований в залоговых правоотношениях, специфика правовых режимов имущества участников залога и выдвигаются предложения по унификации правового

положения субъектов залоговых правоотношений.

Ключевые слова: субъекты залоговых правоотношений, публичные образования, залогодатель, право хозяйственного ведения, право оперативного управления.

R. Y. Sapunkov

**LEGAL POSITION OF LEGAL ENTITIES AND PUBLIC ENTITIES
AS SUBJECTS PLEDGE LEGAL RELATIONS**

The article deals with particular ways of participation of legal entities and public entities in pledge legal relations, as well as specificity of legal regimes of participants' property pledge. The author puts forward proposals

for unification of legal position of subjects of pledge legal relations.

Key words: subjects of pledge legal relations, public entities, mortgagor, economic management law, right of operative management.

Действующий Гражданский кодекс РФ среди субъектов гражданских правоотношений вообще и залоговых правоотношений в частности называет граждан (физических лиц) и юридических лиц. Кроме того, отдельно главой 5 подраздела 2 раздела I Части Первой ГК РФ определен порядок участия в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, специальных публичных субъектов – Российской Федерации, субъектов Российской Федерации: республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов, а также городских, сельских поселений и других муниципальных образований [1].

Анализ правового положения физических лиц как частных субъектов залоговых правоотношений в рамках настоящей статьи практического значения не имеет. В этой связи ниже речь пойдет о правовом положении частных юридических лиц и публичных субъектов как участников залоговых правоотношений.

Для целей соответствия признакам надлежащего субъекта залоговых правоотношений их участники должны отвечать

ряду признаков, которые теоретически могут быть подразделены на общие и специальные.

Говоря об особенностях правового положения частных и публичных образований в части их соответствия общим критериям надлежащего субъекта залоговых правоотношений, нужно особо отметить специфику способов их участия в таких отношениях. Так, частные юридические лица участвуют в гражданском обороте самостоятельно. В тоже время, публичные образования, в зависимости от их уровня, выступают в хозяйственном обороте либо через органы государственной власти (Российская Федерация и субъекты РФ), либо через органы местного самоуправления (муниципальные образования). В свою очередь отдельные органы для реализации, возложенных на них функций создают в установленном порядке государственные и муниципальные унитарные предприятия [2] и в рамках своей компетенции передают таким предприятиям в хозяйственное ведение или оперативное управление имущество, находящееся в государственной или муниципальной собственности. Из всего многообразия субъ-

ектов гражданского оборота, представляющих публичные образования, из участия в залоговых правоотношениях исключены те из них, которым имущество принадлежит на праве оперативного управления.

Такая многоуровневая система участия публичных образований в хозяйственном обороте порождает проблему определения ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств субъектами, действующими от имени Российской Федерации, субъектов РФ или муниципальных образований. Указанное, безусловно, не может не влиять на разницу в положении между частными и публичными образованиями как субъектами залоговых правоотношений.

Возвращаясь к вопросу о специальных признаках субъекта залоговых отношений, отметим, что под таковыми следует понимать те особые правовые условия, которые делают возможным участие конкретного лица в конкретном правоотношении либо на стороне залогодателя, либо на стороне залогодержателя. Специальных требований к залогодержателю действующее законодательство не содержит. Для участия в залоговом правоотношении на стороне залогодателя частные юридические лица должны обладать правом собственности на закладываемую вещь. Иных прав, кроме права собственности, предоставляющих частным лицам полномочия по распоряжению имуществом действующее законодательство не предусматривает.

Правовое положение публичных образований как участников залоговых отношений в соответствии с действующим гражданским законодательством имеет ряд общих черт с положением юридических лиц и регулируется нормами, определяющими участие последних в гражданских отношениях.

Особенность правового положения публичных образований как участников залоговых отношений на стороне залогодателя определяется специальной оговоркой ГК о возможности передачи в залог имущества, вверенного государственным или муниципальным унитарным предприятиям на праве хозяйственного ведения. Между тем, такое

ограниченное вещное право представляет собой искусственно созданную и не известную ни иным правовым порядкам, ни типичным цивилистическим воззрениям [3, с. 19–23] конструкцию советской юриспруденции [4].

Надо заметить, что право хозяйственного ведения представляет собой категорию, по набору правомочий практически полностью совпадающую с правом собственности, хотя при этом существенно отличается от последнего по самой своей природе. Так, практически полное отсутствие частной собственности на основные средства производства в советский период истории нашего государства, не бывавая по объемам и оперативности проведения приватизация в период строительства новой государственности и, как следствие, неспособность государства в силу ряда объективных причин полностью отказаться от права собственности на наиболее значимые объекты, но, в то же время, назревшая необходимость постепенного предоставления большей автономии публичным образованиям в хозяйственных отношениях стали предпосылками возникновения такой уникальной правовой конструкции.

Право хозяйственного ведения по общему правилу предоставляет государственным и муниципальным унитарным предприятиям возможность вступать в гражданские, в том числе и залоговые правоотношения на стороне залогодателя в отношении имущества, переданного им публичным образованием – собственником вещи самостоятельно без дополнительного согласования таких операций с собственником.

Перечень исключений из этого правила легально установлен и является исчерпывающим. Так, государственное или муниципальное унитарное предприятие без согласия собственника в залог может передавать только движимое имущество в пределах, не лишаящих его возможности осуществлять деятельность, цели, предмет, виды, которой определены уставом такого предприятия. Таким образом, субъекты права хозяйственного ведения в отношении достаточно широкого перечня имущества существенно

ограничены в полномочиях по распоряжению, в том числе и передаче его в залог.

В этой связи, государственные или муниципальные унитарные предприятия как субъекты права хозяйственного ведения являются особыми участниками залоговых отношений, могут самостоятельно выступать залогодателями имущества, собственниками которого они не являются.

Ввиду того, что к настоящему моменту в России практически полностью сформировалась рыночная модель экономики, никаких объективных причин к сохранению такого пережитка переходного периода, как право хозяйственного ведения, не остается. Более того, изменение правового режима имущества государственных и муниципальных унитарных предприятий с права хозяйственного ведения на право собственности приведет к их большей вовлеченности в хозяйственный оборот.

Следует отметить, что из массива залоговых отношений действующей редакцией Гражданского кодекса РФ полностью исключена широкая группа участников – субъектов права оперативного управления.

Между тем, отсутствие в статье 335 ГК РФ указания на право оперативного управления противоречит положениям о субъектах такого права – учреждениях и казенных предприятиях. Так, статьей 120 ГК РФ предусмотрено деление учреждений на частные и государственные или муниципальные. В свою очередь государственные или муниципальные учреждения могут быть автономными, бюджетными или казенными.

Частное учреждение не вправе распоряжаться закрепленным за ним на праве оперативного управления имуществом. Автономное и бюджетное учреждение только с согласия собственника распоряжаются недвижимым и особо ценным движимым имуществом. Остальным имуществом они распоряжаются самостоятельно, если иное не установлено законом. Казенное учреждение не вправе отчуждать либо иным способом распоряжаться имуществом без согласия собственника имущества (ст. 298 ГК РФ).

Вместе с тем, законом предусмотрено право частных, автономных и бюджетных учреждений осуществлять в установленных случаях деятельность, приносящую доходы, и самостоятельно распоряжаться полученными доходами и имуществом, приобретенным на полученные доходы. Доходы, полученные казенным учреждением, поступают в соответствующий бюджет.

Законом «О залоге» [5] установлено более прогрессивное правило в отношении правового положения залогодателя, а именно: учреждение может передавать в залог имущество, в отношении которого оно в соответствии с законом приобрело право на самостоятельное распоряжение (ст. 19 Закона «О залоге»).

Поскольку законодатель в целом допускает для учреждений возможность распоряжения имуществом либо с согласия собственника, либо самостоятельно, то представляется непоследовательной позиция, отраженная в ГК о недопущении к участию в залоговых отношениях на стороне залогодателя субъектов, наделенных правом оперативного управления в отношении предмета залога.

Такие противоречия в подходе законодателя порождают соответствующие разногласия у правоприменителей. Так, суды признают ничтожными сделки по передаче в залог имущества, принадлежащего учреждениям на праве оперативного управления [6]. Такая позиция судов сохраняется даже в тех случаях, когда на совершение сделки было получено согласие собственника [7]. Вместе с тем, по мнению судов, имущество, которым учреждение вправе распорядиться самостоятельно, может быть передано им в залог [8].

В то же время, к настоящему моменту принят Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (9). Согласно изменениям, внесенным указанным законом в текст Граж-

данского кодекса, залогодателем по общему правилу может быть только собственник вещи. Однако, лица, имеющие иное вещное право, могут передавать вещь в залог в случаях, предусмотренных Гражданским кодексом (ст. 335 ГК РФ в ред. от 21.12.2013).

Такое нововведение устранил существующее противоречие и будет способствовать беспрепятственному участию учреждений в залоговых правоотношениях в случаях, когда их участие в гражданском обороте допускается законом и их учредительными документами.

Таким образом, на сегодняшний день имеются существенные различия в правовом положении юридических лиц и публич-

ных образований как субъектов залоговых отношений, обусловленные в первую очередь способами их участия – самостоятельно или через государственные органы и органы муниципальной власти, унитарные предприятия и учреждения – а также различными правовыми режимами имущества лиц, непосредственно участвующих в гражданском обороте. К настоящему моменту объективно назрела и частично реализована необходимость реформирования законодательства с целью унификации подходов к нормативному регулированию положения частных и публичных участников гражданских правоотношений.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 02.11.2013) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. – 02.12.2002. – № 48. – Ст. 47–46.
3. Городецкая Е.А. К вопросу о дуализме права управления государственной собственностью // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 4.
4. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде (утв. ВС СССР 23.11.1989 № 810-1) // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1989. – № 25. – Ст. 481.
5. Закон РФ от 29.05.1992 № 2872-1 (ред. от 02.10.2012) «О залоге» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 11.06.1992. – № 23 (11.06). Ст. 1239.
6. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 25 сентября 2001 г. по делу № 2404 [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 20.06.2014).
7. Постановление ФАС Поволжского округа от 4 ноября 2002 г. № А55-6256/02-14 [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 20.06.2014).
8. Определение ВАС РФ от 5 марта 2010 г. № ВАС-2036/10 по делу № А43-8990/2009-17-292// Официальный интернет-портал Картоотека арбитражных дел [Электронный ресурс] URL: <http://kad.arbitr.ru> (Дата обращения: 20.06.2014).
9. Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 23.12.2013. (Дата обращения: 20.06.2014).

УДК 347.413

М. В. Тарасов

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ
В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

В статье с опорой на отечественную юридическую доктрину и актуальные нормы позитивного права России, а также ряда зарубежных стран, исследуется объем дееспособности лиц, не достигших возраста восемнадцати лет, в связи с их участием

в гражданско-правовых отношениях в сети Интернет.

Ключевые слова: несовершеннолетний гражданин, дееспособность, сделка, Интернет, виртуальное пространство.

M. V. Tarasov

SOME PECULIARITIES OF JUVENILES' INVOLVMENT IN CIVIL LAW RELATIONS IN VIRTUAL SPACE

Relying on legal doctrine and current positive law of Russia as well as several foreign countries, the author explores legal capacity of persons under eighteen years of age in connection with their par-

ticipation in civil and law relations on the Internet.

Key words: juvenile citizen, capacity to act, transactions, the Internet, virtual space.

Современные информационно-коммуникационные технологии заняли прочно место в жизни многих людей. Как указывает Министр связи и массовых коммуникаций РФ Н. Никифоров, в 2013 г. месячная аудитория Рунета превысила 65 млн. человек [1]. В 2012 г. эта цифра, по данным Игоря Щеголева, занимавшего на тот момент пост главы данного министерства, насчитывала 60 млн. пользователей, «молодежь в возрасте 12–15 лет составила 59 процентов всей аудитории» [11]. В то же время вопросы, касающиеся участия малолетних и несовершеннолетних лиц в гражданско-правовых отношениях в виртуальном пространстве, несмотря на их очевидную актуальность до сих пор не изучены цивилистической наукой. Свой вклад в этом исследовательском направлении мы постараемся внести, проанализировав дееспособность лиц, в возрасте от 14 до 18 лет.

П. 2 ст. 26 ГК РФ указывает на объем дееспособности несовершеннолетних лиц в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, описывая действия гражданско-правового характера, которые указанное лицо может совершать без согласия законного представителя. Согласно ГК, они имеют

право самостоятельно распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами, осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности, вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими, совершать мелкие бытовые сделки и иные сделки, которые могут совершать малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет [6].

Если обратиться к французскому праву, то, как указывают К. Цвайгерт и Х. Кетц, с 1974 г., в противоположность норме ст. 1123 ГК Франции (далее – ФГК), заключенные несовершеннолетним сделки, кроме случаев, «когда закон или обычай позволяет несовершеннолетнему действовать самостоятельно» (ст. 389-3 и 450 ФГК) согласно обязательствам повседневной жизни, изначально считаются недействительными (ничтожными). Вместо них должны действовать их законные представители. Исключение составляют лишь случаи, признание действительными которых продиктовано особыми причинами [10, с. 40–41].

Наиболее интересными, на наш взгляд, в контексте данной статьи являются право

несовершеннолетнего на самостоятельное распоряжение своими заработком, стипендией и иными доходами, право вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими, а также совершать мелкие бытовые сделки рассматривались выше, в то время как интеллектуальные права несовершеннолетнего в принципе ни чем не отличаются от прав полностью дееспособного лица, а право быть членом кооператива не относится к сфере нашего исследования.

Мелкой бытовой сделкой является сделка незначительная по сумме, направленная на удовлетворение бытовых потребностей ребенка, т.е. его личных потребительских нужд [7]. Как подчеркивает большинство цивилистов (Л. Г. Кузнецова, Е. А. Суханов, А. Е. Тарасова, Ю. К. Толстой и др.), характер мелких бытовых сделок должен соответствовать возрасту и потребностям субъекта: покупка хлеба, сладостей, книг, школьных принадлежностей и т.п., а также не иметь значительного влияния на семейный бюджет. Данное правило требует от контрагента способности в каждом конкретном случае дать оценочную характеристику возможностям частично дееспособного лица. Так, в большинстве случаев десятилетнему ребенку вряд ли продадут игрушку, законных представителей, ведь те, в свою очередь, будут иметь законное право требовать возврата денежных средств в рамках двусторонней реституции согласно п. 1 ст. 171 и ст. 172 ГК РФ. Отметим, что п. 1 ст. 172 ГК РФ признает ничтожной сделку, совершенную малолетним за пределами действия норм ст. 28 ГК, если она не совершена к выгоде малолетнего и не одобрена законным представителем.

Как правило, платежи в виртуальном пространстве осуществляются при помощи электронных денежных средств (электронных денег). Здесь право несовершеннолетнего на самостоятельное распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами и право вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими близко «соседствуют» друг с другом, т.к. большое число электронных платежных

средств осуществляют там и банковскую деятельность. Например, в рамках системы электронных платежей QIWI осуществляется: использование сервиса «QIWI Кошелек», выпуск предоплаченной карты и осуществление расчетов с ее использованием, оказание услуг безналичных расчетов с использованием предоплаченной карты ЗАО «КИВИ Банк», оказание услуг безналичных расчетов с использованием предоплаченной карты VISA ЗАО «КИВИ Банк» [2]. Поэтому следующей стадией развития сферы имущественного оборота вполне ожидаемо могут стать договоры банковского вклада электронных денежных средств, в которых несовершеннолетний, в соответствии с существующими нормами, имеет право участвовать. Уже сейчас физическое лицо имеет возможность с помощью информационно-коммуникационных сетей заключить кредитный договор.

Однако в публичной оферте представленного выше сервиса нормы гражданского законодательства о дееспособности несовершеннолетнего не находят своего практического применения. Согласно положениям этой оферты, пользователь – физическое лицо, обладающее полной дееспособностью в соответствии с действующим законодательством РФ [4].

Как нам представляется, подобное правило противоречит требованиям ст. 26 ГК РФ и ограничивает права несовершеннолетних лиц на самостоятельное распоряжение своими доходами. Существование именно такой формулировки в договоре, по всей видимости, продиктовано стремлением оградить себя от претензий со стороны законных представителей несовершеннолетнего. Но, в данном случае, это проблема не нормативного регулирования, а правоприменения, повсеместно наблюдаемая в сети Интернет.

Что же касается самих общественных отношений по распоряжению несовершеннолетним заработком, стипендией и иными доходами, то в юридической литературе точки зрения на этот вопрос несколько разнятся. Так, О.А. Рузакова считает, что рас-

поряжение несовершеннолетними своими доходами возможно с определенными ограничениями, которые распространяются... на сделки..., выходящие за пределы мелких бытовых [3]. С. М. Корнеев и А. Е. Шерстобитов указывают, что в данном случае имеются в виду сделки, совершаемые несовершеннолетними за счет средств родителей..., но не за счет своего заработка, стипендии, иных доходов, которые они могут расходовать самостоятельно, совершая любые, а не только «мелкие бытовые» сделки [5, с. 142].

Как нам представляется, данной нормой, в рамках воспитательной функции гражданского права, законодатель хотел предоставить несовершеннолетнему возможность, хотя бы в части собственных средств (как правило, не таких больших, как у взрослых), принять участие в имущественном обороте наравне с полностью дееспособными лицами, прививая ему тем самым добросовестное и ответственное поведение. Да и сама структура п. 2 ст. 26 ГК РФ охватывает это право в ряду прав, осуществление которых не содержит никаких ограничений (право автора РИД, право на внесение вклада в кредитное учреждение). К тому же, в соответствии с п. 1 ст. 1074 ГК, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет самостоятельно несут ответственность за причиненный вред на общих основаниях (даже по сделкам, заключенным с разрешения законного представителя), а возложение на них полной ответственности без возможности полного осуществления своих прав (хотя бы в некоторых общественных отношениях), вряд ли соответствует целям законодательного регулирования. Поэтому мы склоняемся ко второй точке зрения и считаем, что доходами, полученными самостоятельно несовершеннолетний вправе распоряжаться в рамках любых законных общественных отношений, в т. ч. в виртуальном пространстве.

Если обратиться к германскому праву, то там в § 107 ГГУ установлено правило, что заключенный несовершеннолетним без согласия законного представителя договор

действителен лишь в том случае, если он «сводится к приобретению только правовых преимуществ», т.е. договор не должен налагать на несовершеннолетнего дополнительные обязанности. Но, как подчеркивают К. Цвайгерт и Х. Кетц, на практике эта норма применяется только к вещным договорам. Таким договором является, например, договор дарения [10, с. 47]. В этом исследовании нас интересуют неовещественные объекты гражданских прав, однако сейчас рассматриваемая нами норма к гражданско-правовым отношениям в информационно-коммуникационных сетях практически не применяется, поэтому не дает нам ясности в этом вопросе, хотя каких-либо препятствий к ее применению в виртуальном пространстве мы не находим. В то же время стоит сказать, что такое правило существенно ограничило бы права несовершеннолетних.

Следует помнить, сделки, заключаемые малолетними и несовершеннолетними не должны наносить вред их духовному развитию. Так, в соответствии с пп. 2 п. 2 ст. 5 ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится информация, информация, способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, пиво и напитки, изготавливаемые на его основе, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством [8]. Согласно п. 1 ст. 54 СК РФ и ст. 3 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия) [9]. Это значит, что сделка, стороной которой является лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста, предмет которой содержит подобную запрещенную информацию, должна в силу правил п. 2 ст. 168 ГК РФ быть признана ничтожной.

Что же касается ответственности малолетних и несовершеннолетних лиц за причиненный ими имущественный вред,

то здесь наравне с их интересами должны защищаться и интересы их контрагентов. Поэтому, в случае нарушения принципа добросовестности (ст. 1 ГК РФ) и введения в заблуждение контрагента по сделке в информационно-коммуникационных сетях

путем внесения ложных сведений о себе, о согласии представителя и т.д., в результате чего по требованию последнего была осуществлена реституция, должна наступать имущественная ответственность по правилам п. 3 ст. 26 и п. 3 ст. 28 ГК РФ.

Литература

1. Воронина Ю. Паутина растет по плану // Российская газета. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2013/04/23/internet.html> (Дата обращения: 20.01.2014).
2. Криворучко С.В., Лопатин В.А. Национальная платежная система: структура, технологии, регулирование. Международный опыт, российская практика. – М., 2013.
3. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / В.В. Андропов, К.П. Беляев, Б.М. Гонгало и др.; под ред. П.В. Крашенинникова // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 18.12.2013).
4. Публичная оферта об использовании платежного сервиса «Visa QIWI Wallet» [Электронный ресурс] URL: https://static.qiwi.com/ru/doc/oferta_lk.pdf (Дата обращения: 24.12.2013).
5. Российское гражданское право / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М., 2010.
6. Ростовцева Н.В. Имущественные права несовершеннолетних по нормам семейного и гражданского законодательства // Закон – 2011. – № 1.
7. Тарасова А.Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 15.10.2013).
8. Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 48.
9. Федеральный закон от 31.05.2002 N 62-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О гражданстве Российской Федерации»; Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 18.12.2013).
10. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. Т. 2. Пер. с нем. – М., 1998.
11. Шадрина Т. Интернет-гроза // Российская газета. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2012/02/07/internet-site.html> (Дата обращения: 20.01.2014).

УДК 341.14

А. Е. Толстова

ЗАЩИТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В статье проанализированы некоторые вопросы судебной защиты собственности, применяемые в практике Европейского Суда по правам человека, учитывая, что международные стандарты прав человека, установленные решениями Европейского суда по правам человека, в на-

стоящее время являются неотъемлемым элементом правовой системы Российской Федерации.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, право собственности, защита прав, жалобы на государство, практика разрешения споров.

A. E. Tolstova

PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS IN THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

Considering that international human rights standards set by the decisions of the European court of human rights at present are an integral part of the legal system of the Russian Federation, the article analyzes some of the issues of judicial protection of

property used in the practice of the European Court of human rights.

Key words: European court of Human rights, property rights, protection of the rights, complaints about the state, dispute resolution practice.

Институт собственности является фундаментом всех частных прав личности с точки зрения современного судебного толкования Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» 1950 г. Современность взгляда международных судей нужно подчеркнуть особо, ибо правовое регулирование частных отношений собственности исторически более древнее, чем регулирование государственных публично-властных отношений [3, с. 23].

Важно отметить, что в первоначальном тексте принятой Европейской конвенции 1950 г. не было статей, посвящённых защите и уважению права собственности. Это связано с весьма различными представлениями о понятии собственности и способах его правового регулирования государств-участников.

Подходы к решению проблемы проявились только к 1952 г. в Протоколе № 1, дополняющем Европейскую конвенцию. Статья 1 Протокола № 1 гарантировала каждому право на уважение своей собственности и на защиту имущественных прав.

Учитывая, что международные стандарты прав человека, установленные решения-

ми Европейского суда по правам человека, в настоящее время являются неотъемлемым элементом правовой системы Российской Федерации, полагаем необходимым проанализировать некоторые вопросы судебной защиты собственности, применяемые в практике Европейского Суда по правам человека.

Прежде всего, следует отметить, что право собственности в его истолковании Европейским Судом не абсолютно и подлежит ограничению во имя общих интересов общества. Именно эта идея – ограничение абсолютного права каждого во имя блага всех – является краеугольным камнем современной судебной защиты собственности. Однако ограничение права собственности не может быть произвольным: в государствах – участниках Конвенции право собственности может ограничиваться для общего блага лишь в двух формах: контроль за ее добросовестным использованием (позитивная обязанность государства) и возмездное лишение собственника его имущества (право, но не обязанность государства) [4].

Таким образом, статья 1 Протокола № 1 включает в себя три основных положения:

1) уважение права собственности («Каждое физическое и юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности»);

2) невозможности лишения имущества («Никто не может быть лишён своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права»);

3) условия ограничения права собственности в виде контроля государства за ее использованием («Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов»).

Что касается права на уважение собственности, то здесь есть определённые трудности, связанные с переводом Конвенции. Существует лишь два официальных текста Конвенции – англоязычный и франкоязычный. При этом русских переводов Конвенции два: оба были опубликованы в Собрании законодательства РФ, но в разное время, причём до сих пор не ясно, какой из них имеет юридическую силу для российских судов. Самое интересное, что имеются достаточно серьёзные различия в переводе ст. 1 Протокола 1 между этими двумя вариантами. В первом варианте речь шла о «праве беспрепятственно пользоваться своим имуществом» (что больше соответствует английскому тексту Конвенции – *peaceful enjoyment of his possessions*), а в марте 2001 г. была опубликована вторая версия русскоязычного перевода, где использовалась формулировка «уважение своей собственности (этот вариант ближе к французскому тексту – *respect de ses biens*)».

В одном из своих первых толкований ст. 1 Протокола 1, в деле Маркс против Бельгии, Суд указал, что данная статья, закрепляя «право беспрепятственно пользоваться своим имуществом» («право на уважение своей собственности»), в сущности,

гарантирует право собственности. Субъектами данного права могут быть как физические, так и юридические лица. Объектом же данного права является имущество, под которым, прежде всего, понимаются материальные ценности [4]. Однако, в отличие от большинства национальных правовых доктрин, Европейский Суд расширительно толкует понятие «имущество», и относит к объектам права собственности любое «частное право, представляющее имущественную ценность и, следовательно, имущество в смысле первой фразы статьи 1» [6]. Таким образом, применяемая Судом концепция объектов права собственности носит очень широкий характер и не ограничивается только материальными вещами, но включает также весь спектр нематериальных объектов от интеллектуальной собственности до обязательственных прав требования.

Концепция права собственности, разработанная Европейским Судом, оказывает определённое влияние и на российскую правовую доктрину и судебную практику. В отечественном законодательстве смыслу нормы ст. 1 Протокола 1 Конвенции ближе всего соответствует конституционно-правовая норма ст. 35 Конституции РФ: «Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами» и «никто не может быть лишён своего имущества иначе как по решению суда».

Для решения вопроса о том, произошло ли лишение собственности, необходимо исследовать не только вопросы о том, имело ли место отчуждение или передача собственности по формальным признакам. Другими словами, «лишение» собственности (имущества) в смысле ст. 1 Протокола № 1 не обязательно должно быть реальным. Таким образом, под защиту данной статьи попадут и случаи, когда реального лишения собственности не было, но последствия сложившейся ситуации равносильны той, если бы у лица действительно изъяли его имущество.

Примером вышеназванной ситуации может послужить дело Папамихалопулос и другие против Греции [5]. Заявители были

собственниками ряда земельных участков, включая и пляжные. В 1963 г. ими было получено разрешение на строение гостиничного комплекса на данной территории. Однако после перехода власти к военной диктатуре участки заявителей были переданы военно-морским силам, которые построили на данном участке военно-морскую базу и курорт для отдыха своих офицеров. Более 20 лет заявители не могли получить никакой компенсации за изъятие у них земли.

Суд пришёл к выводу, что утрата возможности распоряжаться землёй, в совокупности с неоднократными неудачными попытками вернуть себе землю, привели к достаточно серьёзным последствиям. И, следовательно, может рассматриваться как лишение права собственности *de Facto*.

Европейский суд по правам человека определил последовательность действий судьи в деле о защите собственности: первоначально нужно установить, подлежало ли имущественное право законному ограничению, и лишь затем определять объем конкретного права собственности и соразмерные средства его защиты (*Sporrang et Lonnroth*, 61). За более чем полувековую историю применения ст. 1 Протокола № 1 ЕСПЧ выявил немало конкретных позиций в применении каждой из частей настоящей статьи, направленных на установление баланса частных и публичных интересов [2, с. 13].

Что касается третьей части статьи, а именно контроля за собственностью, то здесь необходимо отметить следующее. Это правило даёт реальную возможность государству на законных основаниях ограничивать право собственности. В соответствии с этим положением у государства есть право «обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов и других сборов и штрафов».

Наличие общественно полезной цели не является единственным условием для возможного ограничения права собствен-

сти. Не менее важным условием выступает законность или международно-правовая обусловленность таких ограничивающих действий со стороны государственной власти.

Для уяснения смысла норм, посвящённых защите права собственности, необходимо также рассмотреть основания (критерии) «допустимости» вмешательства государства в осуществление имущественных прав.

В том случае, если Суд установит, что право собственности лица было нарушено, Суд рассматривает, не было ли оснований для такого вмешательства.

Нарушение Конвенции констатируется в том случае, если государство не выполнило своих обязательств, вытекающих из содержания ст. 1 Протокола 1. Содержание данной статьи структурно включает в себя три нормы: к такому выводу Суд пришёл при рассмотрении дела *Спорронг и Леннрот против Швеции* [2].

По мнению Суда, первая норма является общей и закрепляет право частных лиц свободно, беспрепятственно и в полном объёме осуществлять правомочия собственника в отношении своего имущества. Однако данная норма имеет исключения: в определённых случаях имущественное право может быть ограничено в результате соответствующего вмешательства государства. Основными формами такого вмешательства являются лишение собственности и принятие государством мер по контролю за использованием собственности. Критерии допустимости подобного вмешательства изначально сформулированы в самом тексте ст. 1 Протокола 1, а затем были развиты и дополнены Европейским Судом. В результате, сложилось три основных критерия допустимости вмешательства государства в имущественные права частных лиц:

- 1) вмешательство должно осуществляться исходя из общего интереса;
- 2) в соответствии с законом;
- 3) с соблюдением принципа баланса частных и публичных интересов.

Итак, общий (публичный) интерес способен служить цели ограничения права собственности, лишь когда он получил пози-

тивное выражение в национальном законе. Однако наличие законодательно оформленного общего интереса – не панацея от нарушения ст. 1 Протокола № 1. Дело в том, что подобный закон должен отличаться определенными качествами, предъявляемыми к нему международным принципом верховенства права: закон должен быть ясным, определенным, без обратной силы, не допускающим двусмысленного толкования.

Критерий законности указан непосредственно в самом тексте Конвенции. Смысл этого критерия заключается в том, что любое вмешательство государства должно осуществляться на основании закона (а не в силу дискреционных полномочий), и на условиях, предусмотренных законом. Данное требование преследует цель доступности информации о принимаемых мерах. У носителей субъективного права должна существовать возможность предвидеть применение государством соответствующих мер. При этом, Конвенция не устанавливает единых требований к обнародованию правовых актов: в каждом конкретном случае необходимая степень публичности нормативного акта может различаться. Однако Суд проверяет, чтобы вмешательство осуществлялось не дискреционно, а на основе нормативного акта [12, с. 34].

Критерий справедливого баланса публичных и частных интересов является одним из главных достижений толкования Судом Конвенции. Именно этот критерий в подавляющем большинстве случаев применяется Судом для того, чтобы установить, имело ли место нарушение государством положений Конвенции о защите имущественных прав. Суть этого критерия заключается в том, что при применении ст. 1 Протокола 1 Суд должен установить, было ли государством соблюдено справедливое равновесие между требованиями общественного интереса и требованиями защиты прав частных лиц.

Прецедентная практика ЕСПЧ разграничивает нарушения ст. 1 Протокола № 1 на два вида: незаконное лишение и незаконная невыплата компенсации при ли-

шении собственности. Первое нарушение требует полного восстановления нарушенного права (или его денежного эквивалента), второе – допускает возможность выплаты частичной компенсации за лишение права собственности. Следует отметить, что во всех случаях Европейский Суд принимал также решение о выплате нематериального (морального) вреда [11, с. 47].

Таким образом, Европейский суд по правам человека при лишении собственности считает необходимым восстановить утраченное право (выплатить денежный эквивалент) и выплатить соразмерную компенсацию за материальный и нематериальный вред, причинённый лишением собственности.

Что касается влияния решений Европейского суда на российскую прецедентную практику, то в настоящее время в Европейском суде по правам человека в г. Страсбурге находится на рассмотрении свыше 10 тыс. жалоб российских граждан. С 1998 г. Европейский Суд принял свыше ста решений, в которых в той или иной мере подверг критике решения российских судов как нарушающие положения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней. В ряде этих решений затрагивались вопросы толкования ст. 1 Протокола № 1, касающиеся защиты права собственности.

Анализ решений позволяет сделать следующие выводы.

Обращения граждан и юридических лиц в Европейский суд по правам человека по вопросам защиты права собственности и иных имущественных прав в количественном отношении заметно уступает заявлениям, связанным с компенсационными выплатами, возмещением морального вреда, несправедливым судебным разбирательством или нарушением норм Европейской конвенции, провозглашающих право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность.

Право собственности, с одной стороны, признаётся одним из субъективных прав человека и находится под защитой международно-правовых норм, его соблюдение гарантируется международными механиз-

мами контроля. С другой стороны, право собственности не безусловно, а разумно ограничено различными факторами, в том числе соображениями общественной необходимости. Главное, чтобы критерии вмешательства государства в собственность были чётко обозначены и не переходили дозволенных границ.

Будем надеяться, что существующая процедура и порядок судебной защиты, предусмотренная как российским законодательством, так и европейским, сможет решить наплыв новых заявлений и жалоб, связанных с осуществлением и защитой гражданских прав.

Литература

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952)) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Максуров А.А. Защита права собственности от необоснованного вмешательства государства в права собственника в Европейском суде по правам человека // Международное публичное и частное право. – 2011. – № 5.
3. Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. – М., 1999.
4. Постановление ЕСПЧ от 13 июня 1979 г. // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 15.06.2013).
5. Постановление ЕСПЧ от 15 апреля 1984 г. // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 15.06.2013).
6. Постановление ЕСПЧ от 2 декабря 1994 г. // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 15.06.2013).
7. Постановление ЕСПЧ по делу Ван Марле против Нидерландов от 26 июня 1986 г. // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 15.06.2013).
8. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации Ч. I: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
9. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – М., 2013.
10. Сагдеева, Л.В. Право на защиту собственности в актах Европейского суда по правам человека. – М., 2014.
11. Сосна, А. Роль Европейского суда по правам человека в защите права собственности // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 4.
12. Уржумов И. Европейские стандарты защиты имущественных прав и их применение в России. – М., 2004.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81-11

С. Н. Бредихин

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СМЫСЛОПОСТРОЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
(НА ПРИМЕРЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СТЯЖЕНИЙ)

В статье рассматриваются возможности адекватного перевода окказиональных стяжений и их интерпретативный потенциал в порождении новых смысловых конструкций как особых «схем действования» в разнонаправленных типах дискурса.

Ключевые слова: предложение-имя, интерпретация, схема действования, безэквивалентная лексика, переводческие трансформации.

S. N. Bredikhin

INTERPRETATIVE POSSIBILITIES OF SENSE DERIVATION WITHIN TRANSLATION PROCESS
(ON THE OCCASIONAL SHIFT)

In the article the adequate translation possibilities of occasional synereses and their interpretative potential within new sense construction as certain «acting scheme» in the multidimensional discourse are considered.

Key words: utterance-noun, interpretation, acting scheme, non-equivalent vocabulary, translation transformation.

Опыт работы с различного вида текстами и встречающимися в них сложными образованиями свидетельствует о необходимости прояснения транслатологических особенностей предложения-имени. Адекватный перевод отдельных образований и цельного текста с одного языка на другой связан с распознаванием присущих предложению-имени значения и смысла, с проблемой перекодирования значения в его смысл. В данной статье рассматриваются трудности перевода немецких многокомпонентных сложных предложений-имен. Возможности трансляции подобных лексем на язык перевода может затрудняться усложненной структурой, компонентной полисемантичностью, объективной необходимостью разложения их по компонентному составу внутри смысловых групп и т. п.

Нами была проанализирована структура и семантика как «чистых» единиц, номинативных конструкций, так и «смешанных», усложненных партиципами, адъективами,

числительными, предлогами и т.д. Подобные сложноструктурные предложения-имена оформляются чаще всего посредством дефисного написания.

При трансляции в принимающий язык такие лексемы претерпевают трансформации значения, изменяя предметно-понятийную отнесенность, расширяя или сужая смысловой объем. Часто встречается приобретение не свойственного ему ранее совокупного значения. Такие аспекты номинативной деятельности языка, как выбор мотивирующего признака для нового обозначения, выбор адекватной структуры наименования и определенного словообразовательного средства для ее создания, являются одновременно и оценкой, и интерпретацией именуемого объекта.

Сопоставительный анализ прецедентных текстов обнаруживает языковые единицы, относящиеся к безэквивалентной лексике исходного языка, не имеющие регулярных соответствий в переводящем языке.

Возможности безэквивалентной лексики могут выявляться только в отношении одного из пары анализируемых и сопоставляемых языков. Однако вышеозначенные сложности отнюдь не предполагают однозначной потери в процессе перевода коннотативных обертонов смысловой конструкции. При адекватной трансляции, даже с использованием трансформаций, возможно добиться передачи функционально-прагматической доминанты и когнитивных аспектов не прибегая к прямым соответствиям, которые, даже при их наличии могут заменяться контекстуальными соответствиями или окказионализмами с последующим прояснением значения.

«Взаимодействие интра- и экстралингвистических факторов при переводе есть универсалистский подход, задействующий все формы мыследеятельностных актов, оно осуществляется в любом языке. Однако распределение рефлексии по поясам мыследеятельности в каждом языке происходит по-разному, в зависимости от структурных возможностей языка» [3, с. 211]. Языки располагают синонимическими, однако не тождественными средствами, как одноуровневыми, так и разноуровневыми, служащими для вербализации одних и тех же смыслов, этот феномен обеспечивает и процесс внутриязыковых преобразований.

Кроме того, большинство языков характеризуется участием одинаковых языковых средств в процессах равнозначных преобразований. Однако необходимость конкретных переводческих трансформаций объясняется частичным или же полным несовпадением исходного и переводящего языков на системном уровне, в отношениях нормы и узуса, несовпадением средств репрезентации эквивалентных имманентных смыслов или средств описания.

Кроме прочих релевантных несовпадений, в системе порождения высказывания можно отметить наличие или отсутствие категории определенности/неопределенности или соотношенности/несоотношенности, а значит, наличие или отсутствие артикля в номинативной группе;

корреляции совершенного/несовершенного вида и процессуальности/результатива в системе языка.

В аспекте нормированности при описании свойств, состояний, качества денотата/референта разноструктурные языки обнаруживают обязательность или факультативность глагольного сказуемого в высказывании.

Чувство языка в аспекте «так не говорят» также является одним из ключевых моментов в избрании тех или иных переводческих преобразований.

По причине отношения внутреннего содержания к категориям экстралингвистическим и субъективным, а различий в нормах речевого поведения и экстралингвистическом опыте отправителя и получателя к характеристикам отнюдь не индивидуалистским, но объективным и формально-логическим, а именно принадлежности продуцента оригинального текста и реципиента целевого текста к различным лингвокультурным сообществам, переводческие трансформации являются следствием внелингвистических причин.

Как, например, в нашем случае при переводе сдвигов, которые неизвестны инокультурному читателю, а зачастую – и носителю языка. Чтобы компенсировать дифференциал в значениях получателя и отправителя, переводчик часто прибегает к приему генерализации, к расширениям. Иногда экстралингвистические причины заставляют переводчика опустить ту или иную информацию из текста оригинала в силу её нерелевантности для адресата перевода и для смысла текста. Среди экстралингвистических причин переводческих преобразований важную роль играют принятые в языковом коллективе адресата перевода социально значимые нормы речевого поведения, сложившиеся традиции.

Также следует подчеркнуть, что все факторы, влияющие на переводческий выбор, взаимодействуют самым тесным образом. Чисто лингвистические причины переводческих преобразований носят как бы вторичный характер по сравнению с экстралингвистическими факторами, об-

разующими речевую ситуацию. Это связано с тем, что языковые средства многозначны, переводчик всегда может выбрать один из многих вариантов перевода, а речевая ситуация однозначна в каждый данный момент общения. Языковые средства речевой ситуации коррелируют также с жанром текста. В данном случае мы имеем дело с прецедентными текстами. Это и то, что предложения-имена относятся к безэквивалентной лексике, заставляет нас применять следующие типы трансформаций:

- 1) подбор русского эквивалента или общепотребительного словосочетания (реже – слова) с близким значением;
- 2) транскрипция;
- 3) транслитерация;
- 4) описательный (разъяснительный) перевод [1].

Рассмотрим применение этих способов на практике.

Mit anderen Worten: jegliche Apodiktizität, inklusive dieser hier, jeglicher diskursive Terrorismus, jedes «so-und-nicht-anders-ist-es-gewesen», jeder Versuch, nachweisen zu wollen, wie etwas – ein historisches Ereignis, eine Person, ein Text etc. – «wirklich war», verhindert Objektivität, verschleiert Gewesenheit, entwirkt Wirklichkeit. – Другими словами: какая-либо основанность на логической необходимости, включая, какой-либо дискурсивный «терроризм», каждое «утверждение того что, все будет так а не иначе», каждая попытка подобного рода стремятся подтвердить то что, какое-либо историческое событие, личность, текст и т. д. – «имело место быть». Это препятствует объективности, скрывает прошлое, подтверждает действительность.

В данном случае предложение-имя Йорга Зайделя *so-und-nicht-anders-ist-es-gewesen* не имеет прямого русского эквивалента, что не удивительно, так как состоит из семи отдельных компонентов. Мы постарались подобрать схожий по смыслу эквивалент. Так же, в связи с тем, что переведенное предложение получилось слишком громоздким, мы применили членение предложения [3, с. 367].

Uns, den Zu-spät-Gekommenen, hilft dabei die historische Entfernung. – Нам, людям живущим намного позже, помогает в этом отстраненность в историческом плане.

Как мы видим часть предложения-имени *gekommen* является третьей формой глагола *kommen*, если бы перевели его дословно, то получилось бы нечто вроде «пришедшие намного позже». Как мы видим смысл в этом выражении сильно искажается. Элемент *spät* указывает на действие которое происходит позже. Поэтому у нас получился соответствующий перевод.

Mit dem letzten Gedicht des Algabal-Zyklus, «Vogelschau», dem vielleicht vollkommensten, manifestiert, im Sinne des Wortes, George noch einmal – wahr-scheinlich um den Abschied wissend – eindrucksvoll seinen l'art-pour-l'art-Ästhetizismus – С последним стихотворением из цикла «Алгabal», «Вид с высоты птичьего полета», вероятно самым совершенным, в смысле слов которого он вероятно на прощание еще раз показал свой эстетизм культуры для культуры....

Hört man genau hin, so ist die latente Gewalt hinter der seelischen Kulisse melancholischer Empfindsamkeit nicht zu leugnen, etwa in der Wenn-Dann-Kausalität, die ein anderes, erklärtermaßen geliebtes Leben mit dem eigenen belastet, in gewisser Weise erpresst. – Если внимательно прислушаться, то нельзя отрицать скрытую за кулисами души меланхолической чувствительности силу. Что-то, в причинной связи того что будет или может быть, обременяющее так полюбившуюся размеренную жизнь собственным, особым способом.

Также очень часто мы встречаем в прецедентных текстах лингвокультуры субстантивированные инфинитивы, которые так же в нашем конкретном случае представляют собой предложения-имена. Языковой процесс, который обозначается субстантивацией, в грамматиках четко ограничивается от словообразования с использованием аффиксов: субстантивация не нуждается в каких-либо формальных средствах и не образует новых слов, в том смысле, в ка-

ком это делает производное словообразование. Каждое слово или словосочетание распознаётся по присутствию артикля как существительное или же сочетание с ним. Подобный способ словообразования имеется во всех индоевропейских языках, однако продуктивность его не везде одинакова. Немецкий язык использует его предпочтительнее, чем другие, в сравнении с другими языками, то можно проследить и в разножанровых текстах, где используется множество таких слов. С грамматической точки зрения субстантивированный инфинитив – это не постоянное образование, оно многогранно. Йоханес Эрбен писал, что инфинитив с местоимёнными словами (*das, dies, ein, sein*) или с предлогом может нести функцию существительного, при этом определители, в иных случаях встречающиеся с существительными, оказываются подчинёнными ему [5]. С другой стороны, инфинитив может сохранять свои адвербиальные определения и образовывать с ними тесное единство, при этом определители часто стоят перед инфинитивом, например *durch langes In-den-Akten-Blättern*. Более того субстантивированный инфинитив может встречаться без формальных признаков как и любое существительное, например *Zeugen eines Großwerdens*. И появляется во всех вышеперечисленных комбинациях, на что не указывал Эрбен. Далее рассмотрим примеры:

Gelassenheit will somit auch nicht nur ein Verzichten sein, sondern ein viel schwierigeres Verzichten-Können, das aus der Einsicht in die letztendliche Sinnlosigkeit allen irdischen Strebens geboren werden muss. – Настоящая свобода будет проявляться не только в отказе, но и во многом более трудной возможности самого отрицания, которое должно родиться из познания полной бессмысленности всех земных стремлений.

Sowohl Schöpfer als auch Geschöpf wissen um das Dilemma des Schöpfen-Müssens, um den Zwang zur Neuheit, die sich stets selbst überlebt. – Как создатель, так и творение несут внутреннюю дилем-

му необходимости создавать что-то новое, принуждение к новшеству, которые постоянно обновляются.

«Субстантивированные инфинитивы делают возможным мышление о движении или состоянии в его общности. Этому они добиваются, как и *nomina actionis*, к которым в большинстве и причисляются и которые в греческом и немецком языках одновременно с субстантивацией чистых глагольных форм превалируют над другими способами словообразования» [3, с. 370]. В сравнении с *nomina actionis* на *-ung* и *-nis* субстантивированные инфинитивы проявляют большую продуктивность: действие или состояние понятий, но более наглядно, так сказать мысленно, они не переходят полностью из динамического глагольного статуса в класс существительных. По Эрбену, производные на *-ung* относятся к отглагольным именам. Они служат в содержательном смысле для образования *nomina actionis* и «слов, обозначающих результат действия». Пример:

Nicht um ein als Territorium zu denkendes Land handelt es sich, sondern um das Gebiet der Sprache, das Sprachland und eben das expandiert mit jeder neuen Wort-Ding-Entsprechung. – Речь идет о территории не как о гипотетическом пространстве, а как о области языка, мире функционирования языка и как раз он расширяется с каждой новой денотацией.

Предложения-инфинитивы не являются словотворчеством в прямом смысле, в них лишь проявляется желание приблизить различные явления к пониманию с помощью уже имеющихся в наличии языковых элементов. Если сравнивать возможности выражения в имени-предложении и новообразованных словах, то нужно сказать, что первый способ удобнее. Второй способ требует от читателя больших усилий и понимания. Имена-предложения – целенаправленные и содержательные образования, однако они плохо соотносятся с так называемым чувством языка.

Älter noch ist die Dichtung als Sein-Könnende Geschichte, die Dichtung des Magier, Schamanen, des Zaubers, der

nicht nur die gedichteten Korrelate zu den materiellen und immateriellen Dingen kannte – das Zauberwort, den Zauberspruch – sondern auch Zukunft sah. – Поэтика еще старше чем История материальных преобразований действительности, поэзия мага, шамана, волшебника, который знал не только созданные соответствия к материальным и нематериальным объектам – заклинания, но и видел будущее.

Кроме того, нам встречаются и другие субстантивированные элементы, которые противоречат грамматической норме. Причина этого не только в том, что данные образования от частиц не являются однозначными, но и в том, что в такой форме они не встречаются ни в одной грамматике немецкого языка, другими словами, относятся к безэквивалентной лексике. Именно своей необычностью они и интересны. Приведенные ниже примеры, можно отнести к предложениям-именам выраженным в форме субстантивированных частиц.

Jedenfalls haben wir es nicht mit einer allgemeingültigen Aussage zu tun, die demnach auch keine philosophische Relevanz beansprucht – insofern als Philosophie nur deskriptiv, reflexiv wirksam sein kann, – sondern mit einem Diktum oder anders: es wird eher festgesetzt als festgestellt und auch diese Festsetzung hat eher Gültigkeit im Georgeschen Für-Sich als im An-und-Für-Sich. – Во всяком случае, мы не должны делать это с общеупотребительным высказыванием, которое не претендует на какую-нибудь философскую релевантность – поскольку философия может быть эффективной лишь при описании, а с изречением или чем-нибудь другим: оно скорее просто фиксирует, чем определяет, а это определение имеет силу скорее в смысле «для себя» чем в смысле «для себя и других».

Каждый речевой жанр или область практической деятельности человека определенным образом структурирует и обсуждает окружающую действительность, представляя некий дискурс, макротекст, включенный в определенный социокультурный фреймовый фон. Так как дискурс –

связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах), то репрезентативные тексты, рассчитанные и рассматриваемые именно в конкретном семиозисе, порождают новые латентно уже содержащиеся в парадигматической ткани языка смыслы на основе нозматической иерархической структуры.

Сопоставительный анализ оригинальных текстов и текста перевода обнаруживает, что наиболее продуктивными способами перевода прецедентных текстов лингвокультуры являются:

- подбор русского эквивалента или общеупотребительного словосочетания (реже – слова) с близким значением;
- трансформационный перевод (оказиональный переводческий эквивалент);
- описательный (разъяснительный) перевод.

В результате можно выделить релевантные для перевода четыре группы композиций, и соответственно им – наиболее эффективные способы адекватного перевода.

Узуальные композиты. Такие сложные конструкты фиксируются всеми существующими одноязычными и двуязычными словарями, а потому наиболее продуктивным способом перевода данного вида композиций служит подбор русского эквивалента.

Относительно узуальные сложные слова. Подобные сложные слова чаще всего переводятся калькированием, однако в русском языке чаще всего принимают форму словосочетаний.

Третья группа объединяет в своем составе композиты со свойствами: производимость, нормативность, изолированное понимание. Как и предыдущая группа, подобные композиты переводятся либо калькированием, но гораздо чаще описательным переводом.

Четвертая группа композитов объединяет композиты на основании наличия свойств: творимость, новум, изолированное понимание, но они не обладают общепри-

нятостью, нормативностью, частотностью употребления. Эти композиты требуют описательного перевода или перевода окказиональным переводческим соответствием.

Литература

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение. – М., 2004.
2. Бредихин, С. Н. Перевод как вторичное или собственно авторское смыслопорождение // Алломорфные и изоморфные признаки языковых систем в аспекте перевода: межвузовский сборник научных трудов. – Ставрополь, 2007.
3. Бредихин, С. Н. Ноэматическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации. Монография – Ставрополь, 2014.
4. Вашунин, В. С. Особенности семантической структуры немецких композитов // Научн.тр: МГИ-ИЯ им. М. Тореца. – 1975. – Вып. 1.
5. Erben, J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre // Grundlagen der Germanistik. – Bln.: Erich Schmidt, 1975.
6. Naciscione, A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse / A. Naciscione. – Amsterdam/Philadelphia, 2010.
7. Stanley, J. Context and Logical Form / J. Stanley // Linguistics and Philosophy. – № 23. – 2000.

УДК 82.01

Ю. Н. Золотых

ПО ПУТИ НАИБОЛЬШЕГО СОПРОТИВЛЕНИЯ: СВЯТООТЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ XXI ВЕКА

В статье речь идет о жанрах современной религиозно-нормативной поэтики. Современное литературоведение исключает из объекта своего исследования обширный пласт текстов, безусловно требующий научной рефлексии.

Ключевые слова: святоотеческая литература, художественность, эстетика словесного творчества, поэтика.

J. N. Zolotych

ALONG THE WAY OF THE GREATEST RESISTANCE: PATRISTIC LITERATURE IN THE CONTEXT OF LITERARY STUDIES OF THE XXI CENTURY

Modern literature studies exclude from its research field vast stratum of texts which certainly requires scientific reflection. The article deals with genres of contemporary religious normative poetics.

Традиционно наука рассматривает явления художественной литературы (эпохой становления которой принято считать XVII век), фольклора и древнерусской литературы. Однако если феномены художественной литературы и фольклора изучаются на всем протяжении истории литературы, то тексты,

Key words: patristic literature, art, verbal creativity aesthetics, poetics.

принадлежащие религиозно-нормативному дискурсу, принято ограничивать понятием «древнерусская литература».

Возникает вопрос: почему применительно к одним и тем же феноменам мы используем столь разные подходы? Почему жанры слова, беседы, поучения рассматриваются

медиевистикой на вполне законных литературоведческих основаниях, а те же жанры, функционирующие в XVII, XVIII, XIX вв. и наконец в XX в., исключаются нами их ряда художественных произведений и, соответственно, из сферы нашего исследования?

В давно ставшем классическим исследовании «Поэтика древнерусской литературы» Д. С. Лихачев писал: «Отдельные струи древней литературы (житийный жанр, летописание и пр.) продолжают свое течение, но уходят с «дневной поверхности» литературы, хиреют, другие, как церковная проповедь, перестраиваются на католический манер, но тоже уходят с «дневной поверхности» [5].

Отметим, что традиция древнерусской литературы, несмотря на свой переход на «ночную поверхность», не потеряла своего духовного и художественного потенциала. Уступив главенствующее место литературе светской, она продолжала свое естественное развитие.

Здесь можно было бы привести два довода против включения данного пласта феноменов художественной словесности в круг литературоведческий рефлексий. Первый из них – из сферы рецептивной поэтики: религиозная литература не популярна среди читательской аудитории, ее функционирование ограничено церковной сферой. Из этого тезиса следует, что древнерусскую литературу мы изучаем не потому, что, например, она включается в сферу собственно эстетического, а только благодаря ее популярности во время создания данных памятников и отсутствия альтернатив изучения.

Из этого же следует, что великое наследие И. Кронштадтского, И. Брянчанинова, П. Флоренского, А. Сурожского, творивших в XIX–XX вв., никак не повлияло на развитие русской культуры в целом и русской литературы в частности. Но подобное заключение, как и первое, алогично в своем основании.

Да и само литературоведение не делает основным критерием отбора объектов исследования их популярность/непопулярность среди читающей публики.

Второй довод – жанры проповеди, слова, беседы, поучения не являются литера-

турой в полном смысле этого слова, так как художественность предполагает авторский вымысел. Отсюда – Средневековая «эпоха не знала литературы в нашем смысле слова, и правильно будет говорить не о «древнерусской литературе», а только о «древнерусской словесности» [4].

Довод этот вполне закономерен, однако обратимся к понятию «тип художественного сознания», впервые обоснованному в советском литературоведении (до этого – Веселовским) в работе «Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания»: «1) архаический или мифопоэтический, 2) традиционалистский или нормативный, 3) индивидуально-творческий или исторический (т. е. опирающийся на принцип историзма)» [1, с. 5]. Так, нормативный тип также включается авторами в круг художественного сознания. Более того, в процитированном нами коллективном труде хоть и утверждается исторический принцип при рассмотрении данных типов, но отвергается их замкнутость в себе и завершенность.

Итак, является ли современная свято-отеческая литература литературой и, если является, то в чем заключается ее художественность?

Как известно, литература (лат. *lit (t) eratura* – написанное) – это словесное искусство. В энциклопедии «Литература и язык» (Под редакцией П. А. Николаева, М. В. Строганова) указано: «Литературный текст обладает, как правило, хотя бы одним из следующих признаков: вымышленность событий и существ, о которых рассказывается; формальная «непохожесть» текста на разговорную речь или деловой документ (напр., то, что текст разбит не только на фразы, но и на стихотворные строчки, может вдобавок обладать ритмом и т. д.); подчеркнутое внимание к словесной организации текста, к его композиции, т. е. отношение к слову как к объекту художественной обработки; особый способ организации смысла» [4].

Безусловно, жанры проповеди, беседы, слова, поучения априори отвергают вымышленность в своей структуре, но они

органично включают в себя иные критерии художественности: архитектура текста, актуализация его словесной организации и композиции, внимание к слову как эстетическому объекту.

Эстетическое здесь обладает своей спецификой, вызванной особым типом сознания – воцерковленным типом художественного сознания [3], когда читатель испытывает, прежде всего, духовное наслаждение, радость от приобщения к истине.

Слово приобретает сакральное значение, а красота воспринимается через призму религиозно-духовного идеала. Художественное в подобных текстах второстепенно и утилитарно (не зря в научной рефлексии мы встречаем такие определения, как «учительная литература» [2]), но отвергать художественность святоотеческой литературы мы не можем. Как утверждал Д. С. Лихачев, это «искусство обряда, а не игры» [5].

Таким образом, мы обладаем аргументами, опровергающими и второй довод «против» изучения святоотеческого наследия XIX–XX веков в рамках литературоведения. Однако в чем социальная и собственно научная необходимость исследования данных текстов?

На наш взгляд, возникновение произведений христианского реализма (И. Шмелев, Б. Зайцев, В. Никифоров-Волгин и др.) в начале 20 века во многом было обусловлено популяризацией текстов И. Кронштадского, И. Брянчанинова и иных произведений святоотеческой литературы.

Стоит ли говорить о том, что XX век дал нам колоссальное наследие слов, поучений, наставлений, бесед, обращенных Святыми Отцами к нам как к своим современникам? И это наследие сыграло значительную роль в духовных поисках 60–70-х годов, повлияло на развитие литературного процесса конца XX – начала XXI веков.

Тексты митрополита Антония Сурожского были востребованы творческой интеллигенцией так же, как и литературные тексты запрещенной зарубежной классики, как самиздатовские издания. Томик сочинений Антония Сурожского в руках

в то время – особый знак интеллектуальной избранности.

Вспомним феномен С. С. Аверинцева. Филолог, энциклопедист, занимающийся, казалось бы, узко научным направлением исследования, читал лекции по ранневизантийской литературе, собиравшие множество слушателей. Люди, не подготовленные к научному дискурсу, почитали за честь послушать Аверинцева, ходили на подобные выступления, как на концерты классики. Записи с выступлениями С. Аверинцева тиражировались и распространялись среди «избранных». Безусловно, талант С. Аверинцева – главный фактор такой его популярности, однако, можно говорить и о том особом «духовном голоде», который был присущ 60–70 годам прошлого века.

А между тем надежды на духовное возрождение в демократическом обществе не оправдались. Возвращенное литературное и философское наследие оказалось потерянными в информационном потоке, не различающем низкого и высокого, примитивного и возвышенного.

Состояние «духовного голода» все ярче заявляет о себе и сегодня. Все больше художественное освоение действительности в русской словесности связывается с православной аксиологией. Самым ярким в этом смысле феноменом является тот самый христианский реализм, переживающий сегодня свое второе рождение.

Отметим, однако, что сверхзадачи свои современный христианский реализм решает нелинейно, разорвано. Подчас так называемая «православная художественная литература» противоречит самой идее христианства, тому, что С. Аверинцев называл «Светом Христовым». Приведем в пример романы «О ком поет коноплянка» В. Лихачева и «Мечеть Парижской богородицы» Е. Чудиновой, где довольно свободно трактуются целомудренность и борьба добра со злом. Тексты лишь продуцируют цитаты и образы из Библии, однако сами они далеки от православного мировоззрения, выступая в этом случае как бы чучелом, муляжом, подменяющим самоценное православное знание – мудрость.

Подчас тексты на религиозные темы имеют ярко выраженный авантюрный характер, применяя те формы массовой эстетики, которые востребованы сегодня (Ю. Вознесенская, «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами»). Такие опыты напоминают, скорее, попытки перевода с одного языка культуры (нормативно-религиозного) на другой (массовый). Однако и «переводческие» эксперименты не могут исчерпывающе ответить на главный запрос современного читателя, так и не преодолевшего состояния «духовного голода».

Как же воспроизводить современной литературе то, что десятилетиями изживалось? Рациональное, общественное разделено с духовно-религиозным опытом такой же завесой, что и в СССР. Только теперь эта завеса выткана из множества рейтингов и мнений в соц. сетях. Популяризация духовного наследия святоотеческой литературы XX века в этом смысле просто необходима, в том числе и силами науки.

Современное литературоведение, по инерции избегая исследований святоотеческой литературы XIX–XX веков, теряет дра-

гоценный дар, подчеркнем – художественного порядка.

Сегодня святоотеческая литература представляет собой объект анализа, подобный айсбергу: в применении к текстам XX века тема не разработана вообще. У нас есть научное наследие Д. С. Лихачева, С. С. Аверинцева, В. П. Адриановой-Перетц и многих других, глубоко и тщательно раскрывающее специфику древнерусской литературы и ее жанров (как в ее светском, так и в церковном вариантах). Однако исследования эти по известным идеологическим причинам не расширяют объект своего исследования до «учительной» [2, с. 28] литературы Нового времени.

Литературоведческие направления рассмотрения святоотеческой литературы обширны. Назовем основные из них: категория «внутреннего человека» в современной «учительной» литературе, ее эстетико-функциональная природа, диалогические установки текста, категория автора, система жанров в ее эволюционном аспекте, художественная природа «учительной» литературы и ее взаимосвязь со светской литературой и религией.

Литература

1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Сб. статей. – М., 1994.
2. Адрианова-Перетц В.П. Человек в учительной литературе Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1972.
3. Золотых Ю.Н. Воцерковленный тип художественного сознания в поэтическом мире И. Шаховского и А. Солодовникова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2013. – №4.
4. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / Под ред. П. А. Николаева, М. В. Строганова [Электронный ресурс] URL: <http://interpretive.ru/dictionary/966/word/literatura> (Дата обращения: 24.03.2014).
5. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967 [Электронный ресурс] URL: <http://bookitut.ru/Poetika-drevnerusskoj-literatury.html> (Дата обращения: 24.03.2014).

УДК 070.1(470.63)

М. А. Корнеева

**О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РАЙОННОЙ ПРЕССЫ
(НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЙ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)**

В статье рассматривается роль современной районной прессы в локализованном информационном пространстве. Автор выявляет фактическое противоречие в типологических признаках районных из-

даний, которое препятствует выполнению основных функций данного типа периодики.

Ключевые слова: районная пресса, типологические признаки, функция, противоречие.

M. D. Korneeva

**ON FUNCTIONAL MISSION OF THE CONTEMPORARY LOCAL PRESS
(EXAMPLIFIED BY THE STAVROPOL TERRITORY PRESS)**

The article discusses the role of contemporary local press in localized information space. The author reveals the actual contradiction in typological characteristics of local

periodicals, which prevents this type of the press from performing its main functions.

Key words: local press, typological features, function, a contradiction.

Печатные средства массовой информации, несмотря на возникшие в конце XX века новые информационные отношения в постиндустриальном обществе, на доминирование в структуре медийного пространства электронной составляющей, остаются действенным субъектом информационной среды. Они охватывают широкую аудиторию, обладая высокой степенью воздействия на неё.

Современное медийное пространство России характеризуется различными этнокультурными, социально-экономическими, природно-географическими факторами, определяющими его неравномерное развитие. На огромной территории страны неизбежно возникают коммуникационные разрывы, ликвидировать которые невозможно без формирования информационных полей, локализованных в административных муниципальных образованиях. «В условиях, когда урбанизация и индустриализация создают дефицит непосредственно межличностных отношений, «вакуум» в психике индивида, массовые коммуникации регионального и локального масштаба <...> заполняют существующие зоны потребностей, способствуют реконструкции микросвязей» [9].

Медиапространства районов, городов с населением до ста тысяч человек (или с незначительным превышением этого числа) сегодня обычно относят к «локальным» информационным рынкам. «Доминировавшая в Советском Союзе вертикально-иерархическая структура газетно-журнального рынка уступила место горизонтальным, почти сетевым конфигурациям на региональных (местных) рынках. Местная газета, выходящая рядом с домом читателей, становится всё более нужной аудитории (поскольку находится в центре каждодневных интересов читателей) и рекламодателям [6].

Для российских потребителей информационных услуг в глубинке местная пресса является существенным источником удовлетворения не только «каждодневных интересов» жителей городов и сёл, деталей и подробностей, но и самих новостей как таковых. По данным Фонда «Общественное мнение» 2008 года, 39 % россиян считали, что нет такой газеты, которая удовлетворяла бы их потребность в информации, а 27 % ответили, что такая газета есть, и чаще других (13 %) при этом называлась именно местная газета.

В целом, исходя из динамики постсоветского периода, можно утверждать, что мест-

ная пресса была и остаётся влиятельным медиаресурсом в муниципальном информационном пространстве. В России издаётся около трёх тысяч городских, районных, областных и республиканских газет общим разовым тиражом более 49 млн экземпляров. 77 % названий — это городские и районные газеты, их тираж составляет около 50 % [7]. В Ставропольском крае совокупный тираж традиционных городских и районных газет каждого подписного периода составляет свыше 150 тыс. экземпляров, что превышает соответствующий показатель региональных общественно-политических периодических изданий в четыре раза.

Сегодня муниципальная пресса переживает непростые процессы в формировании собственной экономики, часто становится инструментом манипуляции властных структур. Это связано, прежде всего, с отсутствием последовательной государственной политики в отношении городских и районных СМИ. Исследования показывают тесную связь насыщенности медийных рынков с развитием экономики, активности бизнеса на субнациональных пространствах. Субъекты Федерации с высокой конкуренцией на рынке общественно-политических СМИ это, как правило, регионы с относительно либеральными подходами к формированию политической субкультуры.

Несколько лет назад Ставропольский край демонстрировал, можно сказать, качественную составляющую местных газет. Находясь в арьергарде по финансовым бюджетным вливаниям в городскую и районную прессу, край имел приличные показатели по её востребованности читателями. К примеру, в 2005 году из краевого бюджета на поддержку региональных СМИ было выделено около 50 млн рублей, а в Ямало-Ненецком округе – 390 млн. При этом на одну тысячу человек в названных регионах приходилось соответственно 84 и 82 экземпляра локальной периодики, а средний тираж данного уровня печатных изданий составил 6 946 и 3 068 экземпляров. Поражает воображение ставропольских журналистов финансовое значение поддержки

региональных СМИ Краснодарского края в тот период – 328 млн рублей в год, т.е. в 6,5 раз больше, чем на Ставрополье [10].

В конце 1990-х годов по заказу комитета по печати и информации Ставропольского края был проведён опрос подписчиков краевых, городских и районных газет, учредителями и соучредителями которых выступали соответствующие органы власти. Как следовало из опроса, в городах и районах население отдавало предпочтение местным газетам. Исследователи объясняли интерес к данному типу прессы тем, что «местные издания в большей степени сохраняют привычный стиль и привычную систему ценностей и понятий ... Не менее 75 % респондентов регулярно читают свои районные (городские) газеты, ... население не отказывается от выработанной ещё в советские времена привычки получать информацию через местную прессу» [2, с. 27]. Анализируя систему российской печати в 1990-х годах, И. И. Засурский следующим образом оценивал преимущества местных изданий: в тот период «начинает сказываться... близость провинциальной печати к реальным проблемам и нуждам своего потребителя, несовместимым с абстрактной политической риторикой тех лет» [5, с. 27]. На первом месте в региональной системе СМИ стоит местная газета, отмечает А. А. Грабельников: «Она подчас бывает единственным изданием у подписчиков с небольшим уровнем благосостояния... Её информационный характер, общедоступность, простота изложения удовлетворяют запросы населения». Известный исследователь справедливо считает, что районные и городские газеты – «подлинно массовые и популярные, наиболее близко стоящие к читателям, которые принимают активное участие в качестве их авторов» [2, с. 153].

Городские и районные газеты Ставрополья в большинстве случаев в тот период были для граждан конфидентом, тем конфидентом, которым не была для них местная власть. Судя по результатам упомянутого опроса общественного мнения, районные и городские газеты воспринимались насе-

лением «не только как социальный институт, но и как интересный собеседник» [3]. «Эпоха свободы и хаоса» (постперестроечный период) [5, с. 6] была для российской прессы периодом неслыханной свободы. В местной печати обсуждались вопросы самоуправления, палитра политических воззрений населения представлялась значительно многообразней, чем в настоящее время. Ставропольские районные газеты старались обеспечить на своих страницах представительство различных стратификационных групп, организовать диалог населения и власти.

Рассматривая далее развитие местной прессы в ближайшем историческом периоде, нельзя не вспомнить об одном из основных типологических изменений районной периодики, подпитывавшейся из регионального бюджета. Причиной стал новый закон Российской Федерации, направленный на строительство системы местного самоуправления, характерной для демократического государства [4]. До вступления в силу на всей территории России Федерального закона Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

«Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» было решено опробовать его в двух субъектах России – на Ставрополье и в Новосибирской области. Учредителями или соучредителями (наряду с редакциями) районных газет выступали ранее районные органы власти. Но названный закон лишил администрации районов прав на учредительство общественно-политических изданий.

Существование традиционных районных газет оказалось под угрозой. Законного пути их поддержки из регионального бюджета уже не было. Вынужденной мерой стало повышение статуса учредителей местной прессы. Вместо районных администраций в этой роли выступило фактически правительство Ставропольского края в лице комитета по печати и информации.

Подобное изменение основного типологического признака обеспечило местной периодике гарантированную бюджет-

ную поддержку за счёт средств регионального бюджета. Однако, вместе с тем, уменьшилась профессиональная самостоятельность редакций, сузились возможности информационного плюрализма. Благородное намерение сохранить местное издание как модератора общественного диалога, средства организации самоуправления и источника информации о событиях в жизни сообщества, к сожалению, со временем изменило соотношение диалогичного и монологичного стилей общения с читателями не в пользу первого.

В качестве доминирующей в предметно-тематической линии большинства районных изданий с государственным участием утвердилась информация о деятельности краевых органов власти. Страницы газет заполнили пресс-релизы информационных служб губернатора, Думы Ставропольского края, краевых министерств и ведомств. Очевидно, что редакции попали в жёсткую зависимость от новых учредителей более высокого ранга. Договоры об оказании информационных услуг правительству и законодательному собранию края обязывали публиковать обширные материалы, спускаемые «сверху».

Разросшиеся по кадровому составу информационные управления и пресс-службы региональных госорганов буквально «завалили» районные издания пресс-релизами о работе «на благо населения». Безудержно стала пиариться деятельность высоких должностных лиц. Внимание чиновников к районной прессе объяснимо: они тиражируют информацию о своей деятельности в самой востребованной периодической печати: на Ставрополье тираж районных газет в расчёте на одну тысячу жителей во много раз выше, чем у региональной печати, не говоря уже об общедокументальной. В среднем соотношение подписного тиража местной газеты и населения, по данным 2012 года, составлял по краю 1:10, т. е., локальное издание приходит практически в каждую вторую-третью семью административной территории.

Как показала практика, повышение статуса учредителя имело свой плюс – газеты освободились от диктата местной власти.

Однако ныне, по прошествии времени, очевидны и минусы решения о концентрации локальных СМИ в руках краевых госорганов. В ущерб местной информации на страницах «районки» сегодня преобладает краевой официоз. Но локальная пресса, по определению, предполагает максимальную приближенность к проблемам местного населения.

Ограниченный объём большинства газет (4 – 6 – 8 полос формата А3) и обязательность опубликования краевых официальных материалов не позволяют творческим коллективам выполнять в полной мере выделенные московскими исследователями журналистики основные функции районной и городской прессы, заключающиеся в информировании, строительстве местного самоуправления, организации коммуникации внутри района, в предоставлении читателям полезной информации [1, с. 64].

Вряд ли, к примеру, набор материалов одного из номеров газеты Шпаковского района «Наша жизнь» (14 июля, 2010) можно рассматривать как соответствие обозначенным функциям (предназначениям) местной прессы. На первой полосе – поздравление губернатора с Днём почты; информация о подписании правительством края соглашения с компанией МТС; информация о разговоре губернатора с советником президента А. Дворковичем (без детализации); колонка своих, местных, новостей. Вторая страница полностью отдана сообщениям пресс-служб губернатора, Думы Ставропольского края. Третья полоса заполнена местным официозом. Последующие, четвёртая и пятая страницы, представляют собой ещё одну совокупность пресс-релизов губернских органов власти. Содержание трёх заключительных полос – коммерческая реклама.

К сожалению, пример этот не единичный. В газете «Восход» Нефтекумского района (10 июля, 2010) три полосы – краевой официоз, остальные три – телепрограмма и реклама. И таких выпусков немало в общем комплекте районных газет.

Главный «типаж» этих номеров – безликий, навязчивый образ субъектов региональной власти. Нагрузка, которая легла

на «плечи» газет в связи с обязательной публикацией материалов краевых властных органов, на наш взгляд, чрезмерна. В практике независимой от органов власти прессы Запада подавляющее большинство присланных в издания PR-материалов отклоняется. «Опрос 348 редакторов американских и канадских деловых изданий... показал: 99 % этих специалистов считают, что только от 25 до 50 процентов присланных PR-материалов представляют для них некоторую ценность. Как сказал один из опрошенных, всё, что нужно прессе, – это честность, быстрота, краткость и вызывающее доверие содержание. Другой утверждал, что из 850 слов присланного пресс-релиза на странице остаётся 50 слов» [8, с. 170].

В ставропольских районных изданиях пресс-релизы властных органов не сокращаются. Стоимость квадратного сантиметра площади «районки» для власти, видимо, достаточно низка: её материалы отличаются расточительно большими объёмами. Требование опубликования пространственных материалов и порой имеющей весьма отдалённое отношение к нуждам и интересам населения районов информации можно рассматривать как административное давление. Сплошь и рядом находим номера районных изданий, первые полосы которых заполнены шаблонными текстами поздравлений с профессиональными и общероссийскими праздниками за подписями официальных лиц, начиная от губернатора, председателя думы, министра, депутатов разного уровня и т. п. «Праздничная открытка» вытесняет важную, интересную, полезную информацию о жизни районного сообщества. Как оказалось, профессиональных и общенациональных праздников у нас немало. Ежемесячно в паре выпусков номеров «районки», выходящей дважды в неделю, демонстрируется трогательное внимание властей предержащих к праздничным поводам.

К сожалению, в таких условиях финансовой «поддержки» местных изданий, вряд ли возможно осуществлять в достаточной мере те предназначения районной прессы, которые выделяют теоретики журналистики.

Как известно, давление на прессу имеет различные формы, и, прежде всего, административную и экономическую. В определённом ракурсе эта проблема была когда-то (5 июня 2008 года) обозначена президентом России Д. А. Медведевым в его выступлении на пресс-конференции в Берлине: «Я абсолютно убеждён, что свобода прессы требует защиты в рамках законодательства: несколько лет назад от прямого порабощения корпорациями, сейчас – от посягательств административного аппарата разных уровней...». О том, что намерение президента того периода избавить информационную сферу от такого принуждения носило последовательный характер, свидетельствует и его заявление в Послании Федеральному собранию России (30 ноября, 2010) о том, что «в собственности региональных властей может находиться

имущество, необходимое для осуществления своих полномочий... Органы власти не должны быть владельцами «заводов, газет, пароходов».

Увы, и сегодня в той или иной форме главным владельцем общественно-политических газет в большинстве регионов, в том числе и в Ставропольском крае, остается государственная власть. Вертикаль региональной прессы в последние годы, к сожалению, значительно укрепились. При такой схеме на примере изданий края абсолютно очевидно также вступление в противоречие двух важных типифицирующих признаков – ареал распространения (географическое пространство) и учредительство (издатель). Анализ последствий этого противоречия требует, как представляется, отдельных исследований.

Литература

1. Воронова О.А. Местная газета. Модели и типы // Типология периодической печати: Учеб. пособие для студентов вузов. – М., 2007.
2. Грабельников А.А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества. – М., 2001.
3. Динамика изменения общественно-политической ситуации в Ставропольском крае в 1997-2001 годах // По материалам социологических исследований Комитета по печати и информации Ставропольского края. – Ставрополь, 2002.
4. Закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – М., 2005.
5. Засурский И.И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы. – М., 2001.
6. Засурский Я.Н., Вартанова Е.Л., Засурский И.И. СМИ постсоветской России: учебное пособие. – М., 2002.
7. Касютин В. Судьба региональной прессы // Журналистика и медиарынок. – 2013. – № 04.
8. Киселёв А.Г. Теория и практика массовой информации: общество – СМИ – власть: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». – М., 2010.
9. Муниципальная пресса, реформа местного самоуправления и национальные проекты // Результаты Всероссийского мониторинга «Роль муниципальных печатных СМИ в реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Отв. ред. С.Г. Колесник, В.Л. Касютин. – М., 2006.
10. Российский рынок периодической печати, 2006 год. Состояние и перспективы развития // Доклад Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. – М., 2006.

УДК 81'373.2

Д. Б. Луговой**АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ МИКРОПОЛЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА
СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В статье рассматриваются проблемы описания состава имен собственных северо-западного региона Ставропольского края в синхроническом и диахронном аспектах, а также производится сравнительный анализ именников XIX и XX вв.

Ключевые слова: региональная антропонимическая система, формула именования, именник.

D. B. Lugovoy**THE PROPER NAMES' MICROFIELD OF THE NORTH-WESTERN AREA
IN THE STAVROPOL REGION: PAST AND PRESENT**

The article deals with the problem of describing the Proper Names' composition of the north-western area of Stavropol region in synchronic and diachronic aspects, as well as

comparative analysis of lists of names in the XIX-th and XX-th centuries.

Key words: a Regional Proper Names' system, a naming formula, a list of names.

Конец XVIII – начало XIX вв. – период интенсивного развития русской антропонимической системы; в это время происходит складывание и закрепление трехчленной формулы официального именования человека, выделяются как самостоятельные классы отчества, фамилии.

В ономастическом пространстве русского языка антропонимам принадлежит центральное место, и личное имя относится к собственно ядру ономастического пространства, структурированного как поле; фамилии и отчества занимают околядерное положение; прозвища принадлежат к периферии антропонимии. Исследование истории личных собственных имен, отражающих состояние общества: структуру, уровень культуры, положение носителя имени в обществе, – имеет большое значение не только для ономастики, этно- и социолингвистики, но и для таких наук, как история, этнография, география, культурология. Анализ региональной антропонимической системы показывает, что она не входит в противоречие с общерусской системой официального именования человека, которая имеет свою формулу имени.

Постоянная формула именования была известна еще в античном Риме: praenomen (личное имя) + nomen (родовое имя) + cognomen (прозвище, позднее фамильное имя) + (иногда) agnomen (добавочное прозвище). Например: Publius Cornelius Scepio Africanus major [4, с. 36].

В современном русском языке структура имени представлена уникальной трехсловной формулой официального именования лица (имя + отчество + фамилия), обоснование которой относится к числу нерешенных проблем исторической антропонимии [5, с. 20–21].

Складывание русской антропонимической системы как социально языковой и юридической категории происходит в XVIII веке. Так, у русских в XVII–XVIII вв. в официальных записях отражались пять следующих компонентов: 1) личное имя, 2) указание на родственные отношения, 3) индивидуальное прозвище или фамилия, 4) место происхождения, 5) профессия или занятие. При записи женщин указывалось также имя или группа имен мужа или свекра [6, с.113].

На изучаемой территории к началу XIX в. (наиболее ранняя сохранившаяся ревиз-

ская сказка фиксирована 1811 годом – с. Безопасное) в списки жителей при переписи (ревизии) включалось только мужское население. Первоначально антропонимическая модель была двучленной: Герасим Долженков, Григорий Береза, Корней Беда, Емельян Мурашка и др. Женское население оставалось вне поля зрения писцов. Имя отца не указывалось. Но в ревизской сказке после главы семьи перечислялись дети, а также его братья, внуки, племянники, дядя, пасынки. Это приводило к расширению двучленной модели: Никифор Герасимов сын Караводов; Мартинов зять Максим Алхимов; Мартина Лукина подданой малороссиянин Петр Алхимов; Васильев Котлярев родственник, нигде по ревизии и по росписям не записанный и никому не принадлежащий Демьян Шлинчаков; отпущенный на волю осужденного помещика Ивана Федорова сына Никифорова малороссиянин Иван Кривцов; пришедший 1811 г. Курской губернии Обоянского уезда села Сухой Солотцы, отпущенный на волю от помещика порудчика Ефима Иванова сына Карпова крестьянин Василий Далматов [1, № п/п 187, 253, 254] (здесь и далее сохранена орфография источника – Д. Л.).

Расширение модели происходило обычно за счет указания на родственные отношения (родственник; пасынок; дядя); социальное положение и происхождение (никому не принадлежащий; отпущенный на волю; крестьянин; малороссиянин); место происхождения (пришедший 1811 г. Курской губернии Обоянского уезда села Сухой Солотцы). Иногда причиной появления многочленной модели именования было отсутствие главы семьи, как в примере отставного солдата неположенного в подушной оклад Никиты Есетина сын Федор 9 лет [1, № п/п 15]). В многодушных семьях двучленная модель называния человека не позволяла индивидуализировать имя каждого. Например, однодворцы Звягинцовы имели состав: Мирон Звягинцов; дети его: Андрей, Сергей, Карп, Роман; Мироновы братья: Антон, Никанор, Петр; Антоновы дети: Матвей, Илья; Никаноровы дети: Спи-

ридон, Василий; Петровы дети: Конон, Егор; Сергеев сын Савелий (последнее именование позже дало Савелий Сергеев Звягинцов) [1, 2].

В отличие от поздних ревизских сказок, именование лица в подобных документах начала 19 века было представлено полно и информативно. Например:

Пришедшие 1807 года Орловской губернии Малоархангельского уезда

Деревни Трудон

Отставного капрала Венедикта Теряева дети

Сергей

Пантелей – померли 1808 года

Филип 40 лет

Филипов сын Федор 5 лет [Ревизская сказка ...селения Безопасного за 1811 г., № п/п 6]

Пришедшие в 1807 г. Болховского уезда Орловской губернии

Деревни Чиркиной

Данило Чиркин 43 года

Даниловы дети Иван1 13 лет;

Иван2 9 лет;

Павел 3 года [1].

Перепись за 1835 г. (она же – первая общая для всех изучаемых селений) включала полностью всех членов семейства (= весь двор), в т. ч. женщин:

Герасим Кондратов Долженков Герасима Кондратова

жена Настасья

Герасима Кондратова дети Артем

Илья

Стефан

Герасима Кондратова племянник

Василий Иванов Василия Иванова

жена Настасья

Василия Иванова дети Василий дочь Прасковья

Алексей

Матвей [1, № п/п 1].

Как видно из записей, формула именования в сказках 1811 г. была двучленной: на первом месте указывалось личное имя, на втором – фамильное прозвание. В 1835 г. формула имени трехчленная: личное имя, указание на родственные отно-

шения (отчество, точнее «полуотчество»), прозвище или фамилия.

Из примеров (Герасим Кондратов Долженков, Корней Васильев Беда, Емельян Никифоров Мурашка / Стефан Кузмин, Константин Санин, Еремей Тихонов – 1835 г.) видно, что при именовании лица уже не использовались все пять вышеперечисленных категорий. Роль второго элемента в имени в 1811 и 1835 гг. была различной. В 1811 г. это всегда фамильное прозвание; в 1835 г. в трехчленной модели это указание на родственные отношения, а в двухчленной – производное от христианского личного имени – формально могло быть и «полуотчеством», и фамильным прозвищем лица: Стефан Кузмин, Константин Санин, Еремей Тихонов (с. Безопасное), Алексей Ильин, Стефан Моисеев (с. Донское), Козьма Захаров, Николай Петров (с. Московское) и т. д. Сопоставление подобных моделей с составом таких, как Игнат Дубовик, Дмитрий Чайка; Яков Пыхтин, Яков Гладкий и др., позволяет отнести второй элемент двухчленных именовании 1835 г. к фамильным прозваниям.

Единственной встретившейся в 1835 г. четырехчленной моделью является именование, например: Иван Иванов Пестудник Сипулин). Здесь Иванов – патроним, Пестудник – второе, прозвищное имя Ивана (Иван Пестудник), которое могло стоять на втором, первом или последнем месте в трехчленной модели. Сипулин – фамилия Ивана, т. е. речь шла об Иване Пестуднике сыне Ивана Сипулина. В сказке встретились и составные (двойные) фамилии: Семен Никифоров Бураков он же Васин, Прохор Петров Дураков он же Прохоров, Федор Никитин Курачка он же Козельской, Антон Навиков он же Плотников. Здесь, например, в именовании Семен Никифоров Бураков он же Васин, Семен – имя, Никифоров – патроним, Никифор – отец Семена, имеющий второе имя Бурак, Васин – фамилия.

Проведенный сопоставительный анализ записей имени (формулы именовании) в ревизских сказках 1811 и 1835 годов позволяет обнаружить искусственный характер становления фамилий и даже имен в та-

ких антропонимах, как: Данило Чиркин, его дети: Иван – 1, Иван – 2, Павел; Григорий Чиркин; Стефан Чиркин, его дети: Максим, Абрам; Николай Чиркин, его брат Ульян; Андрей Чиркин; Петр Чиркин; Прокофий Чиркин, его дети: Стефан, Карп – деревня Чиркиной [1]; Мартин Лукин, Мартин Антоненко, Мартин Волченко – село Мартиновка Судженского уезда Курской губернии.

Проведенный анализ именника первой трети XIX в. показывает, что состав имен первопоселенцев отвечал нормам именнаречения, установившимся в России после принятия христианства, и практически не отличался от общерусского.

1. Удельный вес в именнике составляли христианские имена, в основном, иудео-греко-латинского происхождения (94,4 %). Пять имен – Борис, Владимир, Вера, Любовь, Надежда – крестильные славянские; происхождение шести имен: Игода, Емов, Нияй, Студон, Хлопен, Лобь – установить не удалось.

2. Популярными именами были Иван, Василий, Федор, Петр, Михаил, Евдокия (Авдотья), Прасковья, Анна, Марья, Матрена – те же, что отмечены и В. А. Никоновым: «...У всего многомиллионного крестьянства на протяжении многих столетий преобладали Иван, Василий, женские – Авдотья (Евдокия), Анна» [7, с. 66].

3. При освоении христианские, иноязычные по своей основе, имена постепенно укладывались в русский антропонимикон, приобретая различные фонетические и морфологические особенности, свойственные русскому языку (Агей // Кислей // пыхтей; Исай // Баглай // вихляй; Мануйло // Томило и др.).

4. Большинство мужских имен (69,7 %) было представлено не в строгой церковно-канонической форме, а вариантами: произносительными, словообразовательными, морфологическими, дифференцированными в функциональном плане (стилистические варианты). Женский именник в основном соответствует церковному (52,3 %). Как показал анализ, о разрушении строгой церковно-канонической формы имени

следует говорить прежде всего в наиболее употребительных именах. В качестве стилистических вариантов выступают церковно-канонические, разговорные, народные и просторечные формы имен. Количественный анализ их соотношения подтверждает тезис о разрушении строгой церковной канонической формы: таких имен в списках значительно меньше по сравнению с вариантами.

5. Мужской именник 1835 г. отличается от именника 1811 г. на 38,8 %, что свидетельствует о подвижности конкретного набора антропонимов. Расширение мужского именника (со 120 до 196 единиц) произошло как за счет появления «новых» имен в полной канонической форме, так и за счет увеличения вариантов.

Вместе с тем выявлена и особенность регионального именника – относительная антропонимическая однородность, обусловленная социальным равенством жителей трех исследуемых сел:

1. Частотность употребления самых популярных имен по селам одинаковая; кроме того, имена первой десятки 1811 г. полностью совпадают с первой десяткой 1835 г., что говорит о стабильности употребления того же популярного имени.

2. Частые имена (с числом носителей, равным и большим, чем СКО) приходились на абсолютное большинство имяносителей во всех трех селах – 77 % мужчин и 80 % женщин. Процент частых мужских имен в них вырос по сравнению с 1811 г., а количество имяносителей первой десятки популярных имен уменьшилось.

Объем и состав именника в XX в. обнаруживает иную картину, в большинстве отличную от той, которая сложилась в период заселения окраинных территорий Российского государства.

Изменения в именослове особенно наглядно проявились в середине XX века (1950 г.) и в его конце (2000 г.).

В 1950 г. 261 родившемуся мальчику дано 24 имени. СКО составил 11 человек. Частых имен девять (37,5 %): Николай, Владимир, Виктор, Александр, Василий, Иван,

Михаил, Алексей, Анатолий. Их носителями являются 213 человек. Первую пятерку составляют 7 имен: Николай 46 – 0,176; Владимир 35 – 0,134; Виктор 24 – 0,092; Александр, Василий, Иван по 21 – 0,080; Михаил 18 – 0,069. Женских имен было использовано 35 на 253 родившихся девочек. СКО составил 7 чел. К частым женским именам относятся 10 имен (28,6 %): Валентина, Любовь, Татьяна, Людмила, Нина, Зинаида, Галина, Раиса, Лидия, Вера. Они были даны 184 девочкам. В первую пятерку вошли 7 имен: Валентина 42 – 0,166; Любовь и Татьяна по 24 – 0,095; Людмила и Нина по 19 – 0,075; Зинаида 15 – 0,059; Галина 14 – 0,055. Остальные 15 мужских и 25 женских имен – менее частотны. Редкими из них (по одному имяносителю) являются: Валентин, Дмитрий, Станислав; Варвара, Василиса, Дина, Елизавета, Инна, Пелагея, Светлана.

Сплошная выборка имен детей, родившихся в 2000 году (сёла Донское, Безопасное, Московское и примыкающие к ним Труновское, Подлесное, Новая Кугульта, поселок имени Кирова, хутор Родники), значительно отличается составом мужских и женских имен от предыдущих списков.

Всего было использовано 47 мужских и 53 женских имен для наречения родившихся 146 мальчиков и 152 девочек. СКО мальчиков и девочек по 3 чел. К частотным именам по убывающей относятся 21 мужское (44,7 %) и 20 женских (37,7 %) имен: Александр, Владислав, Дмитрий, Алексей, Андрей, Иван, Даниил, Максим, Николай, Артем, Владимир, Игорь, Илья, Никита, Роман, Сергей, Станислав, Антон, Виктор, Денис, Евгений; Анастасия, Юлия, Виктория, Дарья, Анна, Валерия, Мария, Диана, Елена, Алина, Екатерина, Ольга, Полина, Виолетта, Кристина, Людмила, Наталья, Софья, Татьяна, Ульяна. В пятерку самых популярных вошли первые девять из перечисленных мужских и пять первых женских имен. Частотные имена присвоены 111 мальчикам (76 % от числа родившихся) и 111 девочкам (73 %).

Редкими именами в 2000 г. были Альберт, Вадим, Валентин, Виталий, Григорий,

Кирилл, Леонид, Матвей, Павел, Родион, Семен, Степан, Ульян, Ярослав; Алеся, Алиса, Ангелина, Антонина, Валентина, Вероника, Владислава, Галина, Дина, Жанна, Зинаида, Злата, Инесса, Ирина, Луиза, Любовь, Маргарита, Милена, Надежда, Нина, Олимпиада, Римма, Эльвира, Эмма, Яна.

Среди имен детей, родившихся в 2000 году, появились новые для региона имена по сравнению с предыдущими исследуемыми списками: Вадим, Виталий, Владислав, Игорь, Олег, Руслан, Станислав, Ярослав; Валерия, Виктория, Владислава, Жанна, Злата, Луиза, Маргарита, Милена, Полина, Римма, Эльвира, Эмма, Яна. Среди них неканонические: Альберт, Артур, Владислав, Руслан, Станислав, Ярослав; Валерия, Виктория, Виолетта, Владислава, Диана, Жанна, Милена, Полина, Римма, Эльвира, Эмма, Яна. По-прежнему часто встречаются и ранее широко распространенные имена: Александр, Алексей, Владимир, Даниил, Денис, Дмитрий, Николай, Никита; Анастасия, Анна, Дарья, Екатерина, Елена, Ольга и др.

Проведенный сравнительный анализ именников XIX и XX вв. позволяет сделать следующие выводы.

1. Удельный вес в именнике XX в., как и в предыдущем столетии, составляли христианские имена (95 из 119 – 80 %). Неканоническими являются славянские и западноевропейские имена: Альберт, Артур, Руслан, Станислав, Эдуард, Ярослав (6 из 53 – 11,3 %); Дина, Инна, Олеся, Алина, Валерия, Виктория, Виолетта, Владислава, Жанна, Злата, Инесса, Луиза, Милена, Римма, Полина, Эльвира, Эмма, Яна (18 из 66 – 27,3 %).

2. В XX в. было присвоено имен: 24 мужских и 35 женских 261 мальчику и 253 девочкам в 1950 г. и 47 мужских и 53 женских имени 146 мальчикам и 152 девочкам в 2000 г. Всего – 53 мужских имени на 407 чел. и 66 женских имен на 405 чел. СКО у мальчиков – 8 чел., у девочек – 6 чел., что значительно ниже, чем в XIX в.: 19 чел. у мужчин и 52 чел. у женщин.

3. В минувшем столетии значительно увеличилось по сравнению с началом XIX в. количество частых имен среди родившихся

мальчиков. Их 9 мужских в 1950 г. (37,5 %) на 213 чел. (81,6 % имяносителей) и 21 в 2000 г. (44,7 %) на 111 чел. (76 % имяносителей) – было 36 частых мужских (30 % от всего состава) на 571 чел., т.е. они обслуживали 72 % имяносителей в 1811 г. и 44 (22,2 %) на 3022 чел. (77 % имяносителей) в 1835 г.; частых женских имен в 1950 г. было 10 (28,6 %) на 184 чел. (72,7 % имяносителей) и 20 частых женских (37,7 %) в 2000 г. на 111 чел. (73 % имяносителей) – было 23 частых женских имени (34,8 %) на 2720 женщин, т.е. на 80 % имяносителей в 1835 г.

4. Если в первую десятку популярных имен в 1811 и 1835 гг. входили те же имена (Иван, Василий, Федор, Петр, Михаил, Григорий, Яков, Андрей, Степан, Семен), то в XX столетии только 4 из них вошли в состав частых (Василий, Иван, Михаил, Андрей), другие 6 имен употреблены 1-2 раза или не встретились совсем (Яков). Обычными для XIX в., но не использованными для наречения в середине XX в. были Антон, Артем, Григорий, Илья, Кирилл, Константин, Матвей. Частотные Акулина (Ксения), Татьяна, как и Дарья, Анастасия, Анна, Елена, Екатерина, вновь вернулись в обиход в конце столетия. К редким как в XIX, так и в середине XX века относятся: Борис, Денис, Константин, Родион, Ульян; Олимпиада, Ольга, София. Один раз встретились в списках XX в. имена Валентин, Вадим, Виталий, Григорий, Кирилл, Матвей, Родион, Ярослав; Варвара, Василиса, Дина, Елизавета, Инна, Пелагея.

5. Женский именник, в отличие от мужского, претерпел большие изменения. Женские имена, не имевшие ранее хождения (всего 35 имен), получили распространение в именовании девочек, родившихся в 1950 и 2000 гг.: Алла – 2, Валентина – 42, Галина – 14, Зинаида – 15, Клавдия – 2, Лариса – 3, Лидия – 8, Людмила – 22, Нина – 19, Раиса – 12, Светлана – 5, Таисия – 2, Тамара – 2, Юлия – 2 – всего 14 имен из 46 (30,4 %), данных в 1950 г. 150 из 253 девочек; Алена – 2, Алеся – 1, Ангелина – 1, Валерия – 6, Вероника – 1, Виктория – 11, Виолетта – 3, Владислава – 1, Диана – 5,

Дина – 1, Жанна – 1, Злата – 1, Инесса – 1, Луиза – 1, Маргарита – 1, Милена – 1, Олеся – 1, Римма – 1, Эльвира – 1, Эмма – 1, Яна – 1 – всего 21 имя из 53 (39,6 %), данных в 2000 г. 43 из 152 девочек.

6. Как показал анализ, о разрушении церковно-канонической формы следует говорить прежде всего в наиболее употре-

бительных именах: значительное количество общих для списков двух веков имен зафиксированы в укрепившейся народной форме (8 из 19 мужских – 42 %: Алексей, Антон, Артем, Денис, Дмитрий, Иван, Илья, Сергей и 6 из 28 женских – 21,4 %: Дарья, Кристина, Наталья, Софья, Татьяна, Ульяна).

Литература

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.459. Оп.2. Д.1763. (Кавказская казенная палата. – Ревизская сказка Кавказской губернии Ставропольского уезда селения Безопасного однодворцам и казенным обывателям за 1811 год).
2. ГАСК. Ф.459. Оп.2. Д.623. (Кавказская казенная палата. – Ревизская сказка Кавказской области Ставропольского округа селения Безопасного за 1835 год).
3. ГАСК. Ф.459. Оп.2. Д.593 (Кавказская казенная палата. – Ревизская сказка Кавказской области Ставропольского округа селения Донского за 1835 год казенным поселянам).
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
5. Пахомова С.Н. История образования трехчленной антропонимической формулы в русском языке // Историческое развитие языков и методы его изучения. Тезисы межвузовской конференции (Свердловск. 25 – 27 октября 1988 г.). Ч.1. – Свердловск, 1988.
6. Суперанская А. В. Структура имени собственного (Фонология и морфология). – М., 1969.

УДК 82.091

В. В. Милославская**МИФОПОЭТИКА И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ РАСШИРЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА СКАЗКИ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ
«ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ»**

В статье рассматриваются основные приемы и методы литературоведения в ситуации постмодернизма на примере творчества одних из крупнейших советских фантастов Аркадия и Бориса Стругацких. Сказка «Понедельник начинается в субботу» – первое и достаточно сложное по своим интертекстуальным связям произведение, которое одновременно являет собой систе-

му трансформаций авторами «чужих» или «своих» текстов, построенную по различным моделям.

Ключевые слова: постмодернизм, эстетика, научная фантастика, братья Стругацкие, многоуровневая организация текста, миф, мифопоэтика, интертекстуальность, пространство текста.

V. V. Milovslavskaya**MYTHOPOETICS AND INTERTEXTUALITY AS A WAY TO EXTEND THE ARTISTIC SPACE
IN THE TALE BY THE STRUGATSKY BROTHERS «MONDAY BEGINS ON SATURDAY»**

The article discusses basic techniques and methods of literary studies under the conditions of postmodernism on the example of one of the greatest Soviet science fiction writers Arkady and Boris Strugatsky. The tale “Monday begins on Saturday” is the first and rather complex in terms of intertextual relations work of the writers. The tale represents

a system of transformations of “the others” texts as well as the authors’ “own” texts, built on different models.

Key words: postmodernism, aesthetics, science fiction, Strugatsky brothers, multi-level organization of the text, myth, mythopoetics, intertextuality, text space.

Миф как «вторичная семиологическая система» [1, с. 78] служит знаком, кодом, отсылкой, порождающей «объемные», пластичные, образы и структуры, которые обеспечивают поливариантное прочтение текстов.

Весьма закономерным является обращение писателей к мифологическими архетипами соцкультуры, мифофольклорным сюжетам, идеям, образам, мотивам, но помещенным в создаваемую художественную реальность, в некое новое субпространство.

Сказка «для научных сотрудников младшего возраста» «Понедельник начинается в субботу» – первое произведение братьев Стругацких, написанное в жанре сказочной фантастики. Но сказочные персонажи здесь пересматриваются, перерабатываются, пародируются. Происходит демифологизация сказочных образов, переносный смысл

воспроизводится буквально, что приводит к конструированию картины мира, основанной на абсурдности бытия. Это отсылает нас к поэтике постмодернизма, по крайней мере, в начальной его форме, в той форме, о которой мы можем говорить, учитывая приоритет советского типа мышления в эпоху социализма.

Так, золотая рыбка в сказке «Понедельник начинается в субботу» убита глубинной бомбой, щука, исполняющая желания, жалуются на ревматизм и плохое зрение, ученый кот (здесь кот Василий) показывается склеротиком, который не может вспомнить до конца ни одной сказки.

Особое внимание хотелось бы уделить одному из персонажей «Понедельника...» – Наине Киевне Горыныч. По теории В.Я. Проппа, в волшебных сказках Баба Яга – основной персонаж в обряде инициации ге-

роя, а именно – когда он пересекает границу между миром живых и миром мертвых. Герой «Понедельника...» – Александр Привалов – следует ритуальной схеме волшебной сказки. Он едет через лес, где встречает двух попутчиков. Вместе с ними герой приезжает в сказочный город и попадает в НИИЧАВО – волшебнo-сказочный Иной Мир – мир, где происходят его приключения, но до этого он должен переночевать на границе миров у Бабы Яги – Наины Киевны Горыныч (смотрительницы институтского музея «Изнакурнож»). Имя ее немедленно вызывает ассоциации со злой ведьмой в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», которая, в свою очередь, является литературной вариацией Бабы Яги из волшебных сказок. Переключка текстов братьев Стругацких и Пушкина несет в себе искажение: Баба Яга носит валенки и галоши, на голове у нее косынка с «надписями на разных языках «Международная выставка в Брюсселе»» [4, с. 433]. Само знакомство Наины Киевны с главным героем представляет собой смесь бюрократической анкеты с традиционными формулами цыганского гадания:

«— Таким вот образом, Наина Киевна! — сказал горбоносый, подходя и обтирая с ладоней ржавчину. — Надо нашего нового сотрудника устроить на две ночи. Позвольте вам представить... м-м-м...

— А не надо, — сказала старуха, пристально меня рассматривая, — сама вижу. Привалов Александр Иванович, одна тысяча девятьсот тридцать восьмой, мужской, русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет, а будет тебе, алмазный, дальняя дорога и интерес в казенном доме, а бояться тебе, бриллиантовый, надо человека рыжего, недоброго, а позолоти ручку, яхонтовый...» [4, с. 433–434].

Значительно перерабатывается и образ Кощея Бессмертного. Сказочный злодей предстает в тексте Стругацких арестантом, приговорив которого к смертной казни, судьи «окажутся в очень странном положении: смертную казнь к бессмертному преступнику применить невозможно, а вечное заключение, если учесть предварительное, он уже

отбыл...» [4, с. 513]. Заключенный обитает в камере, которая является комфортабельным кабинетом с коврами и кондиционером. Кощея высоко ценят в НИИЧАВО, поскольку, он служит переводчиком для Змея Горыныча.

Искажаются не только волшебнo-сказочные персонажи, но и библейский текст: «Да, они знали кое-какие заклинания, умели превращать воду в вино, и каждый из них не затруднился бы накормить пятью хлебами тысячу человек» (4, с. 532), далее следует замечание: «Это была шелуха, внешнее» [4, с. 532]. Краткость и разговорный стиль этого замечания в сочетании с высоким стилем библейского оригинала формируют несоответствие двух пластов повествования и определяют взаимопроникновение «высокого» и «низкого». Происходит десакрализация священного текста.

Усиление десакрализации сакрального текста обнаруживает себя в одном из центральных эпизодов «Понедельника...» – эпизоде об экспериментах по созданию моделей «идеального человека». Здесь комически перерабатывается миф о сотворении человека.

Профессор-экспериментатор Амвросий Выбегалло рассматривает задачу сотворения искусственного человека как в «научной», так и в «деловой» манере: «Нехитрую эту идею он пробивал всячески, размахивая томами классиков, из которых с неописуемым простодушием выдирает с кровью цитаты, опуская и вымарывая все, что ему не подходило. В свое время ученый совет дрогнул под натиском этой неудержимой, какой-то даже первобытной демагогии, и тема Выбегаллы была включена в план. Действуя строго по этому плану, старательно измеряя свои достижения в процентах выполнения и никогда не забывая о режиме экономии, увеличении оборачиваемости оборотных средств, а также о связи с жизнью, Выбегалло заложил три экспериментальные модели...» [4, с. 500].

Профессор Выбегалло разрабатывает три экспериментальные модели: модель Человека, неудовлетворенного полностью;

модель Человека, неудовлетворенного желудочно; модель Человека, полностью удовлетворенного.

Лаборатория, где проводятся эксперименты, называется «Родильный Дом»: «Здесь, по утверждению профессора Выбегаллы, рождались в колбах модели идеального человека. Вылуплялись, значить. Компране ву?» [4, с. 521]. Использование глагола «вылуплялись» вместо «рождались» уже снижает пафос самой идеи создания «идеального человека».

Сотворение первой модели упомянуто только мимоходом: «Полностью неудовлетворенный антропоид поспел первым – он вывелся две недели назад. Это жалкое существо, покрытое язвами, как Иов, полуразложившееся, мучимое всеми известными и неизвестными болезнями, невероятно голодное, страдающее от жары и холода одновременно, вывалилось в коридор, огласило институт серией нечленораздельных жалоб и издохло» [4, с. 500].

О рождении второй модели рассказывается очень подробно и отмечается, что «кадавр» (модель) является точной копией самого профессора (создан «по образу и подобию...»). Это сходство можно рассмотреть с разных сторон: модель – это «дубль» профессора Выбегалло, что является частой практикой среди ученых НИИЧАВО (сотрудники института создают себе помощников – свои точные копии, которые механически выполняют поставленные задачи), модель – попытка профессора на роль Творца.

Модель неудовлетворена желудочно, она постоянно голодна, и каждый раз, чтобы насытиться ей требуется все больше пищи. Кадавр испытывает удовлетворенность на примитивном уровне, что не соответствует высокой идее проекта. Духовные потребности у него отсутствуют полностью: ему предоставляют магнитофон, но «идеальный человек» лишь пробует магнитофонную пленку на вкус.

После взрыва модели Человека, неудовлетворенного желудочно, профессор приступает к созданию третьей модели – модели Человека, удовлетворенного полно-

стью, идеального потребителя. Проведение эксперимента представляет собой катастрофу: модель обладает сокрушительной силой, способна вызывать стихийные бедствия, но ее интересы сводятся к поглощению «товаров народного потребления».

Козловски утверждает, что тот же самый эпизод пародирует произведения русской и мировой литературы («Братья Карамазовы» Ф. Достоевского и «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле). «Модель желудочно неудовлетворенного человека является пародией на «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле, а именно на сцены рождения и Гаргантюа и Пантагрюэля и на их гротескные пиры... Теория Выбегалло, «все беды, эта, от неудовольствия проистекают...» является пародийной аллюзией на произведение Ивана Карамазова «Легенда о Великом Инквизиторе» из «Братьев Карамазовых»» [5].

Стругацкие искажают и трансформируют эти тексты. Так, если пиршественные образы Рабле – это восхваление и празднование жизни, то обжорство в сказке Стругацких – разрушительно (в финальной сцене кадавр взрывается). Теория профессора Выбегалло о том, что удовлетворение материальных потребностей готовит почву к удовлетворению потребностей духовных, являет собой «аллегорический набросок экономической теории цивилизации, утверждающей, что если бы не потребность в наполнении желудка, у человека не было бы достаточно стимулов для развития искусств и наук, и он бы оставался погрязшим в варварстве» [5].

Самое интересное, что наиболее яркими и запоминающимися в тексте являются именно эти художественные опосредованные «расшифровки» волшебного-сказочных образов и сведение их в ироничный контекст. Здесь проявляется одно из отличительных свойств постмодернизма, заключающееся в том, что постмодернистская ирония, метко определяемая критикой как «высказывание в квадрате», позволяет участвовать в метаязыковой игре и тем, кто ее не понимает, воспринимая совершенно серьезно, а постмодернистские иронические

колажи могут быть восприняты зрителем как сказки, пересказы снов. В идеале «постмодернизм оказывается над схваткой реализма с ирреализмом, формализма с «содержанизмом», снося стену, отделяющую искусство от развлечения» [2, с. 51].

Рассматриваемые образы преломляются в комедийном освещении и получают новую смысловую нагрузку, сохраняя за собой и первоначальное значение, а интертекстуальные пласты, переплетаясь, образуют своеобразную мифопоэтическую константу этого текста. Мифологическое пространство текста сказки «Понедельник начинается в субботу» насыщается расширенными значениями. Разрушение пространственных, хронологических границ, нарушение логики развития сюжетной линии органично встраивают персонажей и сюжеты русской сказки в структуру научной реальности XX века. Это обеспечивает возможность поливариантного прочтения текста.

Мифологизм, интертекстуальность, цитатность, ирония осуществляют в тексте «сказки для научных сотрудников младшего возраста» «Понедельник начинается в субботу» стратегию слияния элементов массового и элитарного дискурсов в неразделимый комплекс и обеспечивают отображение постмодернистского постулата «Мир-как-Текст», отражающего вариативность и незафиксированность самого текста.

«Мифологизм постмодернистского текста, деконструирующий мифемы, переводящий и обогащающий их, таким образом, новыми смыслами и идеями, делая более доступными, вводит в современную реальность (или, наоборот, современную реальность в архаическую мифологическую систему), приобщая, зачастую опосредованно, к вековым культурным ценностям, десакрализует мифы и заставляет задуматься о времени настоящем и т. д.» [3, с. 171].

Повествователь создает действительность, знакомую и массовому, и элитарному читателю, отталкиваясь от канонических характеристик действительности и уже имеющих систему множественного существования в различных текстах, фольклоре. Постмодернизм снимает противопоставление между «высоким» и «низким» в литературе, объединяя их в единой культурной парадигме, связывая в глобальный гипертекст.

Традиции «Понедельника» были продолжены В. Пелевиным в романе «Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре», где также происходит демифологизация пространства текста. Непреходящие значения архаического мифа в романе насыщаются современными значениями и облекаются в ультрасовременную форму. Как братья Стругацкие пишут сказку о сказке (что подчеркивается в подзаголовке произведения «сказка для научных сотрудников младшего возраста»), так Пелевин создает миф о мифе.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
2. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб., 2000.
3. Санькова А.А. Картина мира постмодернистской литературы: типология массового и элитарного. Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007.
4. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Понедельник начинается в субботу // Собр.соч. в 11 т. Т.3. Донецк, 2002.
5. Kozlovsky E.Z. Comic codes in the Strugatskys tales: «Monday Begins On Saturday» and «Tales of the Troika». [Электронный ресурс] // URL: http://fan.lib.ru/a/ashkinazi_I_a/text_2120.shtml . (Дата обращения: 27.04.2014).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 130.2:323.1

Ю. Р. Перепелицына

ПОНЯТИЕ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР» В ТРУДАХ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Статья посвящена анализу понятия «национальный характер» в трудах русских философов первой половины XX века. Русские мыслители используют разные методы изучения данной проблемы: одни определяют основные черты русского национального характера, анализируя сказки народа; другие обращаются к истории народа, ее конкретным фактам, событиям, анализируя

поведение русского народа в разных ситуациях. Но все философы утверждают, что русский народ – особенный, избранный Богом и выполняет возложенную на него миссию.

Ключевые слова: нация, национализм, национальный характер, национальное самопознание, религия, религиозная философия, патриотизм, двойственность «русской души».

J. R. Perepelytsina

THE CONCEPT OF «NATIONAL CHARACTER» IN THE WRITINGS OF RUSSIAN
PHILOSOPHERS OF THE FIRST HALF OF THE XX-TH CENTURY

This article analyzes the concept of “national character” in the works of Russian philosophers of the first half of the twentieth century. The author concludes that the Russian thinkers use different methods of studying the topic. Some of them define the main features of Russian national character by analyzing folk tales; others turn to the history of the nation, its specific facts and

events analyzing the behavior of the Russian people in a given situation. But all of them are inclined to conclude that the Russian nation is especially marked by God and fulfills its mission.

Key words: nation, nationalism, national character, national self-knowledge, religion, religious philosophy, patriotism, the duality of the “Russian soul”.

За всю историю изучения национально-го характера накоплено множество оценок и разногласий во мнениях. Это обусловлено тем, что данная проблема представляется весьма сложной, требующей постоянного пристального внимания исследователей. Неслучайно вопрос о национальном характере был весьма актуален для ведущих европейских мыслителей XVIII–XIX веков; в России он глубоко волновал западников и славянофилов, народников и романтиков – все они так или иначе обозначили многие узловые моменты в исследовании природы национального характера.

В первой половине XX века значительный вклад в исследование проблемы национального характера внесли работы известных русских философов: Н. Ф. Федорова, И. О. Лосского, Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, П. Флоренского, Л. П. Карсавина, И. А. Ильина, Н. С. Трубецкого, И. Л. Солоневича, Г. П. Федотова. «Изучение бытия в метафизическом ракурсе, дифференциация формально-классовой и нравственной истины, понимание человека не как средства, а как цели истории» [6, с. 6] – все эти проблемы глубоко волновали философов и отличают их труды.

В рамках русской религиозной философии идея «национального характера» тесно связана с мыслью о своеобразии России. «Их идеи, ассоциирующиеся не с сиюминутными, временными, а с вечными, абсолютными характеристиками бытия, связывались с кардинальными для философского знания вопросами о смысле жизни, о назначении человека. При этом представители отечественной философии конца XIX – первой половины XX веков во главу угла ставили нравственные проблемы, свободные от ... прямолинейного социологического толкования... Они прежде всего возвышали поступок сознания, души, духа – те координаты личности, которые ... наиболее подвластны художественному изображению и которые стали основным объектом показа в русской социально-философской прозе 1970 – 80-х годов, сделавшей предметом обстоятельного художественного анализа категории совести, стыда, вины, памяти, в конечном счете – нравственной истины» [6, с. 6–7].

Оригинальному мыслителю Николаю Федоровичу Федорову, автору «Философии общего дела» (1906, 1913), принадлежит мысль о том, что «между народными представлениями всечеловеческой семьи и всемирным гражданством – громадная разница. Последнее не придает никакого значения происхождению, для него не существует предков, оно всемирно, так сказать, по пространству, а не по времени» [11, с. 191]. При этом всемирность по времени понимается философом как уходящее в глубь веков родство всех по единым предкам. Все общины, взятые в совокупности, образуют единую семью человечества. По мнению Федорова, народ может и должен действовать как братство, как один человек» [12, с. 441]. Все человечество должно «из стихийной силы» стать «совокупностью нравственно разумных личностей, братством» [12, с. 441]. Только в этом случае станет возможным «превращение государственного в отеческое», перевод общества из «юридико-экономического строя в родственно-нравственный» [12, с. 427].

Исходный тезис Н. О. Лосского в книге «Характер русского народа» (1957) заклю-

чается в том, что каждая личность – «своеобразный единственный в мире индивидуум, неповторимый по бытию и незаменимый по своей ценности» [7, с. 3]. Мыслитель настаивает на том, что индивидуальность, своеобразие личности не могут быть выражены в общих понятиях. Однако при попытке дать характеристику русских людей он признает, что приходится говорить «о тех общих свойствах, которые чаще всего встречаются у русских и потому выразимы в общих понятиях». И хотя эти «общие свойства», представляя собой «нечто вторичное», все же они заслуживают внимания исследователя, так как дают представление о том, какие черты характера чаще всего можно встретить в среде данного народа. Следует сразу же оговорить, что в своих «замечках» Лосский имеет в виду душу отдельных русских людей, а не душу русской нации, как целого, или душу России, как государства. Согласно метафизике «иерархического персонализма», которой придерживается философ, «каждое общественное целое, нация, государство и т.п., есть личность высшего порядка: в основе его есть душа, организующая общественное целое так, что люди, входящие в него, служат целому, как органы его» [7, с. 3]. Персоналистический интуитивизм Лосского не допускал, и справедливо, забвения принципа свободы воли. «Следовательно, – говорит он, – территория и климат играют роль только поводов, на которые личность свободно отвечает своими чувствами и поступками» [7, с. 267 – 268]. В дальнейшем философ и историк Л.П. Карсавин, разделяя позицию Н.О. Лосского, подчеркивал, что не географические границы, не территория – признак, отличающий данный народ от других народов. Мыслитель подчеркивал невозможность представить себе народ без мировоззрения, хотя оно и может быть недостаточно выраженным, не уясненным и не сформулированным, без духовно-душевного уклада и религиозного момента [5, с. 133, 176]. Основным свойством русского народа Лосский считал религиозность и связанное с ней искание добра, способность приобщиться к высшим формам опыта – не только религиозного, но и нравственного, эстетиче-

ского [7, с. 5–22]. Вторым, не менее характерным свойством, исследователь называл «могучую силу воли», определившую и такие черты, как страстность, максимализм, экстремизм, и существующую одновременно леность, пассивность [7, с. 31–45]. Наконец, свободолюбие, широкая натура, испытание всех ценностей собственной рефлексией и опытом [7, с. 45–55], оборотной стороной чего стали нигилизм, рискованные поступки, анархия, а порой и хулиганство [8, с. 61–87]. Вместе с тем Н. Лосский подчеркивал способность русского человека эти недостатки преодолевать.

Многочисленные размышления о нации и национальном характере принадлежат и перу Н. А. Бердяева – одного из самых оригинальных и глубоких русских мыслителей, которого по праву причисляют к крупнейшим философам XX столетия. Учение Н. А. Бердяева о нации и национальном характере представляет особый интерес. Нация, по его утверждению, это ступень в иерархии индивидуальностей: человек – нация – человечество – космос – Бог. Человек приобщится к космосу, к Богу через все иерархические ступени, в том числе и нацию. В свою очередь национальные индивидуальности образуют человечество как соборное единство. Человечество, отвлеченное от всего национального, пустая абстракция. Общечеловеческое может проявляться только через национальное [2, с. 98–99].

Отмечая сущее всеединство человечества, Бердяев пишет, что оно состоит из людей разной национальности: человек входит в общество не как «отвлеченный человек», а «как русский, француз, немец, или англичанин... Национальность есть индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества, она заложена в самих глубинах жизни, и национальность есть ценность, творимая в истории» [2, с. 98–99].

Неоднократно писал Н. А. Бердяев о роли национального характера в судьбах России. Залог совершенствования национального характера русский мыслитель видел в том, что личность может «самотво-

риться», становиться все более и более «духовной». Проблема русского национального характера всестороннее освещена в таких его произведениях, как «Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности» (1918), «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы» (1923), «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX–XX» (1948), «Самопознание. Опыт философской автобиографии» (1949) и многих других. Русский народ рассматривается как народ богоизбранный, к Богу приближенный, Богу необходимый для воплощения его замысла. Таким образом, идея своеобразия национального характера у философа связывается с религиозными основами народа. Рассматривая идеи славянофилов и западников о дальнейшем пути развития России, Н. Бердяев писал: «Русское самосознание не может быть ни славянофильским, ни западническим...» [1, с. 351].

Очевидно, исходной посылкой всех рассуждений философа на тему русского национального характера является специфическая двойственность «русской души», противоречиво совмещающей в себе восточный и западный элементы, а также православный аскетизм со стихийно-природным началом [2, с. 7], женственную пассивность и в то же время способность создать великую империю [2, с. 274–275], бесконечную свободу и открытость духовных далей и одновременно рабскую покорность [2, с. 283]. Вывод философа: «Для нас самих Россия остается неразгаданной тайной. Россия противоречива, антиномична. Душа России не покрывается никакими доктринами». Разгадать таинственную душу России, можно лишь признав ее антиномичность, противоречивость, так как только при этом условии русское самосознание освобождается от «лживых и фальшивых идеализаций» [2, с. 273].

Попытка изучения национального характера народа по его сказкам и былинам была предпринята Б. П. Вышеславцевым в статье «Русский национальный характер» (1995). Надо сказать, что до выхода в свет

этой работы один только кн. Е. Н. Трубецкой в книге «Иное царство и его искатели в русской народной сказке» (1918) предпринял попытку проверить свои умозрительные догадки фольклорным материалом. Как считает Вышеславцев, основные черты характера народа заложены в области подсознания, на бессознательном уровне. «Характер человека не есть ... что-то явное, очевидное; напротив, он есть нечто скрытое ... Характер имеет свой корень ... в бессознательных силах, в области подсознания... В особенности это применимо к русскому народу» [3, с. 112]. Обращаясь к богатейшему материалу русских сказок, Б. П. Вышеславцев определяет черты, наиболее свойственные русскому народу.

Одним из самых национально мыслящих и патриотичных русских мыслителей является И. А. Ильин. Он был глубоким исследователем русскости, посвятил России почти все свое творчество.

Понятие национализма в философской системе И. А. Ильина приобретает выражение естественного чувства любви к своему народу, родине, к своей культуре, свидетельствует о принадлежности к соотечественникам, единении с ними. При этом неважно, кто эти люди по крови (Ильин развивает идею Достоевского о всемирной отзывчивости русского человека). С точки зрения И. Ильина, национализм и патриотизм не означает ущемления какого-либо народа и его культуры. Русской культуре, считал он, чуждо подобное утверждение своего национального духа за счет других народов. «Нам открыт дух всех народов: мы с детства привыкли чтить и любить их гениев» [4, с. 236–237]. Стать интернационалистом, по мнению философа, – значит стать никем во всех проявлениях культуры, на этом пути возможно лишь духовное убожество.

В книге «Путь духовного обновления» (1935) И. Ильин, рассуждая о патриотизме, подчеркивает: любовь к Родине есть приверженность духу народа, его национальному характеру, религиозному и нравственному облику, являющимся воплощением Бога. К элементам национального

духа он относит язык, песню, молитву, поэзию, житие святых и героев, историю. По мнению философа, «постигнуть дух других народов может только тот, кто утвердил себя в духе своего народа» [4, с. 210].

Николай Сергеевич Трубецкой – лингвист, филолог, основатель евразийства – рассматривал народ как «психологическое целое, как известную коллективную личность» [9, с. 117]. Каждый народ творит свою культуру (характерную именно для этого народа), реально воплощенную в литературе, искусстве, науке, в быте. Согласно Н. Трубецкому, смысл и задача каждого человека – самопознание, которое выражается в гармонически самобытной жизни и деятельности данной личности. Для народа это гармоничная самобытная национальная культура, отдельные части которой не противоречат друг другу. Создание такой культуры – цель каждого народа [9, с. 118]. Н. С. Трубецкой подчеркивает, что только при взаимодействии между индивидуальным и национальным самопознанием возможно правильное развитие национальной культуры [9, с. 119].

Исследование соотношения персонального и национального, национального и общечеловеческого, «национального и вселенского» провел Г. Н. Федотов. Национальный характер объединяет в себе как индивидуальное, так и коллективное проявление. Определяя национальный характер, он подчеркивает, что это не расовая и даже не этнографическая категория. Это категория культурная и политическая. Мы можем определить его как совпадение государства и культуры. «Там, где весь или почти весь круг данной культуры охвачен одной политической организацией и где, внутри нее, есть место для одной господствующей культуры», там образуется то, что мы называем национальным характером [10, с. 245–246].

Анализ трудов русских философов позволяет сделать вывод о том, что русский национальный характер имеет свои особенные черты, отличные от черт, свойственных другим народам. Необыкновенная внутренняя сила, духовность и жертвен-

ность русского народа, его доброта, душевная простота, сострадание и бескорыстие и, вместе с тем, инертность, нелогичность и нерациональность поступков, поведение, оправданное чаще всего лишь интуицией, – все это делает русский народ самобытным,

уникальным. Основная задача русского народа сейчас и в будущем – возродит в себе все свои лучшие качества, сохранить их и передать следующим поколениям. Ведь именно за это радели великие русские мыслители всех времен.

Литература

1. Бердяев Н. Самопознание: опыт философской автобиографии. – М., 1991.
2. Бердяев Н. Смысл истории. – М., 1990.
3. Вышеславцев Б. Русский национальный характер // Вопросы философии – 1995 – №6.
4. Ильин И. Путь духовного обновления. Собр. соч.: В 10 т. Т. I. – М., 1993.
5. Карсавин Л. Философия истории. – СПб., 1993.
6. Компанеев В. Русская социально-философская проза 1970 – 80-х годов. Нравственный и психологический аспекты изображения человека – Саратов, 1994.
7. Лосский Н. Характер русского народа. В 2 кн. Кн. 1. – М., 1957.
8. Лосский Н. Характер русского народа. В 2 кн. Кн. 2. – М., 1990.
9. Трубецкой Н. Об истинном и ложном национализме // История. Культура. Язык. – М., 1995.
10. Федотов Г. Судьба и грехи России. В 2-х т. Т. 2. – СПб., 1992.
11. Федоров Н. Сочинения. – М., 1982.
12. Федоров Н. Философия общего дела. В 2 т. Т. 2. – М., 1906.

УДК 323.1 (470)

М. Е. Попов

КОНФЛИКТЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПОСТТРАДИЦИОННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена исследованию категориального статуса концепта «конфликты идентичностей» в аспекте философского исследования посттрадиционных трансформаций в современной России.

Ключевые слова: конфликты идентичностей, посттрадиционная Россия, посттрадиционные трансформации, культурные идентичности, традиционализация, модернизация.

M. E. Popov

IDENTITY-BASED CONFLICTS IN POST-TRADITIONAL RUSSIA: THEORETICAL ASPECTS

The article is devoted to the categorical status of the concept of «identity-based conflicts» in terms of philosophical examination of post-traditional transformations in contemporary Russia.

Key words: identity-based conflicts, post-traditional Russia, post-traditional transformations, cultural identities, traditionalization, modernization.

В посткоммунистической России радикальные вызовы социальной безопасности связаны с неустойчивыми, меняющимися коллективными идентичностями, что обусловлено посттрадиционными социо-

культурными трансформациями. В начале нового века актуализация гражданского самосознания и трансформация традиционалистских ценностей создают противоречивые образы идентичностей. Культурные

идентичности в России, с одной стороны, изменяют прежнее ценностно-мировоззренческое содержание, с другой – формируются через соотнесение с предыдущим культурно-антропологическим опытом в ситуации глубинного противостояния традиционализации и модернизации.

В постсоветские десятилетия этнорелигиозная традиционализация культурных идентичностей как реакция на кризис гражданского общества и уничтожение либеральной демократии выступает основным конфликтогенным фактором. В изменяющейся традиционалистские векторы развития российской культуре идет поиск способов преодоления конфликтов, обусловленных социокультурными идентичностями, и формирования идентичности, обладающей высоким уровнем гражданской интеграции.

Советскость и постсоветские идентичности являются проявлением антропологической доминанты российской культуры – противоречивой, амбивалентной, неустойчивой, кризисной идентичности, выступающей главным источником современных конфликтов. Исследование конфликтов идентичностей связано с актуализацией проблем демократического развития в условиях традиционалистских рисков и вызовов общественной безопасности, обусловленных культурными трансформациями на региональном и общероссийском уровнях.

На протяжении двух последних десятилетий в отечественной и мировой науке значительное внимание уделяется изучению конфликтов идентичностей в различной терминологической постановке. В теоретических построениях, лежащих в основе данных исследований, авторы исходят из того, что конфликты идентичностей (*identity-based conflicts*) – это конфликты, источником которых выступает принадлежность к определенной социокультурной группе. По мнению В. А. Тишкова, факторы культурной идентичности и группового статуса являются фундаментальными в современных конфликтах: отказ в признании и дискриминация вызывают неизбежный и непреодолимый протест, по причине огромной

значимости социокультурной целостности конфликты идентичностей являются особенно трудными для переговоров и компромисса [16].

Впервые термин «конфликты идентичностей» появляется в работах Дж. Бертон и Дж. Ротмана в 1990-е годы. Дж. Бертон рассматривает коллективную идентичность как одну из базовых потребностей человека, при этом угроза культурной идентичности воспринимается группой как одна из основных угроз безопасности. Более того, Дж. Бертон в качестве ключевых выделяет две потребности: потребность в идентичности и потребность в безопасности. По мнению Дж. Ротмана, важнейшими атрибутами конфликтов идентичностей являются их иррациональность, глубокая субъективность и неуправляемость [6; 1; 2; 3].

В основании выделения конфликтов идентичностей в общей теории конфликта лежит концептуальное различие, проводимое теоретиками конфликта между теми феноменами, которые именуются «реалистическими» и «нереалистическими» конфликтами (Л. Козер), «рациональными» и «нерациональными» конфликтами (Т. Шеллинг), «деструктивным поведением» и «конфликтным поведением» (Й. Галтунг) [7; 8; 17]. Анализируя специфику и типы современных конфликтов идентичностей, Д. Хоровиц отмечает, что в глобальном мире в некоторых случаях культурные конфликты являются не биполярными, как между конфликтующими сторонами А и Б, а триполярными и мультиполярными [4].

Особое внимание к проблеме трансформации современных конфликтов уделяется в исследованиях Д. Зенгхааса, К. Райманн, Д. Смита в коллективном труде «Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра», где факторы идентичности интерпретируются как фундаментальные конфликтогенные детерминанты [17]. М. Игнатъев называет коллективные идентичности основным источником интолерантности в современной культуре: идентичности формируются на основе «отталкивания» от «иного»,

и чем ближе «иное», тем сильнее интолерантность, тем конфликтнее отношения, тем враждебнее настроена одна группа по отношению к другой, ибо «не те общие элементы, которые объединяют людей друг с другом, определяют их восприятие своей идентичности, но именно те маргинальные «меньшие» различия, которые их разделяют» [5].

Э. А. Паин и А. А. Попов выделяют в типологии современных конфликтов наряду с конфликтами идей и действий «конфликты стереотипов»; А.В. Дмитриев различает «конфликты неуправляемых эмоций, проявляющиеся в конфликтах-бунтах или погромах», а также «конфликты идеологических доктрин, которые связаны с политическими, национальными, религиозными движениями и имеют более или менее давние исторические корни» [11; 12; 13]; в классификации конфликтов Л. И. Никовская и Е. И. Степанов исходят из того, что «многие этнонациональные конфликты можно назвать ложными», поскольку они порождают «ложные образы и иррациональные фобии, агрессивность и дегуманизацию оппонентов» [10; 14; 15].

Конфликты идентичностей представляют собой социокультурные конфликты посттрадиционности, фундаментом которых являются ценностно-мировоззренческие различия и противоречия, обусловленные кризисами и трансформациями культурных идентичностей; эти конфликты детерминированы дихотомией традиционалистских и посттрадиционных ценностных систем и являются атрибутивной частью рефлексивно-модернизационных процессов в российской культуре. Понятие «конфликты идентичностей» отражает системный характер ценностно-мировоззренческих противоречий как модернизационных рисков глобального мира: интеракция и сближение ранее «чужих» культурных общностей и их идентичностей является неисчерпаемым источником интеграции и конфликтов. Посттрадиционные социокультурные трансформации как основания конфликтов идентичностей связаны с рефлексивной (рационально-секулярной) модернизацией, которая делает

русскую культуру децентрированной и в этом аспекте постметафизической, постнациональной, посттрадиционной.

Посттрадиционные трансформации как основания конфликтов идентичностей изменяют ранее гомогенное ценностно-мировоззренческое содержание и традиционалистский статус коллективных идентичностей в иерархической оппозиции «мы – они» посредством универсализации интеграционно-гражданских ценностей. Изменения в иерархии традиционалистских ценностей и посттрадиционный призыв к интеграции и унификации культурных идентичностей в процессе модернизации и глобализации становятся факторами традиционалистского сопротивления. Существование в посттрадиционной русской культуре разных мировоззрений и ценностей не приводит к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к культурному диалогу и гражданской интеграции; однако когда модернизационные риски и ценностные противоречия в процессе унификации и стирания культурных различий воспринимаются как угрозы безопасности и автономности традиционалистских идентичностей – возникают конфликты идентичностей.

Лежащая в основании социокультурных конфликтов амбивалентность антропологических моделей коллективных идентичностей в русской культуре характеризуется противоречием, с одной стороны, традиционалистской (изоляционистской) модели, с другой – посттрадиционной (интеграционной) модели на основе гражданской идентичности и рационально-секулярных ценностей. Конфликтность традиционалистских идентичностей обусловлена конструированием жестких культурных границ: идентичность как коллективное тождество (позитивные автостереотипы) формируется посредством конфронтации и отталкивания от культурной идентичности «чужих» (негативные гетеростереотипы). В культурно-антропологической модели посттрадиционной идентичности обнаруживается возможность интеграции на основе межэтническо-

го сотрудничества и надэтнического диалога, согласования общих целей и ценностей, установления оптимальных связей между автономными социокультурными общностями и их идентичностями. Имеющие исторические корни противоречия между модернизационным потенциалом гражданской интеграции и слабой восприимчивостью носителей традиционалистских идентичностей к демократизации и культурному диалогу являются основанием конфликтов идентичностей в посттрадиционной России.

Т. Р. Гарр в предисловии к русскому изданию работы «Почему люди бунтуют» обращает внимание читателей на фундаментальные вопросы, касающиеся «причин народного недовольства»: «Начинайте с исследования групповых идентичностей людей, оказавшихся в невыгодном положении, включая бедняков и представителей этнических, национальных и религиозных меньшинств... Задайтесь вопросом, почему групповые идентичности и невыгоды сделали их членов восприимчивыми к различного рода политическим призывам и идеологиям, которые оправдывают протест или мятеж. ...Ищите свидетельства международных факторов – транснациональных движений, идеологий, примеры успешных политических акций, которые воздействуют на групповые обиды, мобилизацию и выбор среди различных стратегий политического действия. Анализируйте международные процессы и давления, которые оказывают влияние на те способы, какими правительства отвечают на политические акции своих оппонентов» [8].

Непрекращающаяся в России традиционалистская мобилизация этничности и этнорелигиозности как реакция на утрату «советского интернационализма», с одной стороны, и политические попытки формирования интегрированной в глобальную цивилизацию посттрадиционной идентичности – с другой, выступает в качестве ценностно-мировоззренческого основания конфликтов идентичностей. По мнению В. А. Тишкова, «по причине огромной значимости групповой целостности и статуса

этнополитические конфликты являются особенно трудными для переговоров и компромисса. Это особенно верно, когда участники конфликта основывают свои аргументы и моральный фасад на факте или на мифе «избранной коллективной травмы», будь это депортация, оккупация, «народоубийство» или «голодомор». Случаев коллективной травмы, в которых страдало групповое достоинство людей, советская история знала очень много. ...Имеются достаточные доказательства того, что... недовольства имели под собой историческую основу, как, например, в столь многочисленных случаях в истории СССР. Однако исследования демонстрируют, что недовольства должны быть мобилизованы и инструментализованы для реализации политических целей. Поэтому невозможно достигнуть понимания эскалации конфликтов путем лишь анализа самих недовольств. Крайне важно также рассмотреть стратегии и контрстратегии мобилизации, применяемые государствами, для того, чтобы идентифицировать точки входа для конструктивной деэскалации и примирения. В этих конфликтах обе стороны взывали к настроениям людей, это были призывы либо к «национальному освобождению» и «самоопределению» со стороны восставших, либо к «национальной безопасности», «суверенитету», «территориальной целостности» со стороны существующих государств. Зачастую данные ссылки были облечены в форму чего-то святого, не подлежащего обсуждению или компромиссу» [16].

При внешней модернизационной ориентации (консервативная модернизация) традиционализм советскости (а затем и постсоветской идентичности) как идеологизированной культурно-антропологической модели надэтнической идентичности заключался в доминировании авторитарно-патерналистских ориентаций, сакрализации власти и идеологии, инструментальной «интернационализации» при отсутствии демократических ценностей консолидированного гражданского общества с устойчивыми неформальными связями между автономными социокультурными общно-

стями и коллективными идентичностями. Противоречивость советской идентичности отражает традиционалистскую амбивалентность российского общественного сознания в абсолютизации «крайностей»: бинарные оппозиции «противоборство – единение», «традиция – обновление» составляют онтологический фундамент и базовые антропологические свойства отечественной культуры, обусловившие специфику постсоветских конфликтов идентичностей. Социокультурное содержание постсоветских конфликтов идентичностей заключается в глубинном культурно-мировоззренческом противоречии между модернизационным конструированием российской гражданской идентичности, с одной стороны, и мобилизацией этнического и религиозного традиционализма – с другой. Конфликты идентичностей в трансформирующейся российской культуре характеризуются помимо острого противоречия традиционализации и модернизации также отсутствием культурного метанарратива, интегрирующего традицию и инновацию в структурное единство. Пространство формирования гражданской идентичности оказывается конфликтогенным: совокупность интересов и ценностей социокультурных общностей «институционализируется» в форме противоборствующих стереотипов, генерирующих конфликты идентичностей и разрушающих системную целостность российской культуры.

В модернизирующейся на основе посттрадиционных ценностей России сохраняются традиционалистские черты символической советскости (авторитарные ориентации) и политизированной этничности (культурный партикуляризм), вызывая конфликты идентичностей и указывая на продолжающийся кризис в конструировании

безопасного гражданского проекта идентичности. Преодоление затяжных конфликтов идентичностей и формирование системы общественной безопасности возможны при условии целенаправленного конструирования и трансляции интеграционной гражданской идентичности. Формирование культурного метанарратива – интеграционной гражданской идентичности – необходимое условие рефлексивной (инновационной) модернизации посткоммунистической России, завершающей конфликтогенные традиционалистские проекты советскости и этнорелигиозного возрождения.

В посттрадиционной России формирование интеграционной гражданской идентичности, консолидирующей свободное гражданское общество и формирующей устойчивые социокультурные связи между автономными общностями и группами, имеет безусловное значение для преодоления конфликтов идентичностей. Интеграционная идентичность создает условия для редукции трудноразрешимых «нереалистических» конфликтов идентичностей и их трансформации в управляемые «реалистические» конфликты интересов. В процессе трансляции интеграционной гражданской идентичности может значительно снизиться уровень ценностного противостояния носителей различных идентичностей на региональном и общегосударственном уровне. Вероятность преодоления конфликтов идентичностей в посттрадиционной России зависит от добровольно принятой и осознанной гражданской позиции, причём значимым оказывается не только правовой статус человека, но и способность к социокультурной интеграции на основе гражданского сотрудничества и культурного диалога.

Литература

1. Burton J. (ed.). *Conflict: Human Needs Theory*. – London, 1990.
2. Burton J. *Conflict Resolution: Its Language and Processes*. – London, 1996.
3. Burton J., Dukes F. (eds.). *Conflict: Readings in Management and Resolution*. – London, 1990.
4. Horowitz D. *Conciliatory Institutions and Constitutional Process in Post-Conflict States* // *William and Mary Law Review*. – 2008. – Vol. 49.
5. Ignatieff M. *Nationalism and Toleration* // *The Politics of Toleration*. – Edinburgh, 1999.

6. Rothman J. *Resolving Identity-Based Conflicts*. – San Francisco, 1997.
7. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь, 2001.
8. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб., 2005.
9. Козер Л. Функции социального конфликта. – М., 2000.
10. Никовская Л.И., Степанов Е.И. Формирование конфликтологии этнонациональных отношений // Конфликты в современной России: Проблемы анализа и регулирования. – М., 1999.
11. Паин Э.А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М., 2004.
12. Паин Э.А. Этнополитический маятник. – М., 2004.
13. Паин Э.А., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР // Советская этнография. – 1990. – № 1.
14. Степанов Е.И. Отечественная конфликтология: современное состояние и задачи // Современная конфликтология в контексте культуры мира. – М., 2001.
15. Степанов Е.И. Теоретико-методологические проблемы изучения глобализации и регионализации как конфликтных факторов современной трансформации российского общества // Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации. – М., 2005.
16. Тишков В.А. Конфликт в сложных обществах. Введение к русскому изданию // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. – М., 2007.
17. Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. – М., 2007.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Амбарцумян Карина Размиковна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / karina-best21@mail.ru.
2. **Бочкарёва Зоя Васильевна** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / istoriirossii@yandex.ru.
3. **Бредихин Сергей Николаевич** – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / bredichinsergey@yandex.ru.
4. **Булыгина Тамара Александровна** – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / bul.tamara2011@yandex.ru.
5. **Величко Людмила Николаевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / ludku@yandex.ru.
6. **Вышеславова Татьяна Федоровна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета / vysheslavova_tf@mail.ru.
7. **Дадабаев Владимир Кадырович** – кандидат медицинских наук, доцент кафедры судебной медицины Тверской государственной медицинской академии / www.Vladimir2@rambler.ru.
8. **Заровная Людмила Викторовна** – ассистент кафедры административного и финансового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета / getra07@mail.ru.
9. **Золотых Юлия Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной и мировой литературы Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / jul26rus@yandex.ru.
10. **Калинина Елена Валентиновна** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / elena.helen-kalinina@yandex.ru.
11. **Клопихина Василина Сергеевна** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин Ставропольского государственного педагогического института / vasklo@mail.ru.
12. **Колосовская Татьяна Александровна** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / kolosowskay@yandex.ru.
13. **Корнеева Мария Дмитриевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории журналистики Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / korneeva1944@yandex.ru.
14. **Коробкина Ирина Александровна** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / irynkor@gmail.com.
15. **Краснова Ирина Александровна** – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / gorward_@mail.ru.
16. **Крючков Игорь Владимирович** – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / igory5@yandex.ru.

17. **Кунаева Анастасия Викторовна** – магистр второго года обучения по направлению «Всеобщая история» Северо-Кавказского федерального университета / nastia.cunaeva@yandex.ru.
18. **Луговой Дмитрий Борисович** – кандидат филологических наук, доцент кафедры средств массовой информации Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / D.lugovoy@rambler.ru.
19. **Милославская Виктория Владимировна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры культуры русской речи Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / v.v.miloslavskaya@gmail.com.
20. **Перепелицына Юлия Ростиславовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры русской речи Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / pur.fil@mail.ru.
21. **Петров Николай Владимирович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / petrova_sksi@mail.ru.
22. **Плохотнюк Татьяна Николаевна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / plokhotnjuk@gmail.com.
23. **Польская Светлана Анатольевна** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / polskaya-sa@yandex.ru.
24. **Попов Максим Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / maximus.popov@gmail.com.
25. **Птицын Андрей Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / ptandr@rambler.ru.
26. **Пуховский Николай Викторович** – аспирант четвертого года обучения кафедры Отечественной истории Института истории и международных отношений Южного федерального университета / nataljapuchovskaja@rambler.ru.
27. **Романов Владислав Валерьевич** – студент 2 курса факультета истории, философии и искусства Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / history_d03@mail.ru.
28. **Романова Нина Васильевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / history_d03@mail.ru.
29. **Садченко Валентина Николаевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / vsadchenko@yandex.ru.
30. **Стрелков Андрей Анатольевич** – заместитель руководителя следственного управления СК РФ по Тверской области, полковник юстиции.
31. **Тарасов Михаил Владимирович** – аспирант кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / kafcivil@urinst.ru.
32. **Тельменко Елена Павловна** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / teilman@mail.ru.
33. **Ткаченко Дмитрий Сергеевич** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / tksmsg@rambler.ru.
34. **Трегубов Алексей Евгеньевич** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / histo1960@bk.ru.

Научное периодическое издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

научно-теоретический журнал

2014. № 1(1)

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. – 2014. – № 1(1). – 188 с.

Редакторы, технические редакторы Л. Г. Ерицян, Н. Б. Копнина
Компьютерная верстка И. В. Бушманова
Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 16.05.2014

Формат 60x84 1/8

Усл. п. л. 21,86

Уч.-изд. л. 16,88

Бумага офсетная

Заказ 166

Тираж 100 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.

